

ДИСКУРС 1/2016

DISCOURSE

Научный журнал.
Издаётся с сентября 2015 г.,
выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет „ЛЭТИ“ им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. М. Кутузов (председатель),
Н. К. Гигаури (зам. председателя), А. В. Звонцов (зам. председателя),
А. Ф. Иванов (главный редактор), О. Н. Артунян (отв. секретарь),
А. О. Бороноев, А. В. Волков, В. Д. Губин, П. П. Дерюгин, О. Ю. Маркова, Т. Д. Маслова,
А. Р. Плоткина, В. П. Семенов, Е. В. Строгеецкая, И. В. Цвигун, В. В. Щербина,
Б. С. Мырзалиев (Казахстан), Т. Ронгинска (Польша), д'Аскензо Фабрицио (Италия)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ:

Философские науки

Маркова Ольга Юрьевна, д-р филос. наук, профессор
каф. философии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Экономика и управление народным хозяйством

Семенов Виктор Павлович, д-р экон. наук, профессор,
зав. каф. менеджмента и систем качества СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Социологические исследования

Строгеецкая Елена Витальевна, канд. полит. наук, доцент,
зав. каф. социологии и политологии СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс 71225
по объединенному каталогу
«Пресса России».
Том 1 «Газеты и журналы».
Подписка производится в любом
почтовом отделении России

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, в соответствии с требованиями приказа Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793

Электронный адрес журнала:

на сайте СПбГЭТУ «ЛЭТИ»:
в системе РИНЦ:

<http://www.eltech.ru/ru/universitet/izdatelstvo/zhurnal-diskurs>
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=55485

Адрес редакции журнала:

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 234-10-13
E-mail: discourse@etu.ru

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Профессора Попова, 5
Тел./факс: +7 (812) 346-28-56
Тел.: +7 (812) 346-45-23

Редакторы:

Е. О. Вережкина, О. Р. Крумина, Н. В. Кузнецова

Компьютерная верстка

Е. Н. Паздниковой, Е. С. Николаевой

Подписано в печать 19.02.16. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 17,0.
Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.) Заказ 23.

Содержание

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Волков А. В.</i> Антропология науки: на путях тематизации человеческого измерения научного знания.....	3
<i>Котенко В. П.</i> Наука XXI века: фундаментальная или прикладная (или технонаука)?	14
<i>Марков Б. В., Хубулава Г. Г.</i> Коммуникация врача и больного в истории культуры.....	24
<i>Соколов Е. Г.</i> «Монтаж» массовой индивидуально-уникальной художественной реальности	36

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

<i>Косухина М. А.</i> Методика оценки инновационного климата региона	49
<i>Швецова О. А.</i> Петербургский стиль делового общения.....	54
<i>Семенов В. П.</i> Основные условия повышения эффективности и качества эксплуатации морской техники	60
<i>Баринова Н. А.</i> На пути к управлению качеством: производственная система Генри Форда.....	68
<i>Михайлов Ю. И.</i> Методические положения использования скользящего планирования в системе ремонтного производства нефтеперерабатывающих предприятий.....	75

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Пименов Н. П.</i> Кризис российской внесистемной оппозиции: закономерность или случайность?	84
<i>Замотин М. П.</i> Высшее образование как возможный сценарий миграции: постановка вопроса.....	92
<i>Огороднова А. М.</i> Политики и журналисты: в тени информационной повестки	101
<i>Дерюгин П. П., Шилиева А. С.</i> Социодинамика ценностей молодежи: от предприимчивости к предпринимательству.....	111
<i>Строгецкая Е. В., Бетигер И. Б.</i> Нелинейные образовательные траектории студентов как признак университета, нацеленного на лидерство	122
Сведения об авторах	132
Правила представления рукописей авторами	134

УДК 111+001:1

А. В. Волков

Петрозаводский государственный университет

АНТРОПОЛОГИЯ НАУКИ: НА ПУТЯХ ТЕМАТИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Посвящается проблеме «наука и человек», которая становится все более значимой в современной философии. Критической оценке подвергается специфика позитивистского подхода к анализу научного познания. Предпринимается попытка обоснования антропологии науки – нового философского подхода, направленного на тематизацию научного познания в его человеческом измерении.

Научное познание, человек, позитивизм, природа, культура, гендер, антропология науки

Не будет большим преувеличением сказать, что на сегодняшний день одним из самых важных и актуальных объектов изучения является наука. И это понятно. XX век вполне может быть охарактеризован как все расширяющееся использование науки в самых различных областях человеческой жизнедеятельности. Все, что столь сильно изменило условия жизни целых поколений, – будь то медицинские препараты или компьютерные технологии – основано на познании законов мироздания, т. е. в конечном итоге на науке. Вместе с тем, обращает на себя внимание и другой факт. С развитием научного знания и основанной на нем техники связывают не только самые существенные надежды человечества, но и тревоги за будущее. Так, в начале 60-х гг. XX в. пришло осознание, что бурный научно-технический прогресс порождает различного рода негативные последствия в сфере экологии – истощение природных ресурсов планеты, растущее загрязнение воздуха, воды, почв. Чуть позже, в 1970-е гг., широкий резонанс вызвали результаты биомедицинских и генетических исследований. Перспективы, очерченные этими результатами, в связи с их потенциальной опасностью для генетической конституции ныне живущих организмов и по сей день порождают дискуссии. В связи с этими и многими другими обстоятельствами наука сегодня оказалась под перекрестным вниманием многих дисциплин – истории, социологии, психологии. Однако особое место в этом ряду принадлежит философии. В чем заключается особенность философского подхода к науке?

Еще со времен Платона и Аристотеля считается, что «философия начинается с удивления». Эта греческая формула впоследствии продолжилась многими мыслителями. Ярким ее выразителем был немецкий философ И. Кант. Лейтмотив его философии – вопрос «как нечто возможно?» Как возможно математическое, естественно-научное знание? Несколько позже, в XX в., «греческое удивление» эхом отозвалось в хайдеггеровском вопросе «почему вообще есть нечто, а не ничто?», вопросе, который сам М. Хайдеггер называл основным, судьбоносным для западноевропейской цивилизации. Платон, Кант, Хайдеггер и другие

мыслители приподняли завесу, скрывающую специфику философского мышления. Теперь, задаваясь вопросом «как нечто возможно?», мы настраиваемся на поиск фундаментальных начал, предпосылок того или иного явления (например, научного познания), и наш настрой приобретает философское звучание, становится философичным. Таким образом, можно сказать, что специфика философского анализа науки заключается в том, что философия делает предпосылочный компонент научного знания явным, заметным для самой науки.

Часто любые предпосылки из-за их непосредственной близости к тому, кто из них исходит, часто остаются не замеченными. Развитие философии с момента возникновения и до сегодняшних дней показывает, что главной такой предпосылкой оказывается, как ни странно, сам человек. Учитывая, что традиционно научное познание выступало объектом позитивистской рефлексии, было бы резонно обратиться к некоторым сюжетам из истории позитивистской мысли и на их примере продемонстрировать, что всякий раз, когда внимание позитивистов было приковано к вопросам специфики и динамики научного знания, главный участник и герой познавательного процесса, человек, оказывался в тени либо выступал в рамках односторонней, усеченной перспективы. Предприняв подобного рода демонстрацию, можно будет в очередной раз убедиться в необходимости синтеза философии науки и философии человека и, в частности, в необходимости построения антропологии науки – философского направления, занятого тематизацией научного познания в его человеческих измерениях.

Научное знание в отличие от произвольных измышлений и различного рода спекуляций имеет своим источником опыт. Очистить научное знание от всего в нем «ненадежного», т. е. метафизического, и поставить науку на твердое и незыблемое основание опыта – таков был позитивистский замысел, получивший наиболее полное выражение у представителей Венского кружка. Пожалуй, именно на примере трактовки познавательного опыта наиболее отчетливо просматривается свойственная позитивистам нечувствительность к человеческому измерению научного познания. Как в рамках махизма, так и логического позитивизма опыт понимался как то, что присутствует в сознании «я». Считалось, что человек всегда осознает свои чувства: они доступны интроспекции, достоверны и не подлежат сомнению. Это с одной стороны. С другой стороны, в позитивистской традиции существовало неформулируемое явно убеждение, что чувственные впечатления идентичны у всех людей. Например, чувственная идея красного в моем сознании ничем не отличается от идеи красного в сознании любого другого человека. Таким образом, чувственные данные рассматривались в сущности как «ничьи». Они суть элементы опыта абстрактного гносеологического субъекта.

Насколько оправданна такая трактовка научного опыта? Обратимся к небольшому примеру. В далеком XVII в. английский ученый Маскелейн, который носил почетный титул «королевского астронома», уволил своего подчиненного – Киннебрука – за то, что тот систематически регистрировал прохождение небесных светил на полсекунды позже самого метра. Строгий начальник усмотрел в этом недобросовестность своего ассистента, хотя в действительности вся вина Киннебрука состояла в том, что по своим психосенсорным особенностям реагировать быстрее он просто не мог. Как явствует из примера, наблюдение и его результаты зависимы от состояния чувств наблюдателя, от колебания их чувствительности и разрешающей способности. Примечательно, что сталкиваясь с подобного рода примерами, ученые и психологи были вынуждены ввести понятие «личного уравнения». «Личное уравнение – это интегральная характеристика психофизиологических особенностей челове-

ка, задающая предел его сенсорных возможностей. Каждому исследователю свойственно «личное уравнение», определяющее его возможности как наблюдателя» [1, с. 22–23].

Проблематичность предложенной неопозитивистами трактовки опыта связана и еще с одним обстоятельством – упрощенным видением языка как одного из главных атрибутов человеческого сознания. Ратуя за построение формализованного, логически совершенного языка, неопозитивисты руководствовались «инструментальной концепцией» (К.-О. Апель), в которой язык есть пассивное и нейтральное средство обозначения и выражения мысли. Согласно такому пониманию, человек сначала познает элементы чувственно данного мира, затем посредством абстракции схватывает онтологическую структуру мира, потом обозначает элементы полученного таким образом миропорядка посредством взаимосвязи знаков и, наконец, используя эти знаки, сообщает другим людям о познанном им положении дел. Заметим, что язык как послушное и беспристрастное зеркало мысли – это абстракция, которая, как и любая другая абстракция, оправдана в определенных рамках, пределах – главным образом тогда, когда речь идет о формализованном, терминологическом языке. Что касается естественного языка, который также используется в научном познании и ни при каких условиях не может быть устранен, то он скорее выступает на манер продуктивного медиума, активно влияющего на мышление и онтологию.

Пожалуй, наиболее очевидным образом данное обстоятельство проявляется, когда объектом познания выступает социальный, культурный, языковой мир другого субъекта. В свое время американский логик, философ У. Куайн предложил на этот счет занятный мысленный эксперимент [2]. Некие туземец и лингвист-европеец, гуляя по лесу, видят, как мимо пробегают заяц. Туземец произносит: «Гавагай». Разумеется, лингвист предполагает, что на родном языке туземца «гавагай» означает «заяц», хотя полной уверенности у него нет. Дело в том, что, переводя «гавагай» как заяц, лингвист опирается на аналогию с европейским языком и полагает, что, как в европейском языке слова именуют отдельные целостные объекты, также это происходит и в языке туземца. Однако, если отказаться от европейского стандарта, то можно предположить, что слово «гавагай» относится не к зайцу как целостному объекту, а, например, к его части, оказавшейся сейчас в поле зрения. Сразу возникает вопрос, сколько здесь «гавагай»: один, два? А может, под «гавагай» в туземном языке понимается не такой вид объектов, которые, с одной стороны, похожи друг на друга своими «заячьими характеристиками», а с другой – уникальны, нечто вроде «идеи» Платона – явление общей «заячности» в данном участке пространства и в данный момент времени. В этом случае в языке будут отсутствовать средства выражения грамматической формы числа, а также разделение существительных на абстрактные и конкретные.

Наверное, допустимо множество средств объектной интерпретации той сенсорной информации, которая соответствует слову «заяц» в примере Куайна. Но главное заключается не в том, чтобы их перечислить, а в том, чтобы понять тот факт, что объектное расчленение мира может задаваться самим языком, всей совокупностью лексических и грамматических средств, которые, в свою очередь, определяются особенностями культуры носителей языка. Последнее обстоятельство имеет исключительно важное значение и для естественных наук, ибо из него следует, что человек не волен описывать природу абсолютно независимо. Люди могут быть связаны с определенными способами интерпретации уже тогда, когда считают себя свободными. Приведем пример.

Когда в XIX в. было открыто световое и другие виды электромагнитного излучения, многие физики поначалу полагали, что электромагнитные волны представляют собой колебания некой субстанции, называемой «эфиром», и придумывали различные механические модели, объясняющие действие эфира. На этот эпизод можно посмотреть с позиции того, как людей иногда пленяет грамматика языка, на котором они говорят. Субъектно-предикатная структура наших предложений склоняет думать, что если нечто случается, то за этим обязательно должна стоять сущность, отдельная от события. Например, если имеются волновые движения, то они непременно должны быть движением чего-то. Подобные размышления, однако, с позиции квантовой физики расцениваются как не вполне корректные. Э. Шредингер, например, предлагал рассматривать электромагнитные волны как самостоятельные образования, а частицу – как то «место» волны, в котором сосредоточена наибольшая ее энергия. В целом приведенный пример позволяет еще раз оценить всю значимость и серьезность мысли Н. Бора о том, что научный исследователь нередко оказывается в положении моряка, корабль которого прибило к далекой земле, где не только условия жизни иные, но и язык живущих там людей незнаком. Моряку нужно добиться понимания, а у него в распоряжении нет никаких средств [3, с. 346–357].

Пришедший на смену неопозитивизму постпозитивизм дистанцировался от ряда теоретических установок своего идейного предшественника. Прежде всего это касается неопозитивистской трактовки опыта. Для К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда человеческие глаза слепы к непредвиденному, а сам научный опыт состоит из сплетения догадок-предположений, ожиданий, гипотез и т. п., с которыми связаны принятые ученым традиционные научные и ненаучные знания и предрассудки. Такого явления, как чистый опыт, полученный в результате эксперимента или наблюдения, не существует [4, с. 405]. В постпозитивистской версии научный опыт гораздо ближе к тому, что мы обычно понимаем под житейским опытом: это результат того, чему ученый смог выучиться, работая в рамках определенной научно-исследовательской области, парадигмы. Безусловно, постпозитивистская философия предложила более адекватную реальности научного познания трактовку опыта. Построенный по нормам и образцам определенной парадигмы, пропитанный различного рода гипотетическими ожиданиями научный опыт приобрел человеческие черты. Вместе с тем, направив острие своей критики против логического позитивизма, постпозитивизм в конечном итоге и сам оказался источником таких проблем, которые косвенно или напрямую были связаны с отвлечением от человеческого измерения научного познания.

В случае Поппера данное обстоятельство особенно заметно на примере его рассуждений о динамике научного знания. Учитывая, что опыт выступает сплетением догадок-предположений, ожиданий, гипотез, с которыми связаны традиционные научные и ненаучные знания и предрассудки, Поппер подчеркивает, что не имеет значения, какой достоверностью обладают эмпирические данные сами по себе. Принятие предложений, в которых фиксируются результаты наблюдения или эксперимента, должно осуществляться на основе прохождения этих предложений через горнило критического обсуждения, дискуссий. При этом своеобразие попперовской концепции состоит в том, что, связывая себя с принципом критикуемости, ученый в действительности следует принципу самой жизни. Не что иное, как биологическая эволюция является основанием этого фундаментального принципа, а процесс развития научных теорий происходит по определенной схеме, имеющей вид: P1 – TT – EE – P2. Сам Поппер описывает эту схему так: «Мы начинаем с неко-

торой проблемы P1, переходим к предположительному, пробному решению или предпочтительной, пробной теории TT, которая может быть (частично или в целом) ошибочной; в любом случае она должна быть подвергнута процессу устранения ошибки EE, который может состоять из критического обсуждения или экспериментальных проверок; во всяком случае, новые проблемы P2 возникают из нашей собственной творческой деятельности, но они не являются преднамеренно созданными нами, они возникают автономно из области новых отношений, появлению которых мы не в состоянии помешать никакими действиями, как бы активно ни стремились сделать это» [4, с. 455]. Пункт схемы EE – элиминация ошибок – позволяет Попперу уподобить процесс развития науки эволюционному развитию биологических видов. Пробные решения представляют собой мутации, а критические дискуссии и данные опыта аналогичны факторам естественного отбора, которые элиминируют неудачные теории.

Безусловно, концепция Поппера представляет важный шаг на пути осмысления процесса роста и развития научного знания. Однако в той эволюционно-биологической интерпретации, которую Поппер предпосылает этому процессу, сам человек как субъект познания представлен односторонне, как часть природного, органического мира. В самом деле, как мы видели, Поппер проводит аналогию между дарвинистским объяснением эволюции через случайные мутации и естественный отбор, с одной стороны, и методом проб и ошибок – с другой. При этом методом проб и ошибок действуют не только люди, но и животные. Решающим же отличием человеческой деятельности от деятельности животных является, по мнению Поппера, язык. Язык позволяет людям объективировать их проблемы, гипотезы, вступать в критические дискуссии. В этой связи именно возникновение и развитие в процессе эволюционной истории человека язык оказывается важным фактором для становления и функционирования науки.

Несмотря на уместность и справедливость последнего вывода, он, тем не менее, не отменяет другого важного обстоятельства. В частности, нельзя не обратить внимание на то, что наука как деятельность, направленная на производство и обоснование знания об объективном мире, предполагает особую социальную организацию, определенные способы хранения и передачи информации и возникает только при известных социальных условиях. Вот эту социокультурную специфику биологическое обоснование как раз и оставляет в тени. Действительно, с биологической точки зрения невозможно рассуждать, например, о специфических условиях становления европейской науки, возникновении дедуктивного метода в древнегреческой математике и т. д. Уникальность этих явлений требует выявления социокультурных, а не всеобщих биологических условий возникновения и формирования науки. В отвлечении от социокультурных параметров научного познания собственно и проявляется определенная ограниченность концепции австрийского философа.

В отличие от Поппера Кун оказался более чувствительным к социокультурным факторам, и не случайно, что именно его работы послужили основанием для того «социологического поворота», который произошел в западной эпистемологической мысли в конце 70-х гг. XX столетия. Не ставя под сомнение рациональность науки, Кун, однако, полагал, что сама рациональность не есть нечто такое, что может быть рассмотрено вне и независимо от исторически-конкретного состояния науки. Научно и рационально то, что принято в качестве такового данным научным сообществом в данный исторический период. Научное познание осуществляется на основе специальных образцов – парадигм, т. е. правил, предписываю-

щих, как изучать и как объяснять реальность, какие способы идентификации и утверждения внутридисциплинарной рациональности следует использовать. По Куну история науки может быть описана как история возникновения, конкуренции и отмирания научных парадигм. Что определяет успех парадигмы над своими соперницами? В ответе на этот вопрос проявляется специфика куновского «историцизма». Выбор между парадигмами совершают люди, работающие в науке. И этот выбор обусловлен отнюдь не только когнитивными факторами – он зависит от человеческих пристрастий, убеждений, авторитетов, социально-психологической атмосферы и традиций научных сообществ, а так же многих других внешних по отношению к науке воздействий социокультурной среды. Победившая парадигма утверждает себя также преимущественно социальными методами: ее сторонники вытесняют приверженцев старой парадигмы с ключевых социальных позиций в науке – из журналов, издательств, руководящих органов. Таким образом, процесс смены парадигм может быть назван революцией не только в метафорическом, но и буквальном смысле слова [5].

Безусловно, привлечение социально-психологических факторов оказывается весьма важным для понимания человеческого измерения научного познания. И, тем не менее, ограничиваясь только социальной перспективой, едва ли возможно эксплицировать данное измерение в его целостности, полноте. Чтобы убедиться в этом, следует обратить внимание на один из пунктов в концепции Куна, который до сих пор вызывает законные возражения. Речь идет о несоизмеримости парадигм, о якобы фатальном изменении стандартов рациональности в процессе развития научного знания. Действительно ли все стандарты рациональности меняются столь радикально? Внимательный взгляд на развитие научного знания говорит, что, несмотря на все изменения, которые произошли при переходе науки от классического к неклассическому (и даже постнеклассическому) типу рациональности, ученые по-прежнему стремятся к законсообразному описанию явлений и построению наиболее простых, экономичных теорий. Проведенный в отечественной философии анализ научных методологических принципов показывает, что принцип детерминизма, а также принцип простоты и единства научного знания, обладают мощным кросс-парадигмальным содержанием и продолжают работать, пусть и в несколько модифицированном виде, в современном научном познании [6]. Откуда черпают свою универсальность и устойчивость эти принципы? Чтобы ответить на этот вопрос, не достаточно основываться на идеях социальной психологии и социологии научного знания, требуется обратиться к соображениям из области эволюционной биологии и психологии. Без освещения эволюционного прошлого человека и понимания того, какую значительную роль для адаптации предков человека сыграли навыки каузального мышления и способность редуцировать меняющееся информационное многообразие мира к устойчивым, повторяющимся структурам, невозможно избежать культурно-исторического релятивизма, а также восстановить человеческое измерение научного познания [7].

Сходные проблемы возникают и в современной эпистемологической литературе. Восприняв тезис Куна о парадигмальной зависимости научного знания, современные философы, социологи, историки переместили свой взгляд на микросоциум, научную лабораторию, и стали говорить о различных культурах наблюдения и измерения, разнообразных инструментальных традициях и экспериментальных культурах. Утверждается, что знание, продуцируемое в рамках одной лаборатории, возникает из свойственного данной лаборатории уникального контекста – совокупности человеческих отношений, определяемых со-

циальными, психологическими, экономическими и другими факторами, и может поэтому оказаться невоспроизводимым в контексте другой лаборатории. К общему видению и пониманию представители различных лабораторий приходят через многочисленные дискуссии и переговоры, в которых опять же важную роль играют социальные факторы [8]. Спрашивается, насколько адекватна реальности эта рисуемая современными теоретиками картина локального разнообразия и контекстуальной зависимости научного знания? Не базируется ли она на гипертрофированном образе человека как существа социального?

Непредвзятый и всесторонний анализ научно-исследовательской деятельности свидетельствует, что за видимым разнообразием специфичных для отдельных лабораторий научных культур скрываются и некие общие когнитивные стратегии. Одна из главных таких стратегий (помимо уже упомянутых принципа детерминизма и единства и простоты научного знания) заключается в производстве и использовании учеными различных визуальных репрезентаций знания – графиков, диаграмм, схем, получивших предметно-материальное воплощение и закрепление на бумаге, фотопленке, экране компьютера [9]. Чем обусловлено такое единство? Думается, что и в этом случае обращение к идеям эволюционной эпистемологии и психологии является полезным и необходимым. Учитывая сколь значительным для повышения адаптивного потенциала *homo sapiens* оказалось в свое время развитие человеческим сознанием способности экстериоризировать самое себя, т. е. продолжать и расширять себя вовне с помощью материальных средств, можно предположить, что данное единство уходит своими корнями в эволюционное прошлое человека и составляет так называемое «филогенетическое априори», о котором говорил К. Лоренц. Таким образом, можно еще раз подчеркнуть, что не только социальные и культурологические, но и эволюционно-психологические исследования необходимы для экспликации человеческого измерения научного познания.

Недостаток внимания к реальному субъекту познания, человеку, проявляется в позитивистских концепциях в отвлечении от гендерного измерения научного познания – измерения, в котором биологические и социокультурные факторы оказываются тесно переплетены и взаимосвязаны. Высказанную в свое время Ст. Тулминым мысль о том, что физики, а не физика объясняют физические явления, можно было бы продолжить: коль скоро сами физики отнюдь не бесполое существа, их принадлежность к «сильному» или «слабому полу», их представления о поле как таковом могут накладывать отпечаток как на особенности социальной организации науки, так и специфику порождаемого ей знания. Полагать, что философия науки должна заниматься исключительно построением нормативных моделей научного познания, и превратности реального процесса познания ее не интересуют, мало продуктивно. Дело в том, что чрезмерная отвлеченность нормативных моделей от реальной истории науки делает их уязвимыми для критики. Кроме того, реальная научная практика, как это показали сами постпозитивисты, как правило, оставляет место для воздействия на научное знание различного рода внешних факторов, в числе которых вполне могут оказаться и гендерные особенности исследователей. Вот небольшой пример.

В 1951 г. американской исследовательницей Б. Мак-Клинтон было высказано предположение о том, что коль скоро ДНК находится в тесном взаимодействии с остальными внутриклеточными структурами – цитоплазмой, мембранами, то генетический контроль должен быть функцией сложного взаимодействия внутриклеточных компонентов как целостной системы. Такая идея, однако, противоречила центральной догме молекулярной

биологии, т. е. положению о том, что ДНК кодирует и передает все необходимые для развития живой клетки «инструкции». Она не была принята научным сообществом, что в итоге сильно задержало открытие так называемых «подвижных генов». В 1983 г. за это открытие Б. Мак-Клинтон удостоилась Нобелевской премии. По оценкам ряда современных историков, в высказанных Б. Мак-Клинтон интеракционистских идеях нашли отражение особенности когнитивного стиля, характерного для женского гендера и, в частности, склонность к холистскому видению мира, что также стало и дополнительной трудностью принятия ее идей научным сообществом, состоящим главным образом из представителей мужского пола [10]. Надо сказать, что в свете некоторых психоаналитических построений, соображения историков действительно заслуживают определенного доверия. Так, в рамках теории объектных отношений Н. Ходоров утверждает, что женская и мужская идентичности формируются через различное отношение к материнским узам. Мальчики для утверждения собственной идентичности, как правило, отделяют себя от матери – объекта любви и обожания, тогда как девочки, напротив, склонны к идентификации себя со своими матерями. Одновременно с формированием идентичности происходит и становление различных когнитивных стилей. Для представителя мужского пола в качестве более вероятного и характерного оказывается видение и понимание мира из перспективы обособления субъекта от объекта, объекта от контекста, в котором он существует, а для женщин наоборот – из перспективы связанности субъекта с объектом, а объекта с контекстом. В продолжение сказанного интересно заметить, что подъем биологии развития в качестве исследовательской области в 70–80 гг. XX в. коррелирует с увеличившимся женским присутствием в данной области. При этом успех в исследованиях одной из самых важных в то время тем, мутаций с материнским эффектом, вновь был связан с приматом холистского когнитивного стиля и, в частности, с убеждением в том, что не только клеточное ядро, но и цитоплазматические влияния могут иметь генетическую природу.

Полагаем, сказанного достаточно, чтобы подвести промежуточные итоги. Как видим, всякий раз, когда позитивистская философия пытается исключить из сферы своего интереса человеческое начало либо дает ему одностороннюю проекцию (биологическую или социальную), она оказывается ограничена в своих возможностях решать проблемы, связанные с выяснением структуры и развития научного знания. В этой связи философия науки должна не исключать, а предполагать философию человека. При этом, поскольку человек принадлежит как миру природы, так и миру социума, культуры, то для более продуктивного осмысления человеческого измерения научного познания требуется сотрудничество философии с эволюционной психологией, социологией научного познания, когнитивной наукой. Чрезвычайно полезной в плане обогащения эпистемологии антропологическим содержанием могла бы оказаться и экспликация влияния гендерных факторов на развитие и содержание научного знания. Правда, для экспликации гендерных факторов в аспекте их влияния на научное знание недостаточно самой по себе эпистемологии, необходимо подключение к ней истории и философии культуры, психоанализа, антропологии. Таким образом, сам человек должен предстать не в образе абстрактного субъекта, в жилах которого, как писал В. Дильтей, течет ненастоящая кровь, а в качестве вполне реального существа, находящегося во взаимодействии с другими познающими существами и коллективами.

До сих пор, пока мы говорили о человеческом измерении научного познания, речь шла об ученом как человеке, принадлежащем двум мирам – миру социума, культуры и ми-

ру природы. Думается, что в таком разговоре остался в качестве подразумеваемого, но не высказанного один очень важный смысл, а именно: человек не просто живет в мире природы и культуры, он есть существо пограничное, вынужденное выходить за пределы как первозданной, биологической природы, так и «второй природы», т. е. культуры, которую человек создал себе сам. Эта тема, которую можно было бы условно назвать «познающая экзистенция», как правило, оказывалась за границами внимания философов позитивистского направления, а между тем, экзистенция как способность человека к активному выходу из состояния наличного бытия представляется весьма важной для видения и понимания человеческого измерения научного познания. Попробуем пояснить сказанное.

Как уже говорилось, в научном познании колоссальную роль играет обучение. Так, чтобы гарантировать сопоставимость результатов и последовательность программ исследований в течение продолжительного времени, каждая научная лаборатория должна проверить своих наблюдателей, измерить их потенциал, сравнить их между собой, т. е. составить их «личное уравнение». Затем, благодаря постоянному обучению, лаборатория старается «ректифицировать» каждого наблюдателя, т. е. научить его владеть своим глазом и сделать синхронными жесты – короче стандартизировать. Можно сказать, что ученый видит и познает окружающий мир не только природой данными ему органами, но и органами, возникшими и сформировавшимися в социокультурном пространстве обучения. В этой связи войти в роль субъекта научного познания означает для человека овладеть практикой «амплификации» естественных способностей, «достраивания» недостающих для познания органов, что вполне согласуется с определением человека как «символического животного» (Э. Кассирер) и антропологическим законом «естественной искусственности» (Х. Плеснер). В число таких «искусственных органов» можно включить и навыки наблюдения, и теоретические понятия и т. д.

Со временем, однако, искусственные органы научно-познавательной деятельности могут стать (и становятся) препятствием на ее пути. Вспомним, как многие ученые в начале XX в. пытались найти ответ на вопрос, какова траектория движения электрона в атоме. Эти напряженные искания разрешились догадкой, высказанной В. Гейзенбергом. На вопрос, какова траектория электрона в атоме ответить невозможно, ибо никакой траектории в атоме нет, а сам вопрос является «незаконным», поскольку навеян понятийным аппаратом классической механики, поставляющей неадекватные специфике микромира наглядные образы: «электрон – маленький шарик», «движение шарика осуществляется по некой орбите».

Этот пример хорошо показывает, как человек может пребывать под властью созданных им самим искусственных конструкций. Существует ли в подобного рода случаях субъект научного познания, или он как бы «растворен» в инерции некой интеллектуальной традиции? Если верно второе, то умение быть субъектом научного познания вполне соответствует описанной экзистенциалистами способности человека выходить за пределы хорошо освоенного, прожитого и продуманного мира в мир новый, для которого, как правило, еще нет слов и т. д. Сказанное, кроме того, выводит на мысль, что всякое познание должно включать в себя и самопознание. Речь, в частности, идет о том, что только при наличии у познающего способности к экзистированию для него открывается возможность стать чувствительной мембраной, различающей голос собственного сознания и «речь» познаваемой им природы.

Не только теоретическая, но и экспериментальная деятельность свидетельствует, сколь значимой для ученого является способность к экзистированию. Подсказкой, намекающей на это обстоятельство, может послужить такой распространенный в современной эпистемологической литературе образ, как «распределенное познание» (distributed cognition) [11]. Как правило, исследователи, осмысляющие инструментально-практические аспекты научно-познавательной деятельности и наблюдающие работу ученых в лаборатории, сообщают, что познавательный процесс не ограничивается привязкой к некоему интеллектуальному центру, существующему в сознании индивида-исследователя, но как бы распределен между научной аппаратурой, интеллектом исследователя и телесным чутьем, отвечающим за отладку, настройку и качество функционирования научного оборудования. Нехватка или изменение в каком-нибудь из этих взаимосвязанных, параллельно действующих элементов может привести к дестабилизации изучаемого феномена, к потери научным результатом качества устойчивости и воспроизводимости. Вот один из характерных примеров на этот счет.

Во второй половине 30-х гг. XX в. сотрудник отделения патологии в институте Рокфеллера в Нью-Йорке А. Клод ввел в цитологию новую экспериментальную технику изучения клетки – дифференциальное центрифугирование. После центрифугирования при 18000 g в течение часа на дне пробирки скапливались мелкие частицы. В 1941 г. Клод отождествил эти частицы с митохондриями или их фрагментами. Однако уже в 1943 г. исследователю пришлось отказаться от своего вывода. Дело в том, что когда концентрация буферного раствора и условия центрифугирования изменялись, ресуспендированный осадок частиц уже не содержал в себе никакого гранулярного материала, соответствующего фрагментам митохондрий. В итоге Клод переименовал свои частицы в «микросомы».

Значимость этого примера, а он один из многих, заключается в том, что он позволяет увидеть, казалось бы далекую от научного познания экзистенциальную истину: в науке, особенно в лаборатории, человек часто принимает за мир (познаваемую им объективную реальность) то, что на самом деле является лишь продолжением его самого (субъекта с арсеналом инструментально-технических средств), и тем самым оказывается перед лицом вопроса о том, где собственно он пребывает – на территории мира или на территории своих представлений о мире. Коль скоро в науке на пути человека к истине часто в качестве препятствия выступает сам человек, то экзистенция как «странная посторонность бытия самому себе» (А. В. Ахутин) является условием и возможностью научного предприятия.

Разумеется, осуществляя теоретические расчеты и проводя эксперименты, ученый добывает истину не в одиночку. Он делает это сообща, и коммуникация – это еще одно явление, в котором находит свое отражение познающая экзистенция. Как представители постпозитивизма, так и современные эпистемологии хорошо показали, что принадлежность ученых к различным парадигмам и лабораториям приводит к различиям во взглядах на результаты собственной деятельности и оценке труда своих коллег. Возникает настоящий конфликт интерпретаций, теорий, методов, фактуальных данных – ситуация, которую нельзя разрешить, минуя дискуссии и переговоры. Вместе с тем, если правила наблюдения, способы интерпретации эмпирических данных, наконец, стандарты рациональности специфичны для научных сообществ и групп, то, спрашивается, каким образом вообще возможны общение и взаимопонимание в среде ученых? Как правило, в размышлениях на эту тему у историков и философов науки просматривается нечто общее. Т. Кун, например, обращал внимание на роль житейского словаря, к которому могут обратиться представители «несоизмери-

мых» научных парадигм для обсуждения своих трудностей. В понимании отечественных исследователей представления, выработанные в обыденном опыте и мировоззрении, являются той метаобластью, в которую представители несоизмеримых теорий могут выйти и переводить полученные ответы на метаязык [12]. Принимая во внимание эти ответы, стоит, однако, заметить, что все они возможны лишь постольку, поскольку само бытие ученого заранее мыслится как экзистенция, т. е. как такое бытие, которое не коснеет в своем неизменном пребывании, свободно от собственного состоявшегося существования и только поэтому и способно выйти за пределы сложившихся форм мысли на встречу Другому.

Предприняв небольшой экскурс в историю позитивистской мысли и суммируя сказанное, мы постарались показать, что на протяжении развития этого направления периодически возникают такие проблемные ситуации, которые предполагают освещение вопросов, связанных с познающим субъектом. При этом рассмотрение этих вопросов, которые часто уходят в подтекст рассуждений об объективной специфике научного знания, всякий раз требует выведение из тени главного участника познавательного процесса – человека, причем не в его абстрактно-логических, но вполне реальных, живых характеристиках. Дать картину этого реального носителя познания, который хотя и принадлежит миру природы и социума, но не находится с ними в состоянии мертвого тождества, т. е. экзистенцирует, можно только на путях синтеза эпистемологии и философии человека. В самом деле, несмотря на то, что на сегодняшний день существует несколько направлений, осмысляющих научное познание, – эволюционная и социальная эпистемология, философия и социология науки – ни одно из них само по себе не предоставляет целостного образа познания в его человеческом измерении. На наш взгляд, преодоление подобной неполноты и односторонности может и должно осуществляться через построение антропологии науки – направления, которое тематизирует познание в многообразии и единстве человеческих измерений – эволюционно-биологического, социокультурного, гендерного, экзистенциального. Разумеется, такое антропологическое исследование будет иметь междисциплинарный характер, но ведь и сам человек как существо познающее живет во многих мирах и время от времени трансцендирует их границы. Пожалуй, главное, чтобы при продумывании путей возвращения человека в теорию познания, идеи и принципы разных направлений сочетались не механическим, а органическим образом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юревич А. В. Социальная психология науки. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 352 с.
2. Куайн У. Слово и объект. М.: Логос; Праксин, 2000. 386 с.
3. Гейзенберг В. Избранные философские работы. Шаги за горизонт. Часть и целое. СПб.: Наука, 2005. 572 с.
4. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
5. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 365 с.
6. Мамчур Е. А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон +, 2008. 400 с.
7. Волков А. В. Человеческое измерение научного познания: монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 276 с.
8. Collins H. M. The Meaning of Data: Open and Closed Cultures in the Search for Gravitational Waves // American J. of Sociology. 1998. Vol. 104. P. 293–338.
9. Gooding D. C. Culture: Visual Theories in the Sciences // J. of Cognition and Culture. 2004. Vol. 4. P. 551–594.

10. Keller E. F. A Feeling for the Organism: The Life and Work of Barbara McClintock. New York: Times Books, 1996. 272 p.

11. Giere R. Scientific cognition as distributed cognition // Cognitive Basis of Science / Ed. P. Carruthers. USA: Cambridge University Press, 2002. P. 285–300.

12. Порус В. Н. О философских аспектах проблемы «несоизмеримости» научных теорий // Вопр. филос. 1986. № 12. С. 57–70.

A. V. Volkov

Petrozavodsk State University

ANTHROPOLOGY OF SCIENCE: TOWARDS THEMATIZATION OF HUMAN DIMENSION IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The article is devoted to philosophical study of the «Man and Science» problem. The specific character of a positivist approach to the analysis of scientific knowledge is subject to critical appraisal. The author sets the task to base anthropology of science – the new philosophical approach aimed at thematization of scientific knowledge in its human dimension.

Scientific knowledge, human being, positivism, nature, culture, gender, anthropology of science

УДК 001.11

В. П. Котенко

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

НАУКА XXI ВЕКА: ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ИЛИ ПРИКЛАДНАЯ (ИЛИ ТЕХНОНАУКА)?

Посвящается вопросам науки XXI века. Анализируются характерные особенности науки XXI века, а также понятия «фундаментальная» и «прикладная» наука. Выявлены закономерности развития фундаментальных и прикладных наук. На основе выполненного исследования проводится разграничение фундаментальных и прикладных наук.

Фундаментальная наука, прикладная наука, исследование, эксперимент, исследователь

Начиная с нового времени, наука все больше ориентируется на то, чтобы ее «светоносные» опыты – познание «причин» и «аксиом» (Ф. Бэкон) пролагали путь к «плодоносным». Разделение научного знания и наук на фундаментальные и прикладные признано начиная с античности. Однако основания деления в различных эпохах принимались разные. Если взглянуть на историю науки, она долгое время развивалась как фундаментальная. Под фундаментальными знаниями имеются в виду исследования, цель которых – получение истины. Деятельность ученых, особенно начиная с нового времени, побуждалась почти исключительно стремлением к истине. Коперниканская революция была революцией главным образом в сфере фундаментального, мировоззренческого знания.

Понятия фундаментальная и прикладная наука. Под «прикладными исследованиями» имеются в виду исследования, целью которых является применение имеющегося знания для решения практических задач. Таким образом, цель фундаментального знания –

истина, цель прикладного исследования – польза. С этой точки зрения во многих науках имеются как фундаментальная, так и прикладная области.

Различным стадиям движения науки и практики соответствуют три взаимосвязанных, но все же различных типа научных исследований: фундаментальные исследования, прикладные исследования и исследовательские проектно-конструкторские разработки.

Фундаментальные исследования направлены на получение нового знания о явлениях и законах действительности. Они характеризуют развитие науки и непосредственно не преследуют никаких практических целей. Исследователя интересует истина ради нее самой, он не знает, какую пользу из ее познания можно будет извлечь.

Особенностью прикладных исследований является прямая нацеленность на получение нужного для решения практических задач знания. При этом речь идет о решении некоторого класса практических задач в общем виде. Исследователь не может уклониться в сторону для изучения других возможностей, даже если они обещают дать интересные результаты.

Фундаментальные и прикладные исследования и науки имеют свою структуру, а общепринятых критериев их анализа в настоящее время нет. А. С. Кармин и Г. Г. Бернацкий выделяют в фундаментальных исследованиях два их вида – свободные и целенаправленные [1]. Свободное (поисковое) исследование обычно носит индивидуальный характер или возглавляется ученым, имеющим возможность самостоятельно определять цель работы и по собственному усмотрению распоряжаться необходимыми средствами. Он обладает полной свободой выбора методов и направлений своей деятельности, может изменять их направления.

В целевом фундаментальном исследовании направление научного поиска твердо определено, и исследователи не могут отклоняться от поставленных целей. Как правило, оно выполняется коллективно, в рамках определенной организации. В нем большую роль играет система административного руководства работой коллектива. Создаются специализированные научные группы, лаборатории, отделы, их деятельность координируется. Исследования часто планируются, предусматривается характер результатов, которые должны быть получены на каждом этапе, и необходимые для этого технические и материальные средства.

Одним из подходов к анализу структуры фундаментальных и прикладных наук является их анализ по сферам научного знания: естественные, общественные, гуманитарные, технические и математические. Далее – дисциплинарный и междисциплинарный.

Исследовательские проектно-конструкторские разработки в отличие от прикладных исследований имеют своей целью выполнение конкретного задания. Это может быть, например, создание проекта какого-либо аппарата, технологических схем производства и проч. Исследовательские разработки обычно не связаны с поиском каких-либо принципиально новых знаний, но требуют исследований, направленных на использование фундаментальной и прикладной науки для решения конкретных проектно-конструкторских задач. Если ученый в фундаментальных и прикладных исследованиях стремится описать и объяснить что-то существующее, но неизвестное, то задача разработчика состоит в том, чтобы придумать и создать что-то ранее не существовавшее. В первом случае надо узнать и понять, как вещь устроена, «создана» природой или человеком, во втором – узнать и понять, как вещь построить, сделать. Исследовательские разработки могут рассматриваться

как специфический вид научной деятельности, а с другой стороны, выступают как инженерная деятельность, состоящая в решении технических и технологических задач на основе готовых научных знаний.

Место и роль фундаментальных, прикладных и проектно-конструкторских исследований в истории общества и научного сообщества меняется. До середины XIX в. прикладные исследования лишь в очень малой степени привлекали внимание ученых. Чаще всего прикладные задачи были связаны с совершенствованием научных приборов и инструментов. До середины XIX в. наука оказывала лишь незначительное влияние на повседневную жизнь и быт людей, но концу XIX в. положение начинает изменяться.

Вопрос о соотношении фундаментальных и прикладных исследований, наук и знания вообще в настоящее время является дискуссионным. Существуют различные точки зрения по этой проблеме. В наиболее концентрированном виде они сводятся к следующим:

1. Современная наука во все большей степени приобретает прикладной характер. Долгое время она развивалась как фундаментальная.

2. В XX в. прагматическая полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения: не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность – вот чем направляются ныне исследования во всех областях наук и прежде всего в области естествознания. Не знания о мире, а знания деятельности в мире сегодня являются определяющими.

3. Тенденция приоритета прикладных исследований и наук существует, но утверждения, что прикладные исследования и науки преобладают, несостоятельно, является преувеличением.

4. Фундаментальная и прикладная науки будут существовать всегда, отношение между ними носит диалектический характер,

5. Соотношение фундаментальной и прикладной наук носит конкретно-исторический характер. Существуют законы развития науки, можно выделить ареалы развития фундаментальной и прикладной наук: классический, неклассический, неонеклассический, постнеонеклассический.

6. При исследовании этой проблемы необходимо учитывать предметную структуру развития научного знания, существование видов знания, их уровневую структуру, целевую ориентацию, особенности функционирования.

7. При выделении фундаментальных и прикладных наук необходимо принимать во внимание не только социально-экономический статус науки, но и ее значимость в рамках определенной культуры (культурно-историческая эпистемология):

а) традиция Платона (эпистемологическая) – стремление к истинному знанию из любознательности и жажды глубинного понимания тайн и закономерностей окружающего мира;

б) бэконовская традиция (утилитарная, меркантильная) – стремление сделать труд более легким, производительным и рентабельным.

Определение границ между фундаментальными и прикладными дисциплинами (исследованиями) довольно трудное дело, поскольку требует достаточно жестких и однозначных критериев, на основании которых такое размежевание представляется возможным. Размежевание наук, их разделов и исследований осуществляется одновременно по различным основаниям – по доминирующему характеру знания, по специфике предметной области исследований, целевой ориентации науки, особенностям ее функционирования.

Различие фундаментальных и прикладных наук по характеру продуцируемых в них знаний далеко не всегда приемлемо и удобно. Как отмечается в литературе, прикладные науки обычно лишены своего специфического предмета исследования; подлинное отличие состоит лишь в степени их конкретности. «Поэтому ведущую роль должно принять различие в характере исследований, целях, преследуемых фундаментальными и прикладными науками» [2].

Нередко разделение наук на фундаментальные и прикладные осуществляется в плане противопоставления «теоретическое–эмпирическое». При таком подходе фундаментальные науки отличаются от прикладных тем, что они ориентируются на постижение сущности явлений, на установление единства в многообразии, на изучение таких общих отношений, которые составляют основание отдельных отношений. Прикладные науки как раз и занимаются исследованием отдельных отношений, расширяя предмет фундаментальных наук, т. е. восхождение от абстрактного к конкретному. Изучая один и тот же фрагмент реальности с позиций иных целевых установок, фундаментальные науки отличаются от прикладных и тем, что характеризуются более глубоким проникновением в сущность исследуемого объекта. Фундаментальные науки более используют абстракции чем прикладные.

Одновременно следует подчеркнуть, что известные основания для отождествления фундаментального знания с теоретическим есть: ведь именно теория является основой практических приложений знания. Но фундаментом может быть и эмпирическое знание. В качестве примеров можно привести фундаментальные константы (постоянная Планка, скорость света и др.) в физике, астрономии, химии, эмпирические законы и т. д. Фундаментальное (в этом смысле) эмпирическое знание и теория составляют в совокупности фундаментальную науку – физику, химию и др.

Некоторые виды фундаментального знания встречаются на уровне эмпирического знания – фактов или явлений. Фотография обратной стороны Луны или обнаруженный новый вид элементарных частиц, микроорганизмов и т. п. – все это фундаментальное знание наблюдательного или экспериментального характера. Так же прикладные науки включают не только практическую, но и теоретическую деятельность.

Важным критерием (основанием) разграничения фундаментальных и прикладных исследований и наук является вопрос об их целевом характере. Эти виды научного исследования, как уже отмечалось, имеют как общие, так и особенные цели: фундаментальное – познавательные, теоретические цели, а прикладное – практические. Именно поэтому фундаментальные и прикладные науки можно различать, исходя из анализа соотношения «теоретическое–практическое». Это деление осуществляется из различения практического, чувственно-предметного, преобразовательного и теоретико-познавательного отношения человека к действительности. Будучи противоположными сторонами деятельности людей и типами отношения к действительности, теоретическое и практическое прежде всего несводимы одно к другому. Как отмечал П. В. Копнин, «сама практика не является познанием, и сведение ее к познанию является глубоко ошибочным, оно принижает практику, ибо посредством практики предмет не просто познается, но изменяется, становится другим» [3].

Специфика теоретического отношения к действительности состоит в том, что здесь в деятельности реализуется чисто познавательное отношение к объективному миру – действительность воспроизводится в субъективной, идеальной форме. В чувственно-предметной деятельности, в практике объективная реальность изменяется в соответствии с целями, определяемыми обществом на основании знания законов ее развития.

Истолковывая отношения теоретического и практического следует указать, что, будучи противоположными, познавательный и преобразовательный типы отношения к действительности находятся в тесной взаимной связи и влияют друг на друга. В процессе фундаментального исследования могут появиться практические цели, в свою очередь практическое внедрение прикладного знания нередко приводит к фундаментальным открытиям. Так в процессе развития прикладных наук сельскохозяйственного профиля были сделаны фундаментальные открытия в области фотосинтеза и фиксации азота бобовыми растениями. Конечно, в фундаментальных исследованиях добывается намного больше фундаментального знания, чем в процессе прикладных исследований.

Фундаментальные и прикладные исследования различаются по содержанию в них субъективного фактора. В фундаментальных науках обязательным условием постижения истины является полное элиминирование субъективного момента из содержания получаемого знания. В прикладных исследованиях наоборот, субъективный фактор играет доминирующую роль, а знание законов объективного мира – подчиненную [4].

Для фундаментальной науки характерно приведение в логически непротиворечивую систему добытых научным поиском фактов, определяющих существо, механизм саморазвития природных явлений. Предназначение прикладных наук заключается в поиске и исследовании предметных структур, в которых осуществляется течение естественного процесса как движущей силы получения социально желаемого практического эффекта. В современных условиях многообразных интегративных процессов усиления взаимосвязи фундаментальных и прикладных наук происходит известное уточнение существующей точки зрения, согласно которой результаты фундаментальной науки могут использоваться на практике исключительно через посредство прикладных наук, последние же ориентированы только в одном направлении – на непосредственные потребности практики. В современную эпоху становятся частыми случаи прямого, непосредственного использования другими элементами научной деятельности результатов фундаментального поиска на практике. Аналогичным образом обстоит дело с методологическим инструментарием науки: он приобретает одновременно характеристики и прикладного знания. Этот процесс касается не только общенаучного знания. «Некоторые фундаментальные науки могут пользоваться аппаратом других фундаментальных наук, которые в таком случае приобретают черты прикладного знания» [5]. С другой стороны, прикладное знание довольно активно используется в решении проблем фундаментальной науки. Примером тому может быть выработка средств системного подхода в процессе решения определенных классов сугубо практических задач системного анализа методом экстраполяции эвристических возможностей этих средств на качественно новые типы познавательных ситуаций и иные области научного знания. Таким образом, существуют как прямые, так и опосредованные прикладными моментами и разработками формы связи фундаментальных исследований с производством, с практикой. Это относится ко всем областям науки. Фундаментальная наука в ряде случаев становится и прикладной, поскольку она используется в практических целях. Появление прикладной науки становится оправданным и необходимым лишь при условии, что нет прямых выходов фундаментальной науки в практику.

Подчеркивая относительность различения фундаментального и прикладного исследований и наук, надо отметить следующее: с развитием и углублением научного познания некоторые разделы наук перестают быть фундаментальными, так как формируются новые

теории, которые более полно, многогранно и глубоко раскрывают сущность определенного круга явлений. В данном случае фундаментальность одной теории отрицается другой: она не переходит в разряд прикладных теорий, но «растворяется» в содержании более общей теории, существуя в ней, как в системе в качестве определенной подсистемы. На уровне вновь созданной фундаментальной теории в целом фундаментальность предыдущей диалектически отрицается, полностью сохраняя при этом свою теоретическую значимость на уровне ее подсистемы и ряда элементов.

Фундаментальная и прикладная наука в отраслях науки. В каждой отрасли научного знания, наверное, можно выделить фундаментальные и прикладные разделы и науки. Однако ставить вопрос таким образом, что отрасль науки может быть чисто фундаментальной, либо прикладной, было бы некорректно. Между фундаментальными и прикладными исследованиями существуют определенные связи взаимного соответствия. Если прикладная наука находится на эмпирической стадии развития, то, естественно, она не может в должной мере использовать достижения фундаментальных исследований с целью их применения на практике. С другой стороны, замедление развития фундаментальных поисковых исследований приводит к тому, что они не обеспечивают необходимой базы для прикладных разработок, создается определенный диссонанс в соотношении прикладных и фундаментальных дисциплин, во внедрении научных достижений в производство. Все сказанное свидетельствует, что в современных условиях определение понятия «фундаментальные науки» и «фундаментальное знание» не носят достаточно четкого и однозначного характера. Реальная ситуация в науке такова, что многие ее сферы и дисциплины генерируют и прикладное, и фундаментальное знание одновременно. На примере технических и сельскохозяйственных наук можно видеть, что во всех сферах познания существуют свои фундаментальные и прикладные исследования. Основные подразделения современной науки выполняют задачи обеих этих типов, хотя их сочетание далеко неодинаково: в естественных и общественных науках преобладает фундаментальное знание, а в технических и других подобных областях превалирует знание прикладное. Та или иная наука, научная дисциплина может выполнять и фундаментальные функции (производство нового фундаментального знания), и прикладные (использование этого знания). Усиление взаимопроникновения фундаментальных и прикладных проблем и разделов наук в современных условиях приводит к становлению качественно нового типа исследований, диалектически сочетающих в себе особенности этих двух традиционно противопоставляемых типов. Развитие фундаментальных и прикладных наук идет в тесной взаимосвязи. Все явственнее становятся процессы как «фундаментализации» прикладных исследований, так и целенаправленного проникновения фундаментальных исследований в такие области знания, которые наиболее необходимы для практики. Последнее объективно ведет к возникновению исследований принципиально нового класса – инновационных исследований, фундаментальных по своему характеру, но направленных на решение конкретных проблем большого общественного и народнохозяйственного значения.

В современных комплексных научно-технических дисциплинах различение фундаментальных и прикладных разделов, по всей видимости, вообще не целесообразно, поскольку приращение знаний в фундаментальном поиске всегда преследует сугубо практические цели – обосновать создание определенных предметных структур практики. Существующая до сих пор недостаточная связь между фундаментальными и прикладными ис-

следованиями должна быть качественно улучшена за счет усиления взаимных связей импульсами обеих направлений, а также взаимосвязи науки в целом и производства. Это приведет к тому, что в условиях интенсификации общественного производства наука сможет более полно реализовать свои возможности в качестве производительной и социально-преобразующей силы, а научные исследования наряду с разработкой фундаментальных теоретических проблем в большей мере будут сосредоточены на решении ключевых народнохозяйственных проблем, способных внести подлинно революционные изменения в общественное производство и социальную практику в целом.

Закономерности развития фундаментальных и прикладных наук. Чтобы уловить основную закономерность развития фундаментальных и прикладных наук необходимо подойти к их анализу с позиций принципа развития. Применяя этот принцип, можно обнаружить, что наука с точки зрения прикладных и фундаментальных наук, научные фундаментальные и прикладные знания в своем развитии проходят следующие основные стадии: 1) эмпирическое исследование, 2) нефундаментальное теоретическое исследование, 3) умозрительное исследование, 4) фундаментальное теоретическое исследование.

Научное исследование начинается с описания явлений, а затем их объяснения, т. е. эмпирического исследования. Объяснение может осуществляться двумя различными способами – с помощью старого или нового знания. Поэтому теоретическое и, видимо, прикладное знание бывает двух существенно различных типов: то, которое позволяет достичь объяснения нового эмпирического знания с помощью старого теоретического знания (нефундаментальное теоретическое исследование) и то, которое достигает этой цели лишь с помощью нового теоретического знания (фундаментальное теоретическое исследование). Таким образом, различают старое и новое теоретическое знание. Новое теоретическое знание не может быть получено ни путем индуктивного обобщения опытных данных, ни путем дедуктивного вывода из старого теоретического знания: для его построения приходится прибегать к помощи творческого воображения, т. е. умозрительным комбинациям (фантазии, догадке, интуиции и т. п. [6]).

После описания изучаемой предметной области вначале делается попытка объяснить ее с помощью старого теоретического знания, имеющегося в информационной области исследователя. Этот путь наиболее простой. Его надо испробовать прежде, чем прибегнуть к более сложному пути – обращаться сразу же к фундаментальному исследованию было бы неразумно. Только когда на указанном пути не удастся достичь успеха, приходится обращаться к поиску принципиально новых идей – умозрительному исследованию. Выдвинутые идеи следует применить для объяснения нового эмпирического знания – провести фундаментальное теоретическое исследование. Ученый, как правило, занимается каким-то определенным видом исследования: эмпирическим или умозрительным, эмпирическим или нефундаментальным теоретическим. Последнее характерно для «прикладников», испытывающих страх перед любым умозрительным построением. Могут быть и другие последовательности формирования фундаментального знания и наук. Выделение только эмпирического и теоретического в процессе познания ведет к смешению нефундаментального и фундаментального теоретического знания, игнорированию промежуточного звена между эмпирическим и теоретическим исследованием. Умозрительное исследование нельзя исключать из сферы научного исследования, относить его к сфере компетенции психологии научного творчества, не включать его в качестве элемента теоретического исследования. Не всякий акт творческого воображения в науке явля-

ется умозрительным, а только такой, который включает осмысленные комбинации. Рассмотреть умозрение как составную часть теоретического исследования нельзя потому, что в таком случае остается непроясненным характер взаимоотношения между разными стадиями научного исследования вообще. Целью эмпирического исследования является возможно более точное описание опытных данных, относящихся к изучаемой предметной области. Оно прочно стоит на почве фактов. Умозрительное же исследование стремится выйти за рамки известных опытных данных, так сказать, «порвать» с фактами и уйти в мир подчас необузданной фантазии. Цель умозрительного исследования прямо противоположна цели эмпирического исследования. Фундаментальное же теоретическое исследование ставит своей задачей согласовать результаты обеих стадий исследования, т. е. преодолеть глубокое противоречие, существующее между ними. Эмпирическому исследованию противоположно не теоретическое, а умозрительное исследование. Стадии эмпирического и умозрительного исследования являются подготовительными этапами для фундаментального теоретического исследования.

Каждое из четырех видов исследования представляет собой цепочку специфических и притом закономерно усложняющихся процедур.

Уровневая структура научного знания:

а) прикладное исследование:

– эмпирические знания;

– нефундаментальные старые теоретические знания;

б) фундаментальное:

– умозрение – воображение, фантазия, догадка, интуиция, конструктивизм и т. д.;

– фундаментальные теоретические знания.

Уровень эмпирического исследования характеризуется последовательным переходом от наблюдения к измерению, затем статистической обработке результатов измерений, индукции, интерпретации, аналогии, использованию метода проб и ошибок и осуществлению полной систематизации и классификации фактов, относящихся к изучаемой предметной области (построение феноменологической конструкции).

Нефундаментальные теоретические исследования включают в себя изучение научных текстов, подготовленных разными учеными, затем методом дедукции из старых фундаментальных теоретических законов выводятся новые частные законы, объясняющие новые эмпирические знания (строятся фрагментарные теории). Дальнейшее развитие нефундаментального теоретического исследования предусматривает построение комплексных теорий, наконец, гибридных теорий, пытающихся объяснить новое эмпирическое знание с помощью комплекса старых теорий, но при этом приводящих к теоретическим парадоксам.

Умозрительные исследования начинаются с процессов создания новых идеализированных образов в информационной области исследователя, затем следует построение умозрительных моделей (моделирование), далее – их обобщение до уровня умозрительных понятий (конструктов), выдвижение на их основе некоторых принципов и построение уже на основе принципов дедуктивной схемы. Завершается умозрительное исследование сравнительным анализом разных умозрительных концепций, построенных в информационной области исследователя.

Наконец, фундаментальные теоретические исследования начинаются с выбора из множества умозрительных принципов ограниченного их подмножества в качестве исходных принципов новой фундаментальной теории (построение теоретической программы). Далее на основе теоретических принципов осуществляется выбор из множества знаковых

структур, содержащихся в информационной области исследователя, некоторой структуры как формы выражения нового фундаментального теоретического закона (построение теоретической схемы). Затем начинается дедуктивное развертывание схемы – получение частных законов двух родов:

а) объясняющих известные эмпирические законы, установленные на уровне эмпирического исследования;

б) предсказывающих новые эмпирические законы.

Дальнейшее развитие фундаментального теоретического исследования предполагает осуществление процедур семантической, эйдетической и эмпирической интерпретации новых частных теоретических законов (превращение теоретической схемы в теоретическую гипотезу). Завершается фундаментальное теоретическое исследование переходом от мысленного эксперимента к реальному и сопоставлением предсказываемых теорией новых эмпирических законов с законами, полученными в результате эксперимента (подтверждение или опровержение гипотезы). Общим результатом научного исследования является прикладное и фундаментальное научное знание.

Исследовательские разработки обычно не связаны с поиском каких-либо принципиально новых научных знаний, но требуют исследований, направленных на использование результатов фундаментальной и прикладной науки для решения конкретных проектно-конструкторских задач. Дело заключается не столько в том, чтобы нечто открыть, сколько в том, чтобы нечто изобрести. Если ученый в фундаментальных и прикладных исследованиях стремится описать и объяснить что-то существующее, но неизвестное, то разработчик озабочен тем, чтобы придумать и создать что-то ранее не существовавшее. Это обстоятельство определяет особое место исследовательских разработок в системе науки. Они, с одной стороны, могут рассматриваться как специфический вид научной деятельности, а с другой, выступают как инженерно-техническая деятельность, состоящая в решении технических и технологических задач на основе научных знаний.

Фундаментальные, прикладные исследования и исследовательские разработки не разделены жесткими границами и часто переплетаются между собой. Однако их соотношение в различных конкретно-исторических условиях различно. В XX в. прагматическая, прикладная полезность научного знания стала определяющим мотивом его получения: не любознательность, не стремление к истине, а прикладная ценность – вот чем направляются ныне исследования в области естествознания [7]. Это, считает А. Л. Никифоров, относится главным образом к естествознанию. Что касается других областей знания, там ситуация носит более диалектический характер, затрагивает все три составляющих компонента современной науки. В них фундаментальное и прикладное переплетается, но уже в конце XX в. они стали конструироваться в рамках научных сообществ и приобретать специфические черты и различия. Б. И. Пружинин выделяет следующие их различия. Во-первых, для прикладного исследования высшей ценностью является технологическая эффективность информации о мире, что далеко не всегда совпадает с ее истинностью. Во-вторых, в прикладных науках ход исследования определяется необходимостью решения конкретных технологических задач, так что сама по себе новизна знания о мире предстает лишь в качестве побочного фактора поиска этих решений. В-третьих, в прикладных науках исследование начинается с построения общей модели ситуации, требующей практического вмешательства. Прикладное исследование в своей собственно прикладной части предстает

как обращение к различным, весьма далеким друг от друга дисциплинам, концепциям, методам и методикам. Наука и технология часто являются двумя относительно независимыми потоками человеческой деятельности.

Иной тип познавательной деятельности обособляется сегодня в виде фундаментальной науки. В нем наметилась, во-первых, тенденция противопоставления прикладным наукам в качестве «чистой науки». Во-вторых, происходит рост рационального знания, который сочетается с редукционистской установкой науки на внутреннюю преемственность, сведение всей совокупности ее феноменов к фундаментальным законам и объектам. В-третьих, остается понимание того, что чистая, т. е. фундаментальная наука может сохранить себя как самостоятельный социокультурный феномен только в качестве основания прикладного исследования. Этот смысл термина «фундаментальный» становится сегодня главным. Это ведет к тому, что в перспективе она станет ненужной. В-четвертых, фундаментальная наука сегодня использует прикладную так же, как некогда ориентированная на опыт наука эпохи Возрождения включала в себя механико-инженерное искусство. Это означает, что в фундаментальной науке может сохраниться и реализоваться культурная мотивация научно-познавательной деятельности как таковой.

Так выглядят некоторые проблемы науки XXI века – века фундаментальной или прикладной технoнауки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия. СПб.: ДНК, 2001. С. 432–433.
2. Чешев В. В. Критерии различения фундаментальных и прикладных наук // Фундаментальные и прикладные исследования в условиях НТР. Новосибирск, 1978. 216 с.
3. Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. 156 с.
4. Кедров Б. М. Соотношение фундаментальных и прикладных наук // Вопр. филос. 1972. № 2. С. 43–53.
5. Боголюбов А. Н. Математика и технические науки // Вопр. филос. 1980. № 2. С. 82.
6. Кармин А. С., Хайкин Е. П. Творческая интуиция в науке. М.: Наука, 1971. 216 с.
7. Никифоров А. Л. Фундаментальная наука в XXI веке. Фундаментальная наука умирает? Вопр. филос. 2008. № 6. С. 60.

V. P. Kotenko

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SCIENCE OF THE 21ST CENTURY: FUNDAMENTAL OR APPLIED SCIENCE (OR TECHNO-SCIENCE)?

The article is devoted to science of the 21st century. The author analyses characteristics of science of the 21st century and the concept of "fundamental" and "applied" science. Regularities of the development of fundamental and applied sciences are determined. The author gives differentiation of fundamental and applied sciences on the basis of the carried out research work.

Fundamental science, applied science, research, experiment, researcher

УДК 171

Б. В. Марков, Г. Г. Хубулава

Санкт-Петербургский государственный университет

КОММУНИКАЦИЯ ВРАЧА И БОЛЬНОГО В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Исследуется феномен болезни и трансформации отношений врача и пациента в истории европейской культуры. У многих народов в разных частях света миссия врача была возложена на шамана племени. В отношении «простых смертных» к тому, кто обещает помощь в болезни, соединяются страх, благоговение, благодарность, а порой и чувство соприкосновения с непостижимым. Врач по-прежнему фигура, окутанная тайной, почти мифическая. Болезнь, заставляющая человека довериться заботе врача, зачастую лишает подопечного права выбора и самостоятельного решения, т. е. свободы как основного качества присущего личности. Пациент действительно превращается в «случай», предмет исследования медицины.

Пациент, болезнь, врач, общество, ценность человеческой жизни

«Пациент не может быть человеком.
Это два совершенно разных понятия.
Делаясь пациентом, человек утрачивает свое “я”»¹.

Образы врача и больного в традиционной и современной медицине. Древние лекари наделяли недуг некими личностными качествами. У Гиппократов, а позднее у Парацельсов и Авиценны встречаются упоминания об одержимости злым духом. Дух, терзающий несчастного, можно изгнать, только когда удастся заставить его устами больного назвать врачевателю свое имя. В точности как в средневековом обряде экзорцизма. Свидетельством удачного исхода болезни были крики, которые несчастный издавал во время этой операции. Несмотря на то, что античные и раннесредневековые авторы, как правило, признавали подобные манипуляции опасными и губительными, именно с них, пожалуй, нужно начинать поиски истоков волнующей нас проблемы.

Для врача, чьей первой задачей является исцеление или облегчение мучений больного, в данном ритуале пациент как личность не отвечает за свои слова и действия. Все попытки сопротивления действиям врача есть происки болезни или злого духа, некоего Другого, причиняющего пациенту страдания. Именно с этим Другим и имеет дело лекарь. Именно против него (а не против пациента) и направлены все жестокие насильственные действия врача, призванные изгнать болезнь из тела. На основе этнографических данных по сибирскому шаманству М. Элиаде перечисляет несколько ритуально-символических способов инициации неофита: «Его или “расчленили и пожирала боги”, или “перековывали небесные кузнецы”, или “варили в котлах”. Иногда рассказывают, что под кожу посвящаемому духи вводят колдовские камни, запускают змей, червей, личинки жуков, вставляют в скелет особую “шаманскую кость”. Выбор или посвящение шамана в Южной Америке также сохраняет традиционную схему ритуальной смерти и воскрешения. Когда молодой хиваро решает стать шаманом, он целыми днями не притрагивается ни к какой пи-

¹ Петросян М. Дом, в котором... М.: Гаятри/Livebook, 2009.

ще, пьет наркотические напитки, особенно табачный сок. Мастер внезапно начинает бить неопита, пока тот не упадет на землю без сознания. Когда он просыпается, у него болит все тело: это служит доказательством того, что им овладел дух; по существу, страдания, интоксикация и побои, вызвавшие потерю сознания, некоторым образом отождествляются с ритуальной смертью. Элиаде приводит слова шамана, так сформулировавшего сущность инициации: «Не простое это дело – шаманское дело! Умереть приходится и снова ожить – такое это дело!» [1, с. 49].

Лишь искусный шаман, сумевший «исцелить себя от смерти» (пройти обряд-испытание, т. е. попросту вернуться с того света) мог быть врачом племени. Отныне ему не страшна была никакая смерть и болезнь, поскольку шаман-целитель был со смертью и болезнью на «ты», повелевал ими. В момент врачебной манипуляции, осуществляемой шаманом, кричит не пациент-человек, а недуг, покидающий его. Так человек, ставший пациентом (*patientis* – терпящий, претерпевающий), условно лишается личностного человеческого статуса.

Болезнь, доверяющая его заботе врача, зачастую лишает подопечного права выбора и самостоятельного решения, т. е. свободы как основного качества, присущего личности. В отличие от заболевания – понятия, включающего в себя симптомы, диагностику и терапию, болезнь является общекультурным феноменом, связанным с переживанием боли, страдания, исцеления и смерти. Развитие современных технологий позволяет врачу на определенном этапе дистанцироваться от личности пациента, которого «заменяет» кардиограмма, снимок томографа, рентгеновского аппарата, список результатов анализов и т. д. Против такого подхода выступил Мишель Фуко: «Почему в определенный момент консилиум просвещенных инквизиторов решает, что такие меры как обертывание, ванны, введение электродов в мозг и коктейля из препаратов в кровь – действия, заглушающее симптомы болезни, но на деле только глубже загоняющие ее в сознание больного, – способны облегчить его участь?» [2, с. 138].

При этом, дабы вовсе не утратить личностную связь с пациентом, врач обращается к результатам обследования пациента, как обращался бы к нему самому. И все же между людьми, страдающими недугами и свободными от них, проходит территория отчуждения, где царствует та самая «смесь страха и надежды, боли и сна». Как объяснить это? Да, недуг и боль как одно из его проявлений во многом отгораживают человека от мира с его удовольствиями, буднями, законами или радостями. Человеку, в результате болезни лишившемуся ног, снится его прежнее катание на велосипеде. Личность как бы распадается на «до» и «после». Природа и степень ограничения свободы здесь не имеет значения. Человек в болезни – другой. Так зреет внутренний конфликт, который нередко перерастает в самоизоляцию или в отторжение пациента от общества других – «здоровых». Здесь мы имеем дело не просто с конфликтом желаемого и действительного. Каждая болезнь способна перерасти в незримое противостояние временно нераздельных души и тела. Или, иначе говоря, в состязание моего Я с моей болью. В нем я рискую перейти ту грань отрицания и непринятия себя как живого существа, за которой пациент перестает быть свободным человеком. Непонимание этой проблемы состоит в том, что по традиции современного врачевания мы пытаемся исцелить не человека, а его болезнь.

Понятие ценности человеческой жизни предполагает отношение к человеку как разумному существу, которому необходима полнота физического, социального и личностного бы-

тия. Под физической полноценностью мы понимаем возможность естественной реализации потенциала физического и психологического здоровья. Социальный аспект ценности жизни предполагает не только встроенность личности в господствующую социальную схему и реализацию в рамках этой схемы востребованных обществом профессиональных качеств, но и уважение к человеку со стороны общества как к своему полноценному члену и равноправному участнику социальной жизни. Личностный характер ценности человеческой жизни определяется отношением человека к самому себе и отношением к нему его ближайшего окружения. Так, исцеляя человека, а не просто его болезнь, врач стремится исцелить его, т. е. вернуть ему целостность существования. Пациент, признающий ценность жизни врача, также признает за ним право на субъективность, усталость и другие обычные слабости, при этом глубоко доверяя врачу и ценя его профессиональные качества.

Многим знакомо волнение пациента перед лицом даже самой обыденной врачебной манипуляции. Оно не исчезает и не становится меньшим, даже если пациентом становится сам доктор. В отношении «простых смертных» к тому, кто обещает помощь в болезни, соединяются страх, благоговение, благодарность, а порой и чувство соприкосновения с непостижимым. Врач по-прежнему фигура, окутанная тайной, почти мифическая.

Согласно Софоклу, простой смертный Асклепий стал настолько великим врачом, что научился воскрешать мертвых, и люди на Земле перестали умирать. Он совершал воскрешения с помощью крови из правой половины тела Горгоны, которую он получил от Афины. По преданию, в Дельфах Асклепий воскресил всех умерших. Бог смерти Танатос, лишившись добычи, пожаловался Зевсу на Асклепия, нарушавшего мировой порядок. Зевс согласился, что если люди станут бессмертными, они перестанут отличаться от богов, и поразил Асклепия молнией. Но великий врач соизволением мойр (богинь судьбы) вернулся из царства мертвых и стал богом врачевания.

Фактически здесь мы видим тот же обряд посвящения во врачеватели через смерть. Асклепий не страшится ни смерти, ни заразы, поскольку уже умирал. Люди полагали, что некто, «подчинивший себе смерть и болезнь», способен не только исцелить, но и наслать недуг на неугодного ему человека.

Еще одним доказательством восприятия врача как потустороннего существа служит кентавр Хирон – искусный охотник, ботаник и врач. Один из эпитетов, применявшихся к личности Бога Аполлона (среди прочих талантов которого было и врачевание), звучит как ἀτελᾶς (апелает) – «отвращающий», «изгоняющий» болезни и горести. Но этот же Бог-целитель и лучезарный покровитель муз своей волей насылает чуму на войско ахейцев в «Илиаде» Гомера. А. Ф. Лосев писал, что «Аполлон и Артемида являются у Гомера, прежде всего, богами смерти и вероломного убийства» [3, с. 59]. Согласно гомеровской интерпретации, в сознании греков врач – господин над болезнью, своей волей «отвращающий» или насылающий ее.

Кто же такой врач? Должен он быть добрым человеком, сочувствующим больному, или просто хорошим специалистом? Во всяком случае, целитель всегда был «не от мира сего» и воспринимался как медиум, контактирующий с воплощением добрых или злых сил. Сама по себе медицина не должна быть обязательно «гуманной», т. е. попустительствующей человеческим слабостям. Кроме того, нельзя игнорировать религиозный аспект болезни и ее исцеления. Понимание природы болезни и личности пациента зачастую едино для иудаизма, христианства и ислама. Болезнь, как и всякое страдание или нужда, является здесь следствием первородного греха – избрания человеком собственной воли взамен

воли Божьей. Творец также посылает человеку болезни (Божественной Волей допуская их) как испытания терпению, кротости, любви и вере.

Исцеляющий больных, изгоняющий бесов и воскрешающий из мертвых Христос лечит, собственно говоря, не болезнь, а «исправляет» саму поврежденную грехом природу человека. Одно из доказательств тому – исцеление немощного, который «стал и глаголиши право», т. е. тут же заговорил верно, поскольку сама первопричина его (и любой) болезни была одолена Христом. «Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье, насыщающие на века. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь соединяется со Мною в едином теле и поэтому пребывает во Мне и Я в нем» (Ин. 6, 53–56) – говорит о себе «Тот, кто сам есть лекарство от смерти». Зелоты и фарисеи подозревают Христа-целителя в той же связи с болезнью, какой обладал отвращавший и насылавший чуму Аполлон: «А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского» (Мф. 12; 24). Однако и жертва, и воскресение Христа, как и то, что апостолы именем Христовым исцелили множество больных, совершенно меняет вектор мистического по отношению к врачу в христианском мире. Врач имеет силу над болезнью и смертью не по причине своего с ними «родства», но чудом жертвы и воскресения живого Бога. «Ранами его Вы исцелились» (1 Пет. 2; 24) свидетельствует об этом апостол Петр.

Рене Жирар полагает, что многие культы христианских святых-целителей сохранили в себе черты, характерные для языческих культов. «Свои злые и благие деяния бог совершает одним и тем же способом – меч в толпу свои лучи. Эти лучи приносят свет, тепло и плодородие, но они же приносят и чуму. В конце Средневековья мы снова встречаем все эти мотивы в культе святого Себастьяна. Считается, что этот святой защищает от чумы, потому что он пронзен стрелами, и эти стрелы по-прежнему означают то же самое, что они значили у греков и, несомненно, у ацтеков, – т. е. солнечные лучи, чуму. А эпидемии часто изображаются в виде дождя стрел, которые сыплет на людей Всевышний и даже сам Христос» [4, с. 47].

Трудно согласиться с этим суждением. В каноническом христианском сознании Господь не осыпает людей стрелами чумы, Он допускает вспышку болезни. А святой, в нашем случае Св. Себастьян, отнюдь не чумной больной. Он – защитник, покровитель, берущий болезнь на себя подобно Христу или врачу, испытывающему вакцину на себе. И сегодня никто не заставляет врача экспериментировать на себе самом, а кого-то носить в бумажнике карточку донора органов.

Ницше так иллюстрировал альтернативу христианской любви к ближнему и предлагаемую им любовь к дальнему: «Врач, хирург, человек перевязывающий рану или заставляющий хромого силой опираться на слабую ногу, порой безжалостен, однако, жестокость эта, причиняющая больному столько страданий – есть свидетельство любви врача к тому новому, исцеленному, дальнему, которого врач мысленно уже наблюдает перед собою» [5, с. 21]. Врачевателем же болезни, по Ницше, может быть лишь сам больной, опирающийся на «презрение к мнению слабых и собственную волю» [5, с. 22]. Болезнь, дискомфорт и боль медленно, но верно становятся доминантой его мыслей, идей, поступков. Кажется, что она замещает собой все, что больной знал, умел, чем интересовался и любил прежде. Дуализм природы болезни и природы человеческой, их трудноразрешимое противоречие понимается только как идея борьбы с болезнью, но не как идея непростой совместной борьбы врача и больного за возвращение больному самоуважения и утраченного

чувства собственного достоинства. «Какими бы ни были изыски современной медицины, ее технические возможности, человек всегда будет ждать, и верить врачу, который сумеет выслушать, одобрить, проявить сострадание» [6, с. 62], – не уставал напоминать медикам А. Экзюпери. В современном же медицинском учебнике мы встречаем слова сожаления о том, что «неуклонно увеличивается отчуждение врача от больного; сокращаются психологический контакт между пациентом и медицинским работником и размышления врача у постели больного; теряется индивидуальный подход к лечению конкретного человека.» [7, с. 8]. Помощь пациенту – процесс обоюдный и часто болезненный, связанный не просто с преодолением взаимных предрассудков, но и с «освобождением» самого врача, терзаемого страданиями больного. Как ни странно, исцеление или облегчение страданий не гарантируют врачу благодарность пациента, предвзято оценивающего его работу или скованного страхом и недоверием.

Какой бы нам ни виделась эта странная троица пациент – болезнь – врач, в какие бы одежды она ни облачалась, всегда следует помнить, что, обращаясь к врачу, мы вступаем в долгое сражение за самих себя. Победа во многом зависит от нашего умения слушать и доверять, от желания излечиться и способности быть благодарными даже за стремление оказать нам помощь. Остается помнить, что «пациент – не усредненная единица, а живой организм, личность со своими индивидуальными особенностями» [8, с. 43].

Болезнь как субъективная, объективная и социальная реальность. Слово «болезнь» имеет широкий спектр значений. Болезнь рассматривается как деформация организма под воздействием внешних и внутренних причин. Во-вторых, болезнь предстает как феномен сознания – ее переживание, восприятие, оценка. Слово «болезнь» отсылает к «боли», которая уже как метафора применяется для характеристики душевных состояний. В-третьих, болезнь воспринимается как предмет науки, включая теории, описания, факты. В-четвертых, болезнь – это состояние, изучаемое в рамках институтов медицины как научных, так и больничных. В-пятых, болезнь рассматривается как нечто конституируемое и изолируемое на основе социальных, экономических, культурных, моральных норм и предпосылок.

К сожалению, научная медицина об этом мало задумывается, так как она разделяет веру в возможность окончательно победить болезни. Психология (механицизм, бихевиоризм), социология (интеракционизм) и культурология ей мало в том помогают. Всем этим якобы научным, а на самом деле редуccionистским подходам к анализу сознания явно не хватает смелости признать переживания болезни чем-то самостоятельным. По свидетельству психиатров, современные люди по большей части невротики. Среди человеческих чувств и переживаний есть такие, которые в самом прямом смысле являются патогенными: одни разъедают душу индивида, другие опасны для окружающих. С одной стороны, отчаяние, неверие в смысл жизни, с другой стороны, ненависть и злоба – вот самые страшные вирусы, угрожающие современной цивилизации. Болезни первого рода поражают, обесценивают главный капитал общества – сердца и души людей, которые утрачивают волю к жизни. Другие ведут к самоуничтожению и войне всех против всех. Если первые кажутся следствием новых микробов индивидуализма и эгоизма, порожденными современной цивилизацией, то вторые наоборот расцениваются как наследие ужасного прошлого, наподобие холерных вибрионов, возрождающихся в антисанитарных условиях. Поскольку наши предки обладали завидным психическим здоровьем, можно спросить: а не оказывает ли патогенного влияния на пациентов сам психоаналитический дискурс? Не

является ли виральной наша литература и философский экзистенциализм, описывающий бесцельность и бессмысленность нашего существования?

Трансформация дискурса о психических больных прошла несколько этапов. Во-первых, сначала ориентировались на выявление телесных симптомов самой болезни, которую никто не знает и которая протекает как бы независимо от самочувствия больного и взгляда врача. Во-вторых, в психоанализе безумие понимается как результат конфликта сознания и бессознательного. В-третьих, шизоанализ добавляет аналитику социума, поэтому дисциплинарный эффект ставится во главу угла. Согласно сторонникам движения антипсихиатрии, больной – это не объект, а человек, он же субъект болезни и обладатель сознания, которое влияет на болезнь. Поэтому медицина – это наука о духе; она предполагает понимание, т. е. диалог больного с другим – с врачом, с болезнью, с природой и обществом.

Фрейд предполагал, что психические болезни вызваны неправильной эволюцией детской сексуальности. Согласно философии психоанализа, невроз – это сбой естественной археологии либидо. П. Жане [9, с. 48] объяснял его по-другому. Психическая болезнь вызвана уменьшением энергии, что приводит к упрощению поведенческих реакций. Человек, прежде чем что-то делать, придумывает план, а когда совершает действие, одновременно придумывает сценарий, который потом служит основой рассказа. Таким образом, нормальный человек изначально связан с другим, постоянно учитывает его точку зрения на себя. Психостеник же не способен к диалогу, а следовательно, к ориентации. Он живет в мире бреда и галлюцинации, его речи и поступки монологичны, все окружение воспринимается как источник опасности. Отсюда тревога, вызванная непониманием знаков другого.

Регрессия безумия к детству объясняется тем, что мир детей в педагогике XIX в. был изолирован от мира взрослых. Реальность с ее конфликтами в школе представлена в виде литературы, да и то «причесанной». Фуко писал: «Неврозы регрессии не отражают невротической природы детства, но разоблачают архаичный характер педагогических институций» [10, с. 183]. Главный недостаток редукционизма состоит в том, что он не способен объяснить, почему данный человек в данный момент заболел именно этим заболеванием. Следует признавать специфику больной личности. Распад сознания, утрата высших функций сознания имеют место, но больной на любой фазе болезни каким-то образом воссоздает свой примитивный порядок, он остается личностью. Необходим социально-исторический подход к болезни. Согласно мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, психоаналитики переносят на детей комплексы взрослых. Редукция больного к ребенку или первобытному предку – это миф, создаваемый здоровыми для собственного успокоения [11, с. 19].

Понятие отчуждения как нельзя лучше подходит для описания психических больных. Сумасшедшие – это не больные в обычном смысле этого слова, они – ненормальные, перешагнувшие узкие социальные нормы. Однако вопреки романтическому взгляду на сумасшедших как гениев, общество изолирует ненормальных, помещает их в лечебницы. Психиатры все чаще констатируют у людей, живущих в обществах благоденствия, нарушение эмоционального контакта с реальностью, неспособность поддерживать гармонию со средой, безразличие, аутизм. Все это – стигматы ненормальных, подлежащих изоляции. Речь идет о разрушении личности, которое создает угрозу для общества. Выражаясь в чужом, оно не узнает себя в нем, поэтому нельзя понять патологию не касаясь общества. Человек хочет дружбы, а натывается на враждебность. По свидетельству психологов в современ-

ных семьях все чаще встречается окрашенная любовью ненависть. Точно также говорят о первичности инстинктов как о причине войны, а дело обстоит как раз наоборот: война развязывает инстинкты и превращает людей во врагов. От людей, живущих в экстремальных условиях, трудно ожидать, что они будут вести себя морально и рационально. Если мы не хотим, чтобы психической надстройкой общества сегодня стала шизофрения, то всеми силами должны препятствовать появлению чрезвычайных обстоятельств.

Развитие современной медицины не ограничивается новыми технологиями. Отношения врача и больного опосредуются не только медицинскими учреждениями, но и институтами психологической помощи, гуманистического патронажа, юридическими службами и экспертами. В медицине, оснащающейся новыми технологиями, происходит настоящая революция, лечение осуществляется менее болезненно, чем раньше. Однако на уровне человеческих отношений процесс гуманизации протекает замедленно. Пациенты по-прежнему воспринимаются как объекты медицинского исследования. Все это заставляет по-новому представить соотношение между научной и неконвенциональной медициной. Вражда и соперничество должны уступить место кооперации и сотрудничеству. Возможно, это не вполне оправдано по отношению к методам и средствам лечения, но очевидно, что сотрудничество целителя и заболевшего может стать примером отношений врачей и пациента, которые, к сожалению, сегодня чаще всего становятся конфликтными и решаются в судах. Именно развитие новых технологий в медицине стимулирует морально-этические и юридические вопросы, например, живое донорство или эвтаназию.

Очевидно, что здоровье – это комплексная проблема, и она должна обсуждаться с участием медиков, государственных чиновников и, конечно, общественности. Ответственность за здоровье несут как врачи, так и пациенты. Сегодня значительную, если не большую, часть времени нашей жизни мы являемся перманентно больными. Раньше здоровым считался тот, кто не болел. Сегодня уже новорожденных тщательно проверяют на предмет разного рода отклонений, и практически у каждого человека есть какая-либо болезнь. Однако выявление наследственных заболеваний и перспектива генетического программирования тоже вызывают моральные возражения. Поскольку здоровье определяется в медицине как соответствие норме, то возникает вопрос о том, кто определяет нормальность нормы. В обычном понимании здоровье – это состояние физического и душевного благополучия, но сегодня соответствие этому критерию является редким исключением. Гуманность в медицине необходима не только потому, что человек – существо телесно-духовное, а его болезни психосоматические, но и потому, что больной должен и может жить более или менее полноценно и комфортно в состоянии болезни. Поэтому современные медицинские технологии не должны ограничиваться конструированием новых приборов и лекарственных препаратов, они должны включать гуманистический патронаж.

Согласно господствующему пониманию медицины как науки, идеальный больной – это пассивный объект, покорно принимающий как диагноз, так и методы лечения. Необходимо преодолеть эту субъектно-объектную модель и выстроить новые не-объектные, ре-спонзивные отношения врача и пациента. Обращение к традиционной медицине вызвано не только дороговизной лекарств и усложнением методов исследования, вытесняющих проблему лечения на второй план. Старинное искусство врачевания было нацелено на облегчение страданий больного и включало духовные практики, направленные на оздоров-

ление его личности. Если современный врач стремится к тому, чтобы пациент снова смог «встать на ноги» и вести прежний образ жизни, то целитель пытается привести его тело и душу в согласие с ритмами космоса, т. е. изменить прежний образ жизни, который как раз и считался причиной болезни.

Известно, что в прошлом продолжительность жизни была невелика и редкие люди доживали до старости. Однако и сегодня у нас большие проблемы со здоровьем. В результате природных и техногенных катастроф, разрушения естественной среды обитания, нервной перегрузки, неправильного питания и напряженного образа жизни все мы под угрозой заболеваний. Если же учесть, что вирусы тоже не дремлют, а наша иммунная система ослаблена антибиотиками, то ситуация становится весьма тревожной. И все же нельзя не видеть и прогресса медицины. Нельзя отрицать, что увеличение продолжительности жизни, — это во многом ее заслуга. И все-таки есть что-то необычное в том, что почти каждый из нас принимает какое-нибудь лекарство. Более того, время от времени появляется информация, что весьма популярное средство имеет вредные побочные последствия, для нейтрализации которых изобретено новое лекарство. Однако через некоторое время становится известно, что и оно не без вредных последствий, для устранения которых снова предлагается эффективный препарат. Не удивительно, что пациенты нередко подают в суд на врачей, и тут оказывается, что лечение зависит не только от компетенции врача, что это сложный процесс, эффективность которого зависит от уровня образования врача, оснащенности медицинских учреждений, от успехов фармакологии и т. д.

Все эти навскидку поднятые вопросы обнаруживают усложнение как природы самих заболеваний, так и способов лечения. В силу удорожания медицины качественное лечение не является общедоступным, хотя проблема не исчерпывается социально-экономическими трудностями. Современное состояние медицины поднимает целый ряд фундаментальных вопросов философского характера: что такое природа и как с ней согласуется культура? не вредит ли цивилизация комфорта природе человека? должен ли человек жить в естественной окружающей среде или он изначально является продуктом технологий и может существовать в искусственной среде, обеспечивающей комфорт? каковы вообще условия существования человека? Наконец, что такое здоровье? Соответствие медицинской норме или умение справляться со своими недугами и жить, сообразно возможностям своего организма? Большинство пациентов мечтают выздороветь, чтобы удовлетворять свои прежние нездоровые привычки. Кто такой выздоравливающий: не тот ли, кто понял, как правильно жить? В зависимости от решения этих вопросов будет выбираться направление развития современной медицины. К сожалению, оно определяется коммерциализацией, сциентизацией и технизацией. С одной стороны, возвращение к естественному образу жизни кажется правильной профилактической мерой, с другой, все большее количество людей обречено питаться генномодифицированными продуктами и жить на лекарствах.

Что входит в состав того, что мы называем жизнеобеспечением? Естественной посылкой является установка на сохранение природной среды. Но ведь на самом деле человек не может жить в чисто природных условиях. Издавна он жил в искусственных укрытиях и питался не сырой, а приготовленной пищей. Это обстоятельство ярко дает знать о себе именно сегодня, когда резкие изменения в погоде или выбросы вредных для дыхания веществ заставляют разрабатывать разнообразные устройства по очистке воды и воздуха, по поддержанию климата, сохранению физической формы и т. п. В связи с этим весьма акту-

альным является исследование опыта создания систем жизнеобеспечения от палаток степных народов до жилищ-трейлеров и космических станций. Решение экологических проблем следует искать на пути не только ограничения развития промышленности, но и строительства удобных контейнеров для совместного проживания людей. Строительство искусственной среды обитания не ограничивается жилищами и прочей инфраструктурой. Не только технические, но духовные ресурсы (например, то, что сегодня называют человеческим и социальным капиталом) являются важнейшими условиями выживания человечества. Причиной психосоматических заболеваний является в том числе и устройство современного общества. Проблематика медицины упирается в организацию труда и отдыха, в инвестиции в воспитание и образование подрастающего поколения, в поддержку инвалидов и пожилых людей. В странах первого мира имеет место облегчение труда, увеличение свободного времени, развитие индустрии туризма и развлечений, однако парадоксально, что болезни хоть и модифицируются, но не отступают. В средние века люди страдали от меланхолии – бегство от скуки было проблемой аристократов и праздного класса, а болезнью XX в. стала неврастения; теперь, похоже, растет угроза шизофрении. Настоящая же беда – это алкоголизм и наркомания. Если учесть падение рождаемости, то будущее европейского человечества выглядит весьма уныло.

Сегодня медицина – не только система знания о человеке, но и сложный социальный институт, обслуживающий большинство населения страны. Это также бизнес, дающий большую прибыль, и потому заинтересованный в оказании дорогостоящих услуг. В связи с этим все чаще говорят о демократизации и обращают взор в сторону народной медицины. Считают, что современная медицина больше ориентирована на научные исследования и меньше – на лечение. Действительно, ученые с интересом ставят диагноз, ищут причины заболевания и занимаются лечением, чтобы подтвердить свои гипотезы о воздействии тех или иных препаратов. Наоборот, сторонники, например, гомеопатических методов считают, что организм может сам справиться с заболеванием и нужно лишь помочь этому.

Вопрос о том, какая медицина является более эффективной и доступной, должен решаться с учетом мнения общества. Оно тоже неоднозначно: как в профессиональной, так и в непрофессиональной среде есть свои гении и идиоты. И все же понятие зла не годится в медицинской этике, ибо оно исключает понимание истины. Зло фатально, его нельзя исправить, поэтому лучше говорить об опасностях, которым можно противостоять, и именно на улучшение всех существующих медицинских практик нужно обратить внимание. Философский совет мог бы быть следующим: всеми силами следует избегать кризисных ситуаций, требующих чрезвычайных мер. Разумнее стараться улучшить ситуацию, привлекая для этого все заинтересованные стороны. Эту потребность в коммуникации всегда удовлетворяла философия. Подсоединение дискурса философии к медицине не является искусственной натяжкой. Еще в диалогах Платона они соседствуют. Философы использовали медицинские метафоры и уверенно связывали здоровье с терапией души. Конечно, медицина сегодня сложная и относительно автономная практика, соприкасающаяся с философскими основаниями разве что на самых высших теоретических этажах, но при этом и философия уже не претендует на роль царицы наук и не диктует ни онтологических, ни методологических принципов. Это не значит, что философия оказалась в положении короля Лира – она востребуется сегодня как наука о человеческом существовании. Да и медицина стала другой. Профилактика, борьба за здоровый образ жизни и гуманистический

патронаж коренным образом меняют медицину. Она становится социальной и гуманитарной наукой, и это определяет новую форму союза философии медицины.

Прежде всего это касается уже не столько онтологических, сколько собственно медицинских и одновременно обыденных представлений о болезни и здоровье. Что значит здоровый образ жизни, каковы факторы трудоспособности и долголетия? Раньше к решению этих вопросов подходили с точки зрения определения человека как рабочей силы, как агента тяжелого труда. Современная экономика оперирует понятием человеческого капитала, куда входит и здоровье, и знания, и способность к инновациям. Соответственно медицина озабочена уже не только физической формой, но и психическими компетенциями людей. Споры об экологии человека и природы поднимают тему не только окружающей среды, но и духовной сферы, которая оказывается зараженной вирусами страха, ресентимента, коррупции. Все это, между прочим, негативно сказывается и на здоровье. Казалось, увеличение свободного времени, облегчение труда, увеличение достатка, отсутствие нужды, словом – вступление в эру благоденствия автоматически приведет к увеличению продолжительности жизни. Более того, на поверхности дело обстоит именно так. Когда еще столько людей пожилого возраста перемещалось по земному шару в качестве туристов? Но если, так сказать, «копнуть глубже», то картина получается совсем другая. Первое, что пугает, это уменьшение количества детей. Получается, что за свое благоденствие общество платит детско-материнской нищетой. Другая причина страхов вызвана беспокойством за психическое и физическое здоровье детей и юношества.

Разумеется, для усиления иммунитета вовсе не обязательно возвращаться в эпоху нужды. Как раз народная медицина сосредоточена на том, чтобы вернуть больного к правильному, «здоровому» образу жизни. Нужно научить людей заботиться о себе, и для этого как нельзя лучше подходит искусство существования, издавна развиваемое в философии. В предшествующее столетие на философа смотрели как на хранителя рациональности и меньше обращали внимания на опыт, который философы собирали, наблюдая за судьбами людей. Существует богатое собрание философских наставлений, которые можно предложить в качестве своеобразных лекарств нашим современникам и прежде всего медикам, которые понимают, что многие болезни проистекают из неправильного образа жизни и требуют иных лекарств, нежели таблетки от стресса.

Научная медицина рассматривает человека как объект вмешательства. В силу своей дифференциации она занимается отдельными частями организма. К тому же в медицине, как во всякой науке, существует множество теорий. Одни рассматривают человека на биологическом, другие – на психологическом уровне, третьи считают главными причинами болезни образ жизни и социальные условия существования. На самом деле, человек целостное существо, которое нельзя лечить по частям. Отсюда проистекает критика «официальной» медицины, которую М. Фуко упрекал в усилении надзора и контроля за населением. Особенно ярко он описал квазиполицейские функции психиатрии, которая осуществляла надзор за людьми с отклоняющимся поведением и нередко использовалась для изоляции инакомыслящих [11, с. 183]. Вопрос в том, как с этим бороться. Не стоит поспешно отвергать научную, государственную медицину, чтобы дать место «народной». Дилетантизм и тем более шарлатанство в медицине недопустимы.

Советская медицина опиралась на государственную стратегию охраны здоровья и массовых профилактических мероприятий. Согласно теории эпидемиологического перехода, вы-

двинутой в 70-х гг. XX столетия, медицина прошла четыре рубежа. Первый связан с преодолением массовых эпидемий (чума, холера, оспа). На втором этапе медицина справляется с туберкулезом, желудочно-кишечными инфекциями, детскими инфекциями. Третья стадия связана с сердечно-сосудистыми болезнями и пропагандой здорового образа жизни. Наконец, на современной стадии развития медицины начинается борьба с врожденными и генетическими недостатками, уменьшается детская смертность, увеличивается продолжительность жизни. К середине 1960-х гг. возможности этой стратегии были исчерпаны. Необходим новый тип профилактики, основанный на инициативе самих людей. Ориентация на здоровый образ жизни, охрану окружающей среды, питание, гигиену, профилактику предполагает, что человек в современной медицине – это не пассивный больной, а активный партнер врача.

Сегодня, когда наука оказалась в кризисе, вызванном, скорее, внешними, социально-экономическими, чем внутренними, теоретическими трудностями, вновь начались дискуссии об альтернативных формах знания. К ним, прежде всего, относится массив как ненаучного, так и вненаучного знания, характеризующийся собственной предметной областью, техникой, методами, способами организации и коммуникации. Наибольший интерес сегодня вызывают эзотерические знания – астрология и теософия, даже магия и алхимия. Классический идеал науки противостоял всем этим архаическим знаниям как формам суеверия. С точки зрения критики идеологии интерес к оккультным наукам – симптом болезни общества. Наука связана с демократией, а миф с тоталитаризмом, – так можно охарактеризовать радикальную критику ненаучных форм знания. Однако, если обратиться к трудам современных ученых, можно заметить, что они в своих поисках новой идеи интересуются нетрадиционными формами познания, возникшими в восточной мудрости, где мир рассматривался как непрерывное становление; в античной заботе о себе, которая не сводилась к самопознанию; в семиотике мира средневековых ученых, которые разрабатывали медицину на основе соответствия микро- и макрокосма.

То обстоятельство, что считающиеся сегодня ненаучными и активно вытесняемые из структуры современного образования знания, долгое время служили основой выживания людей и передавались как опыт и наставление, как совет и рецепт, заставляет отнестись к ним, по меньшей мере, с уважением, а возможно, и пересмотреть негативное к ним отношение. Наука, которая активно вторгается во все сферы жизни, оказывается не везде уместной и эффективной. Наивная вера в безграничность науки не идет ей на пользу. Так она сама утрачивает способность к развитию и застывает в безжизненной стагнации. Более того, именно вследствие этой уверенности некоторые ученые подвергают онаучиванию не только мораль и нормы повседневного общения, но и массив религиозно-мистического и оккультного знания, создавая видимость их рационализации. Эти процессы глобализации опасны прежде всего для самой науки, а также и для религии, которая в результате рационализации утрачивает свои духовные сокровища. Гуманитарные науки в результате сциентизации, возможно, становятся системными и строгими, но утрачивают душевность и духовность. Опасность онаучивания искусства, морали, медицины, религии и других ненаучных форм знания состоит в гомогенизации культуры. Не только общество, но и культура должны быть разнородными, состоящими из относительно независимых подсистем. Сохранение альтернативных миров целесообразно, прежде всего, с точки зрения безопасности: в случае кризиса одной из подсистем, другие формы рациональности способствуют сохранению социального порядка.

В современной цивилизации сосуществуют и взаимодействуют различные культурные традиции, мировоззрения и интеллектуальные установки. Наука занимает среди них достойное, но отнюдь не главное место. Прежде всего философия, здравый смысл публики, исторические традиции и современные нормы поведения, выражающие интересы широкой общественности, являются тем базисом, который образует стратегические установки инструментального знания. Научные оценки в свою очередь должны применяться по отношению к закостеневшим предрассудкам здравого смысла. Развитие современной цивилизации во многом будет зависеть от того, насколько удастся реализовать пластичное взаимодействие науки с альтернативными формами знания в разнообразных институтах общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. М.: Академический Проект, 2013. 480 с.
2. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 384 с.
3. Лосев А. Ф. Гомер. М.: Учпедгиз, 1960. 352 с.
4. Жирар Р. Козел отпущения. СПб.: Иван Лимбах, 2010. 336 с.
5. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990.
6. Сент-Экзюпери А. де. Сочинения. М.: Худож. лит., 1964. 695 с.
7. Шабалов Н. П. Педиатрия. СПб.: СпецЛит., 2003. 893 с.
8. Зильбер А. П. Этюды критической медицины. СПб.: Петрополис, 2006. 919 с.
9. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи. СПб.: 1903. 428 с.
10. Фуко М. Психическая болезнь и личность. СПб.: Гуманитарная академия, 2009. 320 с.
11. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2009.

B. V. Markov, G. G. Hubulava
Saint Petersburg State University

A PHYSICIAN AND A PATIENT IN THE HISTORY OF CULTURE

The phenomenon of a disease and transformation of relations of a doctor and a patient in the history of European culture is studied. Many peoples in different parts of the world entrusted a mission of a doctor on a tribe shaman. Fear, awe, gratitude, and sometimes a sense of contact with unfathomable are combined in the attitude of "mere mortals" to someone who promises help in case of a disease. The doctor was still a figure, wrapped in mystery, nearly a mythical one. An illness which forces a man to trust physician's care often deprives a ward of choice and independent decision – that is freedom as a fundamental property inherent in personality. He – a patient – indeed, is transformed in a "case", a subject of medical research.

A patient, a disease, a physician, community, the value of human life

УДК 130.2; 711.168; 7.017.9

Е. Г. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет

«МОНТАЖ» МАССОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНО-УНИКАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Анализируются процессы и тенденции, которые стали существенными и определяющими при формировании целостности человека в современном мире. Важнейшее значение имеет «монтаж» идентичности посредством обустройства жизни, т. е. тех форм повседневности, в частности художественной ее проработки, благодаря которым и манифестируется уникальная совокупность отдельного человека. Показательно, что художественная проработка отдельных сегментов «среды обитания», их учет и массовое производство совсем не обязательно влекут за собой тотальную унификацию и стандартизацию, но, напротив, могут являться лишь этапом формирования неповторимой индивидуальности каждого.

**Целостность, дискретность, человек, городская среда, место жительства,
производство жизни, художественная проработка, массовость, уникальность**

Тотальная стандартизация нормативов жизнеосуществления, начавшаяся в европейской культуре еще на заре нового времени, благодаря узакониванию общего для всех нормативного свода прав и обязанностей – альфы и омеги столь любимого ныне повсеместно гражданского общества – сама по себе ни бедой, ни катастрофой не является. Эта, в общем-то, неизбежная и вынужденная мера (людей на Земле становится все больше, им где-то и как-то надо жить, где уж радеть о неповторимости каждого), совсем не обязательно является фатальной угрозой индивидуальности и не влечет за собой столь же тотальное уничтожение экзистенциальной разнородности. Те ужасающе однородные обстоятельства жизни, в которых современный человек, в особенности горожанин, «обретает» свою самость, не узаконены уже самой концептуальной ставкой на массовое и стандартизированное производство и вовсе не ведут к утрате, а то и к забвению уникальности и целостности. Многочисленные антиутопические апокалипсические пророчества, столько распротранившиеся в прошлом веке, разумеется, не просто художественные «страшилки»: и сбывались, и распространялись по всему миру, и находили активных приверженцев и последователей-утвердителей. Безусловно, все это имело место: оболванивание людей, стремление всех подогнать под одну «линейку», заставить всех ходить (мыслить, рассуждать, желать, стремиться) «строеном» и всегда за все голосовать единогласно по указке тирана. Тоталитарные режимы – также не выдумка, но неприглядная реальность. Однако вот уже и социализм миновал, и вроде почти везде, не считая, разумеется, каких-то очень немногочисленных отдельных «заказников» (секты, организации, регионы, может быть, страны, уже не отгороженные «железным занавесом» от всего остального мира, но напротив, в него включенные в виде разнообразных сингулярных вкраплений), – свобода, равенство и братство, поднятые знаменами Великой Французской революции, должны гарантировать и, что важнее, обеспечить благоуханное цветение миллиардов неповторимостей. Так вот не только не обеспечивают, но даже и не гарантируют. Как ни печально это осознавать, но и вне тоталитарной антропологической узаконенной усредненности однообра-

зия становится все больше: везде люди одинаковы. А уж нынешний технический инструментарий, коим пользуются по всему миру, в еще большей степени ускоряет процесс нивелирования разнообразия. Резонно задаться вопросом: не вмонтирована ли сея тенденция – усреднение – в сам организационный принцип постулатов новоевропейского социокультурного конструкта? Вопрос, разумеется, риторический. Запущенный Гуттенбергом механизм монтировки масштабных комплексов любого уровня, свойства-качества и модальности из гомогенизированных дискретных единиц с неизбежностью привели к агрегатности, механизму, системности и бухгалтерской калькуляции всей бытийной наличности. Тем не менее, при всем, казалось бы, торжествующем безумстве философско-атропологических аксиом (вроде утраты человека или дефицита реальности) и утверждении общемировых стандартов жизни в Африке живут африканцы, а в Латинской Америке – латиноамериканцы, весьма несхожие между собой по очень многим экзистенциально-фундаментальным параметрам. Внешнюю парадоксальность – невозможность при всей очевидности устремлений человека стандартизироваться – Л. Н. Гумилев в своей докторской диссертации «Этногенез и биосфера Земли» создавшееся положение описывает такой полукомической ситуацией: «Помню, когда я был ребенком и увлекался Майн Ридом, одна весьма культурная дама сказала мне: «Негры – такие же мужики, как наши, только черные». Ей не могло прийти в голову, что меланезийская колдунья с берегов Малаиты могла бы сказать с тем же основанием: «Англичане – такие же охотники за головами, как мы, только белого цвета» [1, с. 34]. И добавляет чуть далее, что ему понадобилось прожить чуть ли ни всю жизнь, чтобы осознать всю вздорность подобного утверждения. Эти слова были оглашены в 1973 г., но минувшие с тех пор полвека, период, когда был сделан «радикальный технократический скачок, перевернувший все и вся», на самом деле ничего не изменил, а посему столь же резонно предположить, что заданный вопрос – риторический лишь отчасти. Он в большей степени не констатирует создавшегося положения и не сканирует саму реальность «как она есть», он – наше понимание создавшегося положения, равно как и желание продолжать двигаться в этой мыслительной (научной, т. е. капиталистической) парадигме или определенной трактовке, и не более того. Таким образом, речь идет в первую очередь о самой стратегии выстраивания легитимного познавательного дискурса, каковым почитается дискурс научный, базирующийся на принципах логического позитивизма и системности. Однако «к началу 60-х гг. прошлого века стало очевидным, что методологический потенциал науки философии в той трактовке, которую ей придал логический позитивизм, приблизился к пределам своих эвристических возможностей. Он ввел целый ряд ограничений, которые казались необходимыми, чтобы обеспечить строго научный подход к анализу научного знания» [2, с. 17]. Вытекающие из этого неизбежные последствия, в первую очередь, трагическая оппозиционность квантитативной и квалитативной стратегий, не более, чем чисто умозрительные опоры. Даже в мышлении целостность *не* противостоит дискретности (со всем ее дистрибутивным набором вроде: система, структура, позитивность, логичность, даже и базовая картезианская *очевидность*), но напротив, включает в себя последнюю как вариант, волей случая и обстоятельств, лежащий вне пределов знания, сознания и понимания, захвативший власть. А противопоставление смысловых комплексов и смысловых интуиций лишено, как это ни парадоксально, смысла. Ю. Н. Солонин склонен допускать, что иная, квантитативная установка может быть и рациональной, и онтологически фундированной, и даже обрести статус вполне убе-

дительной научной парадигмы. Следует, пожалуй, воздержаться от столь дерзких утверждений, ибо, представляется (хотя бы исходя из истории науки), что иной онтологической и методологической перспективы, кроме как качественной, не может быть у научного знания в принципе. А то, что она эвристически исчерпала себя, так в том никакой катастрофы нет. Ж. Ф. Лиотар прекрасно показал историческую временность научно-познавательной гегемонии, выразив это броским лозунгом: «Наука – не знание. Или, во всяком случае, не все знание» [3].

Это в познании или, если точнее, в философии познания (науке). Если обратиться к более простым, наглядным и знакомым материям, то фундаментальные для сознания апо-рии без всякого труда, с легкостью и изяществом разрешаются; Ахиллес без труда обойдет черепаху, а немец никогда не станет японцем, да и как же так получается – человек в своей целостности и идентичности исчез вроде бы, но по миру расхаживают миллиарды вполне себе целостных индивидов, ничуть не испытывая дефицита реальности, разве что чистого воздуха и пресной воды, что совсем другое. То, что стандартизация и массовое производство отнюдь не подразумевают автоматически тотальную унификацию всего и вся, в первую очередь самого человека и среды его обитания, прекрасно продемонстрировал и теоретически и практически Ле Корбюзье. Французский архитектор и мыслитель – фигура не слишком приглядная, если смотреть на нее с позиций сторонников индивидуализма, ратующих за сохранение самобытности любой личности без исключений. В самом деле, он – ярый борец за тотальное исчисление, унификацию и стандартизацию всех аспектов человеческого существования, главенствующую и первостепенную, считал, что «ближайшее-миро-окружающее» играет роль обустройства среды обитания человека. Вот они, нынешние обезличенные городские кварталы, заполняющие все уголки урбанистической Земли, где в тоскливом однообразии прозябает большая часть человечества, налицо. Впо-ру обвинить архитектора, который еще в 1920-х гг. одним из первых выдвинул идею о необходимости стандартизации процесса градостроения и постановки его на промышленные массово-производственные рельсы, за что всю жизнь и боролся. Однако, как оно до-вольно часто бывает, «не за то мастер боролся, на что мы напоролись». Нынешняя унылая неприглядность – не то чтобы искажение или девальвация самих принципов модулюрам [4], а как раз их полное игнорирование. Напомним, что в тех зданиях и архитектурных ком-плексах, даже в масштабном проекте возведения целого города Чандигарха – столицы ин-дийского штата Пенджаб, где практически везде был использован тотальный промышлен-но-поточный способ «производства и воспроизводства жизни», нет ни унылости, ни одно-образия, ни усредненности, ни упраздненной индивидуально-этнически-национальной це-лостности. При этом священная для европейцев идеологическая максима суверенной ав-тономности каждого человека не нарушена и не опрокинута в пространство пустой фик-тивной риторики, хотя сторонникам «марсельской жилой единицы» даже в голову не при-дет, что жители Индии – такие же как они, только смугленькие, равно как и наоборот, ибо никто не ущемлен в своих экзистенциально-культурных правах.

С одной стороны, акцент на «учете и контроле» всех аспектов жизни, основанный на исчерпывающем исчислении отдельных элементов из которых жизнь состоит, равно как массовое коверное промысленное, из первичных субстратных заготовок: «Крупная про-мышленность должна заняться строительством и организовать поточное производство элементов зданий. Нужно полностью осознать необходимость поточного производства: проникнуться нужностью массового серийного строительства зданий, понять неизбеж-

ность проживания в типовых домах серийного производства, заняться проектированием типовых домов для массового серийного строительства» [4, с. 39].

Что с неминуемостью должно привести к обезличиванию и к серийному производству одинаковых людей. С другой: «Жизнь каждого отдельного человека не может быть определена в общем, энциклопедически, везде – она субъективна» [4, с. 39]. И неизменное на всем протяжении жизни архитектора кредо: «Любой жилой дом – это дворец! Любой дворец – это жилой дом!». Не противоречит ли одно другому? Отнюдь! Как не противоречит дискретность целостности, но, напротив, в нее включена в качестве этапа или технологического производственного инструментария, что и создает исключительно умоизмерительную, невозможную с точки зрения «здорового смысла» или логически-математического законодательства затруднительную ситуацию. Как, и эти примеры Ле Корбюзье довольно часто приводит, из весьма небольшого количества одинаковых по своей структуре атомов составляются неповторимые и уникальные бесконечные формы жизни, или из трех десятков букв – вселенные вербальных речений, а из темперированных 12 тонов новоевропейской музыкальной системы – неисчисляемые и неисчерпаемые авторские художественные откровения. Точно так же и здесь: первичных элементов не так уж и много. Их, разумеется, много больше, чем букв в алфавите или звуков-нот, но они поддаются исчислению. Это касается и материала, из которого составляются жилища, равно как всей технологической цепочки на всех этапах строительства. Но в той же самой степени это относится к человеку, конкретному человеку, конкретным людям. Никакой объективации или обобщения вроде: «Все люди хотят... Каждый стремится... У всех мечта... и т. д.» Начинаются процедуры исчисления человека с перечня простых, действительно всеобщих, потребностей, как то: воздух, еда, сон, воспитание, отдых, работа, передвижение и пр. Но дальше – уже привязка к конкретным обстоятельствам жизни: какой воздух (например, в Марселе или Чандигархе), какая еда (чем привыкли питаться люди данной местности), где готовится, как именно потребляется, какие предметы при этом используют. То же самое касается и всех остальных культурно-экзистенциальных позиций. Можно составить «совокупный образ» жителя тех или иных мест и составить первичный перечень требуемого. Но дальше – детализация-нисхождение: группы людей, место первичного производства жизни, отдельная семья, человек. При всей, казалось бы, стандартизации центральной и итоговой единицы, вокруг которой закручивается вся интрига, остается уникальная целостность каждого человека. Его жилище составляется из отдельных элементов, оно монтируется и собирается под конкретный запрос, т. е. варьируется. И таких вариаций – бесконечное количество. Это вроде конструктора лего. Отчасти сегодня это происходит и является если не массовой тенденцией, то весьма заметной. Однако в большей степени это касается помещений, где люди живут, в меньшей степени – мест труда, что нельзя не признать отрадным моментом. Но в том-то и дело, что все остальные градостроительные компоненты почти совсем оставлены таким вот бухгалтерским вниманием и, как следствие, специализированным вниманием технологов-наладчиков жизни.

Есть и еще один момент, которому Ле Корбюзье специального внимания не уделял – художественный. Естественно, он так или иначе прорабатывал и дизайнерские аспекты возводимых им зданий и городов. Но «тяга к прекрасному» или «эстетическая константа человеческой природы» не входили в круг его размышлений и созидательных рвений, не были включены в число человеческих потребностей вроде воздуха, пищи, еды и пр.

В том, что эта устремленность является действительно сущностной, всеобщей антропологической данностью, уверенности у нас нет. То, что без воздуха и воды ни один человек не может жить – аксиома, а вот без изящных искусств – вполне: подавляющее большинство населявших и населяющих Землю людей прекрасно обходились без них и были счастливы. Однако оттолкнемся от хорошо известного постулата Гегеля, не забывая о том, что он был европейцем, жил в новое время, и хоть был и гениальным, но все равно лишь рупором новоевропейской культурно-антропологической установки, а не общечеловеческой, каковой в принципе не может быть: «Удовлетворение... теоретического интереса является делом науки, и искусство так же мало разделяет этот интерес в его научной форме, как мало общего у искусства с влечениями практического вожделения... От практического интереса вожделения художественный интерес отличается тем, что он оставляет существовать свободно в его для-себя-бытии, тогда как вожделение разрушает его, извлекая для него пользу» [5, с. 44]. Таким образом, эстетический (художественный интерес) встроен в антропологическую программу, а потому искусство – жизненно необходимо. Поправка: европейский человек нового времени или, если точнее, та его разновидность, каковая на сей титул номинируется, была бы более чем уместна. Справедливости ради надо сказать, что благодаря немалым усилиям в XIX в., особенно к его концу, искусство во всех его размножившихся видах и формах стало действительно весьма важной составляющей как культуры вообще, так и отдельного человека в частности. Не повсеместно, не тотально все вдруг и по велению сердца потянулись к прекрасному, вовсе нет, но эта черта была вмененной, репрезентативной и показательной с точки зрения «человеческой качественности». Одна из характерных черт культуры модерна была всеобщая эстетизация, когда художественной проработке – специальной и целенаправленной – подвергались все аспекты жизни человека всех слоев общества. Отсюда потребность в массовом, серийном, промышленном производстве художественных артефактов. В этот процесс художники-творцы с энтузиазмом включились, хоть и по разным причинам. Искусство в прямом и в переносном смысле штамповали. Разного уровня, разного качества, по разной цене. Разумеется, можно было наштамповать огромное количество репродукций леонардовской Моны Лизы и потешить глаз экзальтированной дамы полусвета декадантской поры, но именно глаз, но не самолюбие, ибо, как ни крути, подлинник всегда остается подлинником, а подделка-копия жалким подобием. Оригиналов и шедевров же все равно на всех не хватит, а вариантов решения не так уж и много, и оба они были реализованы. Во-первых, умножение количества копий и их распространение по всему миру – ликвидация оппозиции «копия–оригинал» посредством новых видов искусства (кинематограф, фотография и пр.). И, наконец, массовое производство таких артефактов, которые вполне могли снять художественный зуд и в полной мере удовлетворить эстетический запрос обывателя, ярким примером чему явились всевозможные «сувенирные лавки» – они вроде как украшают и тешат. В последнем случае за скобки выводится сам автор-творец, носитель дара и откровения, что и отливается в творение. И сам потребитель, который в отсутствие профессионала остается наедине с неразрешимой для него задачей сопрячь все эти по разным случаям приобретенные «штамповки» в единую гармоническую целость, соразмерную его собственной, уж какой есть, но эстетической устремленности. Своеобразным возвращением гения-художника в обывательскую среду был ернический проект мерц-дада.

Дадаисты были, разумеется, хулиганами и отменно «потоптались» на всемирном художественном наследии. Но именно они стояли у истоков и дизайна, и различных вариантов массового, при этом ориентированного на единичность и уникальность монтажа художественной цельности. Они же ввели в шумный оборот придуманную еще в 1913 г. М. Дюшаном (какое-то время к ним примыкавшим) практику реди-мейд (ready-made), в последующем ставшую чуть ли не визитной карточкой искусства XX в., породившую невероятное количество странных в художественном отношении последователей – производственников-творцов, и не меньшее количество весьма и весьма качественных, вполне философских спекуляций по данному поводу. «Дадаисты говорили: если раньше огромное количество времени, любви и усилий тратилось на то, чтобы изобразить человеческое тело, цветок,... то сегодня нам достаточно взять ножницы и вырезать из картин или фотографий то, что нам нужно... а если речь идет о вещах небольшого объема, ... мы берем сами эти вещи, к примеру, перочинный нож, пепельницу, книгу и пр. да и водружаем его на зарезервированную для искусства трибуну у себя дома. Можно даже и автора сохранить, т. е. стать счастливым обладателем вещи, к которой прикоснулась рука гения» [6, с. 200]. Собственно, в этом-то, думается, и суть мерц-дада. Напомню: мерцы придумал Курт Швиттерс, производя в Ганновере из различных отходов – проволочек, веревочек, билетов, консервных крышек коллажи, а само слово произвел от Kommerzbank – «коммерческий банк». За свою не очень долгую, но очень экстравагантную жизнь ганноверец многое и очень разное сказал, сделал и написал, но именно этот его проект стал наиболее продуктивным. Он, а за ним и многие дадаисты, в своей издевке над обывателем, потрафлению его ничтожным грезам «о прекрасном» и «подлинном» пошел дальше: в какой-нибудь дешевой сувенирной или арт-лавке скупались за копейку все, допустим, фарфоровые петушки, сердечки, амурчики, кошечки и пр. несусветная пошлость, затем каждого предмета касалась «рука гения» – отрубали носы, гребешки, дырявили их, подмалевывали усы или что-то приклеивали, а потом за очень хорошие деньги сбывали все это на очередной дада-ярмарке. И ведь покупали! Проглатывали! Млели! И бережно хранили, чтобы передавать потомкам. Но ведь «технически» все безупречно. И, что важнее всего, таких художеств хватит на всех.

Массовая склонность европейцев XX в., достигших среднего уровня материального достатка, а таковых к середине столетия было большинство, заниматься украшательством (именно украшательством, а не символической кодификацией различных зон жизнедеятельности, исходя из экзистенциальных канонов, частью, продолжением и удостоверением-утверждением которых и являются художественные аспекты, как то имеет место в других культурах) своего жилища и этим презентовать свою «художественно-артистическую цельность», всячески поддерживалась и распространялась. Однако, как ни прискорбно это отметить, двухвековое тотальное насаждение искусства не сделало рядового человека в эстетическом отношении более развитым и искушенным. К. Ольденбург, один из самых ярких представителей американского авангарда XX в., когда в 1961 г. въехал на авто в магазин на 2-й Восточной улице Нью-Йорка, превратив его в свой собственный «торговый» проект. Он наполнил его такими вот образчиками «искусства», что украшают прихожие и гостиные рядовых жителей. Моделью ему послужил, что весьма показательно, магазин старых вещей в дешевом эмигрантском квартале, где все свалено в одну кучу. Предметы, еще способные как-то выполнять свои функции, т. е. те, что могли еще быть использованы по назначению, как правило, отсутствовали, но в изобилии были представлены все возможные вазочки,

гипсовые кролики и амурчики, занавесочки, подушечки сердечком, что были милы и бережно хранимы их прошлыми обладателями, а после их кончины либо по какой другой причине (например, по причине беспросветной нищеты, когда, чтобы не умереть с голоду, расстаются с самым сокровенным; или просто выброшенные на помойку) за гроши сдаваемые в лавки старьевщиков («блошинные рынки» – разновидности такой практики). Собранные в одном месте, в одну кучу, все эти предметы являли собой очень жалкое зрелище. В жилищах своих хозяев они презентовали их представление о прекрасном и их вкус, коробивший, на самом деле, любого мало-мальски знакомого с историей искусства человека. Вот он, убогий эстетически-антропологический итог работы нескольких веков. Речь идет, разумеется, не о великих художественных прозрениях, которые всегда были, а в XX в. случались в изобилии. Речь о другом: о повсеместном, массово-индивидуальном, затрагивающем каждого и всякого в высший момент его собственного, неповторимого и уникального акта созидания жизни. В «магазине» на месте преysкуранта висел манифест Ольденбурга, где исчислялись все обстоятельства, ситуации, материалы, предметы и практики искусства. Современного искусства. Массового искусства. «Я за искусство, которое берет свои формы из личной жизни... Я за искусство, которое летит из трубы, как черный дым, и растворяется в небе... Я за искусство, которое бьется, как флаг, и в которое можно сморкаться, как в носовой платок... Я за искусство пепси... Я за искусство вещей, потерянных или выброшенных по пути домой из школы...» [7, с. 188]. Трогательность ситуации заключалась как раз в резком и неприличном со всех сторон соотношении: вроде бы открыто и недвусмысленно декларировалось суверенное право каждого человека и всякого предмета войти в священный храм искусства. Каждый сам себе творец и может для своего творчества использовать любой подручный материал, что многократно, многовариантно и даже успешно демонстрировала со времен дадаистских хулиганств вся профессиональная художественная практика. Для этого не требуется каких-то особенных материалов, особых приспособлений, откровений, даже и специальных, полученных в результате суровой муштры в соответствующих образовательных учреждениях, где поточным способом штамповали художников и навыки. Всякий мог себе это позволить, благо кроме излюбленного художниками содержимого мусорных бочков всегда к услугам такого вот творца *изящные* и *такие миленькие* безделушки (вазочки, вазончики, сувенирчики, сплетенные и украшенные «народным орнаментом» салфеточки-поясочки): бери, да твори. Берут и творят, как сказал бы Гегель, «удваивают себя» [5, с. 38], свою цельность, неповторимость, индивидуальность, и пр., бесконечно умножая количество бесцельной, но такой обворожительной, как и все искусство, предметности. Ну а получается то, ... что получается: это уже та самая сваленная в магазине-торговом центре К. Ольденбурга куча ненужных вещей, безобразных и по сути, и по форме, и по социокультурно-антропологическим коннотациям. Необходимо констатировать, что, как и многие другие новоевропейские проекты, эстетический также закончился грандиозным конфузом.

Нечасто в работах, даже и весьма обстоятельных, посвященных искусству XX в. мелькает имя французско-венгерского художника Виктора Вазарели (Vásárhelyi Győző). Он не числится среди великих новаторов художественной практики, а его высказывания и декларативные заявления не могут сравниться по зычности со скандальными выходками его собратьев по цеху – «нарушителями общественного покоя», на которых так богат и охоч был минувший век со времен дадаистов, где ставка на скандал была возведена в принцип. Ставшее крылатым откровение Л. Арагона «Я никогда не искал ничего друго-

го, кроме скандала, и я искал его ради него самого», разумеется, лукавство: скандал (как и сенсация) – двигатель развития и повседневная норма бытования искусства XX в., что прекрасно известно еще со времен «Заката Европы» О. Шпенглера. Не берусь утверждать, по какой причине Вазарели не стремился войти в число таких вот всемирно известных скандалистов: из внутреннего благородства, неумения организовать подобного рода шоу, или из-за нехватки времени и сил, но в течение довольно долгой жизни он был инициатором нескольких, вполне респектабельных по меркам XX в. деклараций художественно-теоретически-публицистического характера, которые, тем не менее, не вылились в низвержение «всего и вся». Его абстрактные композиции – спокойные и лаконичные – не могли в принципе породить ажиотаж: когда он вошел в искусство (начало 30-х гг. XX в.), абстракция уже стала одной из привычных стилистик художественного выражения. Однако он числится родоначальником оп-арта (оптического искусства), одного из очень многих направлений в искусстве XX в., получившего хождение (прежде всего среди дизайнеров и мастеров уличных «настенных заявлений» – плакатов, рекламных баннеров, воззваний) в 1960-х гг. Художники оп-арта, вслед за Вазарели использовали различные зрительные иллюзии, опираясь на особенности восприятия плоских и пространственных фигур, тем самым создавая эффект пространственного перемещения, движения, слияния, перегруппировки фрагментов и налагивая различные ритмические повторения. Тем самым был предложен еще один вариант разрешения разрушения двумерной статичности живописных полотен. Благодаря всевозможным «обманкам», которые заставляют наш глаз в отсутствие четкой пригвожденности к какому-либо центральному месту на полотне (фигуре, цвету, пятну), что будет выступать точкой отсчета, и по отношению к которому все остальные элементы будут соответствующим образом распределены по своим местам окончательно и бесповоротно, в произведениях оп-арта все время происходит «перераспределение» различных фрагментов: они меняют свои позиции и роль, выступая то как «субстанции» (форма, фигура), то как акциденции (фон). Причем таких возможных центров не два, но гораздо больше, поэтому глаз не может зафиксировать свою позицию, но вынужден «искать» новые варианты прочтения (точки зрения). Так возникает иллюзия движения и трехмерности, неустойчивости, перестановки, перегруппировки и накладка различных серийных последовательностей цветов и форм. Это, разумеется, в большей степени забавный (оптически-иллюзорный, организующий то прямое, то реверсивное, а то и вовсе даже не имеющее названия движение глаза) аттракцион, нежели «высокое искусство». Но сейчас нас интересует другое начинание Вазарели, более серьезное и масштабное, которому, к сожалению, уделяется гораздо меньше внимания, а именно: попытка соединить художественность и возможность практически бесконечного тиражирования авторского произведения искусства, не скатываясь при этом до конвейерной штамповки «плюшевых мишек» или «фарфоровых кошечек», что всегда, даже если они по задумке и милы на своем месте в домашнем шкафчике, в картине же становится обывательской пошлостью. Первостепенное значение имеет и то, что в число непосредственно участвующих (творцов) включается и сам «потребитель», т. е. человек, конкретный, единичный, скорее всего европеец, чья неизбывная тяга к прекрасному может быть удовлетворена в ситуациях и пространствах, безупречных с точки зрения эстетического вкуса.

Собственно говоря, он предложил сделать примерно то же самое, что и Ле Корбюзье, только в своем профессионально-дисциплинарном ведомстве – живописи и отчасти

скульптуре (трехмерных композициях). Таков еще один проект реальной демократизации искусства, лишения его элитарности. Не налаживанием дней бесплатного посещения музеев и не удешевлением затрат на производство копий джаконд или миниатюрных египетских пирамид, но введением, массовым промышленным производством неких первичных элементов с последующим «монтированием» из этих структур-атомов неких художественных композиций. Так же как и многих его предшественников в страсти отыскать «первоэлемент», дойти до некоего неделимого первоосновного «кирпичика», из которого складываются все бесчисленные варианты художественных речений, одна из сквозных идей буквально всех видов искусств XX в., начиная с 10-х гг., привела его к введению (или изобретению, как часто пишут) некой «пластической единицы» (*«unite plastique»*) – разноцветного модуля строго геометрической формы, который как алфавит в речи и письме или звукиноты в музыке, позволил бы создать бесконечное число вариантов художественного произведения. При этом речь шла не только о художнике или группе художников, чем обычно и ограничивались великие калькуляторы и утилизаторы микроэлементов искусства, но в этот процесс включались и не-художники, т. е. потребители-жители, которые также участвовали в процессе на равных. Благодаря внятности, понятности, доступности во всех смыслах и тиражированию стало возможным свободное, бесконечное и постоянное обновление эстетической и художественной образности посредством использования унифицированных единиц. Таким образом, «вопрос касался проблемы “умножения” т. е. адекватной оценки репродуцированных копий с оригинального произведения искусства... Вазарели довел идею умножения до крайности, создавая свои творения, начиная с 1950-х гг. и до последних лет жизни, всегда имея в виду многообразие возможностей для применения и средств распространения... В свете деперсонализации визуального языка, основанного на универсальных изменчивых модулях, сам предмет аутентичности произведения потерял свою актуальность» [8, с. 59–60].

Впервые зрителям вазарелевский «пластический алфавит» был представлен в 1963 г. на выставке «Планетарный фольклор» в Музее декоративного искусства в Париже. Ранее, в 1959 г., он оформил на свое изобретение патент и наладил производство. Его алфавит включал исчисляемое количество единиц. Базовой единицей являлся монохромный квадрат 10×10 см, в который вписывалась (или вставлялась) контрастная по цвету, ахроматическая или хроматическая геометрическая фигура меньшего размера: тот же квадрат, круг, треугольник, эллипс и т. д. Основными были шесть цветов: желтый хром, изумрудная зелень, голубой ультрамарин, фиолетовый кобальт, красная и серая краски, которые были дополнены светлотными градациями. Шкала цветов могла быть дополнена еще шестью (каждый из которых был представлен двумя светлотными ступенями), плюс черный цвет. Из такого первичного набора форм и цветов можно было составить практически неисчисляемое количество комбинаций, а сам набор, даже если он был совсем небольшим и дешевым, уже изначально включал вариативность. Такие единицы в зависимости от запроса покупателя (количество элементов, материал, из которого они изготавливались, краткая инструкция по применению) упаковывались и отправлялись заказчику, который уже сам по получению создавал ту или иную плоскостную композицию. Это был не только коммерческий проект, но и в значительной степени идеологический, художественно-идеологический: «Вазарели стремился реально внести в повседневную жизнь свои визуальные открытия... Требование демократизации культуры соединялось у мастера с искренней верой в образовательную силу

красивых вещей, которые способны создать «медленное, но постоянное улучшение условий жизни человека». Поэтому он концентрируется на популяризации своего искусства. Он убежден, что искусство, которое станет «всеобщим достоянием, войдет в естественное окружение любого человека» [9, с. 8]. Это – простейший и элементарнейший шаг и уровень, вероятно, отличающийся от простого и всем знакомого выбора обоев определенного цвета и рисунка, занавесок, зеркал и прочей домашней утвари, но не принципиально и не по существу. В таком виде нет места автору-художнику, который способен и в свое отсутствие руководить вкусом «клиента», поправлять его, не допустить скатывания до вульгарности и пошлости: есть лишь равнодушный разработчик «конструкторской идеи», которую всегда можно дополнить или разукрасить все теми же «амурчиками». Следующий шаг, покупка «авторской картины», картины, которая бы одновременно и включала, и «выключала» автора, выводила бы его «за скобки» как предусловие и возможность. Ситуация, казалось бы, неразрешимая: как сопрячь подлинность художественного всегда единичного произведения искусства и тиражность. Одно вроде бы изначально исключало другое, однако, художник нашел очень убедительный и сугубо фиктивно-декларационный выход.

Вся процедура сводилась к нескольким этапам:

1. *Авторская задумка* (самого Вазарели). Создавалась некая абстрактная, состоящая из ограниченного количества форм и цветов, плоскостная композиция. Для 1960-х гг. уже привычен был минимализм форм и цветов, и доказывать, что весьма ограниченный набор живописных структур может производить не меньший, а то и даже и больший эмоционально-психологически-эстетический эффект, было не нужно (Марк Ротко к тому времени уже был признан, а Пит Мондриан давно с почетом введен в галерею уважаемых классиков искусства всех времен и народов). Итак, автор творит некое произведение искусства. Даже и великие классики прошлого по многу раз делали эскизы, писали и переписывали свои картины (авторские копии-реплики), варьируя те или иные части-фрагменты, что-то убавляя, добавляя, меняя цветовую палитру, композицию. В этом нет ничего необычного. То же самое в данном случае: каждая из частей картины предполагала-включала несколько цветовых вариаций: круг, квадрат, ромб, треугольник могли быть нескольких цветов (не обязательно всех 24, включенных в алфавит).

2. *Тиражирование*. Первичная идея-картина могла быть и картиной, что экспонировалась на выставке, фиксировалась и далее поступала помощникам, которые копировали каждый из элементов по множеству раз. Собирался комплект, причем в него включались не любые или произвольные элементы, но строго определенные по цвету и в строго определенном количестве. Таких наборов, если первичных форм 10, а первичных цветов для данной картины 6, то получается уже более 6000. Каждая, несомненно, авторская, подлинная, настоящая. В число замещаемых и варьируемых переменных входил и материал-фактура – дерево, пластик, бумага, железо, ткань, стекло и пр. Вот еще умножение вариантов на порядки.

3. *Сборка*. Далее, каждый из комплектов – оригинальный, несхожий с другими – продавался и передавался владельцу, который уже сам собирал картину. Даже если допустить, что два или более проданных комплектов будут совершенно одинаковы по набору включенных в них единиц, то все равно при «монтаже», поскольку все единицы подогнаны одна к другой, хоть и не в строгом отношении, как, допустим, пазлы, в которых невозможно вместо одного элемента поставить другой, но в вариативно-курируемых автором-художником сочетаниях, каждый из владельцев сложит «мозаику» по-своему так, как в случае с

отштампованными по одной форме «кошечками» все равно вряд ли получится: вероятность совпадения ничтожна. В результате совместных действий многих людей получилась картина. Чья она? Кто автор? Дать однозначный ответ невозможно.

Собственно говоря, ситуация, если считать фундаментально, т. е. в пределе и по большому счету, ничем принципиально не отличается от любых других актов бытия искусства. Когда мы приписываем авторство тому или иному художнику, поэту, композитору, то лукавим, пренебрегая многими немаловажными обстоятельствами. А именно: итоговый продукт – живописный шедевр, например, – результат коллективной совместности очень многих людей. В случае с Вазарели это становится особенно очевидно. Вроде бы все звенья художественной коммуникации налицо: есть художник-творец, есть творение и есть зритель, однако каждая из позиций многозначна и многовариантна – во всех трех мы обнаружим присутствие и активность других, и выделить того, кто доминирует и лидирует на том или ином этапе (творец, субстрат, зритель), невозможно. Автор продуцирует не только общую идею, но и весьма кропотливо прорабатывает ее, определяя фарватер, в русле которого эта идея может быть реализована на практике. Несомненно, он весьма широк, но не безграничен. Одна картина (с одним титулом) даже и миллионы раз повторенная в процессе массового производства будет отличаться от другой по своему элементарному, базовому и первичному составу. Остается непроясненным еще один момент: чем, собственно говоря, такая картина отличается от дизайнерских сугубо декоративных (фоновых) и не предусматривающих автономной эстетической экспертизы устремленностей? Отличается. И очень. Она, наряду с тем, что участвует в оформлении пространства жизни и выполняет определенную функцию вместе с другими предметами обихода, как раз предполагает некоторую «бесцельную надстройку», нечто сверх, как раз ту самую эстетическую составляющую, которая выступает ведущей во всех произведениях искусства. Эта картина-предмет не жизненно необходима, она не хлеб насущный, она изначально бесполезна, и благодаря этой своей бесполезности способна удовлетворить одну из, по-гегелевски фундаментальных потребностей человека в искусстве, тем самым формируя эстетически корректное отношение к действительности. Ну, а гарантом этого выступает мастерство автора-творца, т. е. самого Вазарели, художественную состоятельность которого и вкус подтверждать к тому времени, когда массовое и промышленное производство его картин было налажено, не было нужды: он уже был всемирно признан. Некоторые приемы поп-арта, вводящие в искушение глаз, кстати, весьма успешно им использовались и в тиражируемых картинах. Причем, в зависимости от того, как именно «сложится-смонтируется» из заготовок, включенных в комплект, общий ансамбль, будут зависеть маршруты «движения», «объем», переливы и переходы, фрагментные группы и серии, настроение и художественная образность, психологически-соматическая доминанта, т. е. непосредственное бытие картины. И все это может меняться по желанию или настроению обладателя, ибо не раз и навсегда установлено автором, принуждающим нас к строго определенному реагированию, но будет изменяться, корректироваться: картину можно разложить на составляющие и вновь собрать уже по-другому. Тиражность, по мысли Вазарели, обогащает произведение: оно становится бесконечно иным, новым, невиданным, способным открывать неведомые экзистенциальные горизонты.

Среди замышленного и лишь отчасти реализовано был и еще более масштабный проект, над которым он работал в последние годы своей жизни, – «архитектурные интеграции»: тот же самый принцип «пластического алфавита», базирующийся на «пластической

единице» (ориентированный на проработку, прежде всего, плоскости) применить и к трехмерности, т. е. создавать художественные композиции (скульптуры, ассамбляжи, инвайронменты), массовое производство которых также можно было бы наладить, как и в случае с картинами, благодаря чему каждый мог бы быть не только сам себе художником, но и сам себе скульптором, и даже творцом целых градостроительных комплексов. К открытию своего фонда он написал: «В первую очередь наш фонд займется доказательством того, что большие комплексы зданий могут быть более привлекательными на вид и более удобными при том условии, что элементарные правила эстетики будут интегрированы в их объем со всем вкусом и любовью» [10, с. 10]. Впрочем, в этом профессиональном пространстве уже имелся успешный опыт Ле Корбюзье.

Теперь попробуем подвести итог. Можно ли утверждать, что трагические противостояния единичности-уникальности и массовости-обобщенности, дискретно-системного и целостно-неразделенного, дотошно-подсчитанного/учтенного/включенного в регулируемые логистические схемы и спонтанно-нерегулируемого/свободного счастливым образом разрешены? И да, и нет. Да – потому, что были и есть художники, архитекторы, в конце концов, просто умные люди разных профессий, которые показали, что эти противоречия – не фатальны и не «онтологичны», т. е. не являются неизбежными издержками ни нашего времени, ни той генеральной стратегии, которой так или иначе, сознательно или бессознательно придерживались генералы и наладчики исторического развития. Все препоны можно обойти и так организовать повседневную жизнь каждого человека вне зависимости от его социокультурных предзаданностей и материального достатка, что она, жизнь, не превратится в каждодневную унылую и беспросветную пытку. Было бы желание и воля. Свою целостность, уникальность, неповторимость, самобытность сохранить и реализовать в условиях тотальной стандартизации, дискретности, массовости, гомогонизации всего и вся, целенаправленном и повсеместном внедрении системности возможно, если все эти варианты разрозненности будут включены в качестве инструмента, составной части, этапа для достижения иных целей и задач. Великих. Правильных. Гуманных. Для формирования Свободного и Счастливого Человека. Это не пустое пафосно-патетическое восклицание, но утверждение, доказанное практически. Человек и сегодня, при всем ужасающем жизненном саунде, может в полной мере удовлетворять свои собственные, только ему свойственные потребности и прихоти, даже такие причудливые, как эстетические. Нет же, – потому что этого не случилось. Увы, работа и усилия и Ле Корбюзье, и Вазарели, и многих небесчисленных по количеству остались единичными, редкими и не переломившими общую ситуацию экспериментальными прецедентами. Массовое промышленное стандартизированное производство жизни превратило саму жизнь, самого человека в ликующую декларацию празднующего победу принципа Стандарта. Все больше людей обитает в скучных, однотипных, однообразных, невыразительных домах-квартирах, пользуется такими же предметами в своем обиходе, перемещается и пространственно, и в процессе жизни по одинаковым маршрутам. И становятся все более и более одинаковыми: предсказуемыми, поддающимися манипуляции со стороны власть имущих, однообразными и скучными. Ну, а когда у такого вот человека возникает (вдруг) творческий зуд и проступает на теле его души сыпь тяги к прекрасному, то... Боже, лучше бы сыпь вообще не появлялась и зуд не возникал, а продолжал бы он, этот современный человек, жить в безмятежном, умиротворенном, спокойном и комфортном свинстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Эксмо, 2007. 560 с.
 2. Солонин Ю. Н. Целостность гуманитарного знания. СПб.: Наука, 2015. 640 с.
 3. Ж.-Ф. Лиотар. Состояние постмодерн. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
 4. Ле Корбюзье. Модульор. М.: Стройиздат, 1976. 240 с.
 5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: 4 т. Т. 1. М.: Искусство, 1968. 312 с.
 6. Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кельне // отв. ред. К. Шуман. М.: Республика, 2002. 559 с.
 7. Андреева Е. Ю. Все или ничто. Символические фигуры в искусстве второй половины XX в. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 512 с.
 8. Хольцхай М. Виктор Вазарели. Чистое видение. М.: TASCHEN/APT-РОДНИК, 2006. 96 с.
 9. Ефимов А. В. Виктор Вазарели // Архитектура и совр. Информ. технологии (МАРХИ). 2012. Спец. вып. URL: http://www.marhi.ru/AMIT/2012/special_12/efimov/abstract1.php (дата обращения: 16.01.2016).
 10. Vasarely V. Farbstadt. Munich: Bruckmann, 1977. 96 s.
-

E. G. Sokolov

Saint Petersburg State University

EDITING of MASS INDIVIDUALLY-UNIQUE ARTISTIC REALITY

Processes and tendencies that became substantial and determinative when forming integrity of a human being in the modern world are analyzed in the article. The "mounting" of identity by means of life arrangement has a major value, i.e. those forms of daily routine, in particular its artistic working-through, due to which the unique complex of a man is manifested. It is significant that the artistic working-through of some segments of the "habitat", their account and mass production not necessarily lead to total unification and standardization, but, on the opposite, can be only a stage when forming unique individuality of a man.

Integrity, discreteness, human being, urban environment, place of residence, production of life, artistic working-through, mass character, uniqueness

УДК 338.49

М. А. Косухина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ИННОВАЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНА

Представлены основные элементы обеспечения инновационного развития на уровне региона, исследованы методики приведения к компромиссу интересов участников инновационной деятельности. Предложена методика ранжирования весов соответствующих показателей инновационного климата региона.

Инновационный климат, метод анализа иерархий

В условиях глобализации и активного развития инновационной системы, осуществляемых в рамках мер по модернизации экономики России, возрастает роль исследования структурных и объемных показателей, управленческих инструментов и методов развития инновационной деятельности. Одним из важных показателей инновационного развития региона является оценка его инновационного климата [1]. В рамках данной работы под инновационным климатом региона предлагается понимать сложившиеся за определенный период времени условия внешней среды, влияющие на эффективность его инновационной деятельности. На основе анализа существующих методик оценки инновационного климата региона [2], [3], [4] были выделены следующие показатели: доля организаций инновационной инфраструктуры в общем числе организаций и предприятий региона, суммарный бюджет инновационных проектов, реализуемых на территории региона и финансируемых из региональных источников, доля инновационных предприятий (организаций), имевших кооперационные связи в процессе инноваций, доля организаций, занятых в сфере высокотехнологичных услуг в общем числе организаций. Данный список показателей может быть изменен и/или приведен в данной работе, поскольку является общим для большинства исследованных автором методик. Все рассмотренные методики не включают аспект учета интересов участников инновационной деятельности. Однако, по мнению автора, одним из условий, обеспечивающих объективную оценку инновационного климата, является учет интересов участников инновационной деятельности в пределах рассматриваемого региона.

Методики приведения к компромиссу интересов участников инновационной деятельности. Для реализации учета интересов участников инновационной деятельности при оценке инновационного климата обратимся к теориям и методикам корпоративного управления. Среди методик приведения к компромиссу интересов заинтересованных сторон (стейкхолдеров) наиболее распространенными являются следующие:

- методика Митчелла;
- матрица анализа заинтересованных сторон.

Методика Митчелла «Власть, легитимность и актуальность» (Power, Legitimacy and Urgency, PLU) применяется для ранжирования заинтересованных сторон по приоритетам. Данная методика основана на модели значимости (Salience model, SM), которая классифицирует заинтересованные стороны согласно их значимости в корпорации. Значимость одной из заинтересованных сторон основывается на трех факторах: власть, легитимность и актуальность. Методика Митчелла состоит из двух этапов: выделение наиболее важных или выделяющихся участников и присвоение этим участникам определенных приоритетов [5].

Согласно модели SM существует восемь различных классов заинтересованных сторон (стейкхолдеров): бездействующий (dormant) (1), латентный (latent) (2), взыскательный (demanding) (3), доминирующий (dominant) (4), опасный (dangerous) (5), зависимый (dependent) (6), безусловный (definitive) (7) и не являющийся стейкхолдером (non-stakeholders) (8) (рис. 1).

Стейкхолдеры могут быть отнесены к определенному классу при условии наличия следующих признаков: власть, легитимность, актуальность. Так, например, стейкхолдер, обладающий властью и являющийся актуальным, может быть отнесен к классу опасных (dangerous).

После выделения стейкхолдеров в классы аналитик принимает решение об их приоритетности.

Недостатком данной методики можно считать ее субъективность и возможность проведения подобного анализа только на регулярной основе.

Среди матриц анализа заинтересованных сторон наиболее распространенными являются матрицы «власть – динамизм» (power – dynamism) и «власть – интерес» (power – interest), разработанные в 1986 г. Э. Гарднер и в 1991 г. Дж. Менделоу соответственно. Данные матрицы позволяют присвоить приоритет стейкхолдерам в зависимости от отнесения их к определенным группам и тем самым сбалансировать интересы.

В матрице «власть – динамизм» (power – dynamism) существует четыре группы стейкхолдеров А, В, С, D, каждая из которых рассматривается с учетом двух критериев: власть и динамизм (рис. 2). Метриками для данных критериев выступают понятия «высокий» и «низкий». В зависимости от значения критериев стейкхолдер может быть отнесен к одной из групп. Например, при высоком динамизме и высокой власти стейкхолдер может быть отнесен к группе D «Наибольшие опасности или возможности», и приоритетность данной группы является наивысшей.

Рис. 1

		Динамизм	
		Низкий	Высокий
Власть	Низкая	А Существует несколько проблем	В Непредсказуемый, но управляемый
	Высокая	С Сильный, но предсказуемый	Д Наибольшие опасности или возможности

Рис. 2

Матрица «власть – интерес» (power – interest) состоит также из четырех групп, к которым могут быть отнесены стейкхолдеры с целью присвоения им определенного ранга, отличие данной матрицы состоит в критериях, применяемых к ранжированию стейкхолдеров по приоритетам «власть» и «интерес».

Недостатками матриц ранжирования стейкхолдеров по приоритетам является субъективность оценки и отсутствие зависимости ранга стейкхолдера от стратегических целей развития компании.

Таким образом, в результате исследования методик ранжирования интересов участников инновационной деятельности можно сделать вывод о необходимости разработки научно-методических основ ранжирования интересов стейкхолдеров с учетом вариативности уровней зрелости региональной инновационной системы.

Методика ранжирования весов соответствующих показателей инновационного климата региона. Методика ранжирования весов соответствующих показателей инновационного климата региона основана на решении задачи расчета приоритетности факторов инновационного климата с помощью метода анализа иерархий.

Метод анализа иерархий (МАИ) – математический инструмент системного подхода к сложным проблемам принятия решений. МАИ не предписывает лицу, принимающему решение (ЛПР), какого-либо «правильного» решения, а позволяет ему в интерактивном режиме найти такой вариант (альтернативу), который наилучшим образом согласуется с его пониманием сути проблемы и требованиями к ее решению [6], [7], [8].

Пусть $X = \{X_1, \dots, X_n\}$ – набор объектов (решений, альтернатив), которые оцениваются набором критериев. Задача оптимизации, решаемая с помощью МАИ, представляется ЛПР в виде особой структуры – иерархии: на низшем уровне располагаются объекты (решения), которые необходимо ранжировать по предпочтениям ЛПР, наивысший уровень состоит из главного критерия (цели), в качестве которого выступает ЛПР, на промежуточных уровнях задаются подкритерии (подцели). Задача принятия решения здесь сводится к задаче ранжирования объектов по степени их предпочтительности, с учетом главной цели и подцелей. В рамках данной методики при использовании метода анализа иерархий применяется шкала Саати, так как принимаются во внимание закон Забродина и закон Фехнера, поскольку люди, участвующие в процессе построения и установления приоритетов иерархии, не осведомлены о целях, задачах и ходе проведения эксперимента. Помимо этого, значительным недостатком является тот факт, что в шкале Лутсма не учитывается значение отношения согласованности (табл. 1, 2).

Таблица 1

Важность	Определение	Комментарий
1	Равная важность	Равный вклад двух видов деятельности в цель
3	Умеренное превосходство одного над другим	Опыт и суждения дают легкое превосходство одному виду деятельности над другим
5	Существенное или сильное превосходство	Опыт и суждения дают сильное превосходство одному виду деятельности над другим
7	Значительное превосходство	Одному виду деятельности дается настолько сильное превосходство, что оно становится практически значительным
9	Очень сильное превосходство	Очевидность превосходства одного вида деятельности над другим подтверждается очень сильно
2, 4, 6, 8	Промежуточные решения между двумя соседними суждениями	Применяются в компромиссном случае

Таблица 2

Количественное значение	Уровень относительной важности	Количественное значение	Уровень относительной важности
6	Значительное превосходство	2	Умеренная подчиненность одного элемента другому
4	Сильное превосходство	4	Сильная подчиненность
2	Умеренное превосходство одного над другим	6	Значительная подчиненность
0	Равная важность	—	—

Элементы иерархии распределены по уровням, описания которых приводятся начиная с элементов нижнего уровня:

- первый уровень – представлены веса соответствующих показателей инновационного климата;
- второй уровень – представлены уровни зрелости по модели СММ;
- третий уровень – представлены интересы участников инновационной деятельности;
- четвертый уровень – представлен фокус иерархии: ранжирование весов соответствующих показателей инновационного климата региона.

Под организационной зрелостью региональной инновационной системы (РИС) предлагается понимать эволюционную ступень развития РИС, достижение которой определяется выполнением определенного набора бизнес-процессов, которые в свою очередь определены, управляемы, повторяемы, результативны и адаптируемы для целей автоматизации [9]. Международная организация по стандартизации ISO (International Standard Organization) применяет СММ для создания международных стандартов. Модель СММ близка к концепции и теории TQM (Total Quality Management), созданной В. Демингом, Дж. Джураном и Ф. Кросби. В большей степени подходы TQM изложены в стандарте ISO 9004:2000. Стандарт ISO 9004:2000 является методическим пособием по применению системы качества. ISO 9001:2000 содержит необходимый минимум требований для удовлетворения запросов потребителей. СММ является общепризнанной моделью зрелости производства программного обеспечения. В силу близости к универсальным стандартам серии ISO 9000 ее вполне разумно применять для оценивания уровня зрелости любых предприятий, а в нашем случае на региональном уровне. Используя подход СММ, можно классифицировать этапы развития и существования РИС (табл. 3) в зависимости от того, как в ней обрабатывается и используется информация в процессе ее деятельности. В основу такой классификации положены требования к организации бизнес-процессов, определяемые степенью целевого управления.

Таблица 3

Уровень	Основные характеристики
Начальный	Спонтанные информационные связи. Хаотичность, непоследовательность
Повторяемости	Базовые процессы. Повторяемые операции
Управляемости	Контроль качества. Использование обратной связи
Оптимизируемости	Постоянное развитие. Самоадаптация системы

Иерархическая модель ранжирования веса соответствующего показателя инновационного климата по i -й позиции (w_k) представлена на рис. 3.

Рис. 3

В результате исследования методик оценки инновационного климата сделан вывод об ограниченности применения данных методик оценки ввиду отсутствия учета в них основных положений теории стейкхолдеров. Разработанная иерархическая модель в зависимости от ранжирования интересов участников инновационной деятельности, уровня зрелости РИС позволяет вычислить значение весов (w_k) соответствующего показателя инновационного климата по i -й позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трофимов О. В., Парадеева И. Н. Анализ методических подходов к оценке инновационного потенциала предприятий // УЭК. 2013. № 10. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/2406-2013-10-07-12-53-32> (дата обращения: 11.09.2015).
2. Ефимычев Ю. И., Трофимов О. В. Инновационный путь развития предприятий в конкурентных условиях // Вест. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. №1. С. 154–159.
3. Мониторинг инновационного поведения населения: вовлеченность населения в инновационные практики / НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/monitoring/innpeople/inp4> (дата обращения: 12.09.2015).
4. Вячеславов А. М. Проблемы формирования инновационного климата в регионе // Совр. исслед. социальных проблем. 2012. № 1 (9). С. 413–418.
5. Ronald K. Mitchell, Bradley R. Agle, Donna J. Wood Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // The Academy of Management Review. 1997. Т. 22, № 4. С. 853–886.
6. Саати Т. Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1989. 316 с.
7. Артюгина И. М., О कोरोков Р. В., Мелентьев Л. А. Методы технико-экономического анализа в энергетике. Л.: Наука, 1989. 263 с.
8. CMMI in Small Settings Toolkit Repository from AMRDEC SED Pilot Suites. URL: <http://www.sei.cmu.edu/cmmi/publications/toolkit> (дата обращения: 15.09.2015).
9. Игнашев О. В. Теоретические основы определения уровня организационной зрелости компании и бизнес-процессов. URL: <http://jurnal.org/articles/2010/ekon32.html> (дата обращения: 15.09.2015).

М. А. Kosuhina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

METHOD OF REGIONAL INNOVATIVE CLIMATE ASSESSMENT

The main elements of innovative development provision at the regional level are presented; methods of bringing to compromise interests of innovative activity participants are studied. Methods for weights ranking of corresponding indicators of the regional innovative climate are suggested.

Innovative climate, analytic hierarchy process

УДК 331.104

О. А. Швецова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СТИЛЬ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Рассматриваются вопросы формирования конкурентоспособной системы управления персоналом путем определения нового стиля делового общения.

Петербургский стиль, управление персоналом, глобализация

Современные организации в условиях непростой экономической ситуации стараются найти новые способы мотивации и закрепления персонала, формирования имиджа и конкурентных преимуществ. Одним из любопытных проектов внедрения нововведений в си-

стеме управления персоналом петербургских компаний стал проект «Петербургский стиль делового общения». При реализации данного проекта организации столкнулись с проблемой определения тех существенных факторов, которые обеспечивают специфику поведения и манеру общения.

Почему петербуржца, если он достаточно долго прожил в этом городе, сразу же можно выделить среди жителей других городов? Он отличается не чем-то одним. Это целый комплекс отличий, в числе которых и особенность мышления, и разговор, и манера поведения, и еще что-то неуловимое, что можно назвать неповторимой аурой петербуржца.

Совершенно очевидно, что Петербург способен колоссально влиять на живущих здесь людей. Город целенаправленно изменяет нас, своих жителей, в нужную ему сторону. Он также способен сломать человека физически и духовно, если тот не принимает эти изменения. Вряд ли в мире можно найти город с таким свойством. Этому влиянию города подвержены все без исключения люди, из всех слоев общества. Этот процесс одними из первых заметили литературоведы, искусствоведы. В жизни каждого деятеля культуры они недаром выделяют особые периоды жизни, связанные с Петербургом.

С точки зрения чувствующего человека Петербург является уникальным местом, подобных которому на земном шаре, может быть, и нет. Уникальность этого места заключается в том, что энергетическая атмосфера здесь меняется на каждом шагу. В любом другом городе можно ощутить какие-то однородные участки, где человек чувствует себя более или менее спокойно и комфортно. Энергетика Петербурга, которая ощущается телом, т. е. неосознанно, не позволяет организму человека находиться в уравновешенном, безразличном состоянии. На телесном уровне человек постоянно испытывает изменения, переключения. Это привело к тому, что у каждого петербуржца появились определенные умения компенсировать эту неоднородность, неустойчивость энергетической атмосферы. Но эти умения возникают на ином уровне, а не на уровне непосредственно телесных ощущений. Это возникает на уровне психики, ментальном уровне [1, с. 2–3].

Человек, живущий в Петербурге, должен выработать особую внутреннюю устойчивость нервной системы, своего мышления, которые позволяют скомпенсировать бесконечные изменения условий существования его тела. И эта внутренняя устойчивость становится свойством психики человека, длительное время живущего в Петербурге. Петербуржец оказывается в безвыходном положении. Если он сумел выработать у себя эту внутреннюю устойчивость, тогда он может быть здоровым и жить долго, если не сумел – тогда его жизнь в Петербурге превращается в мучение, и он беспрерывно болеет.

Ответ на вопрос, чем менталитет петербуржцев отличается от менталитета жителя любого иного города, дает введение в его формулу «коэффициента предназначения Петербурга». У каждого города есть свой коэффициент предназначения. Поэтому петербуржцы действительно другие, как другие – москвичи, новгородцы, рязанцы, омичи... Они не хуже и не лучше друг друга – у них разные менталитеты. Объяснить различия между гражданами разных городов России и Европы можно с позиции гипотезы о «специализации российских городов». Каждый город в России имеет свое предназначение и производит определенную потребительскую стоимость лучше всех других городов. Кто-то производит сталь, кто-то добывает уголь, кто-то обрабатывает лес, кто-то осуществляет перевалку грузов. Эта специализация была недооценена и стерта – каждый городок пытались превратить в «многоборца», который делает все, хотя бы и плохо. Утрата специализации ведет

к деградации города. В условиях глобализации подобная угроза нависает над любым городом, в том числе и Петербургом. «Инвентаризация» городов России с точки зрения их специализации сняла бы многие ключевые экономические и политические проблемы страны. Для города вопрос о том, «для чего ты живешь», так же актуален, как для человека. Руины великих древних городов – предупреждение тем, кто не думает о своем предназначении.

Известно, есть города – университетские центры, где нет промышленности, и они предназначены только для производства человеческих ресурсов со знаниями, умениями и навыками «нужного человека», «полезного человека», «современного человека». Предназначение Петербурга заключается в адаптации «срединной России» к европейской цивилизации и мировой цивилизации к России. Для исполнения этой функции Петру I была нужна такая современная среда, в которой можно было готовить кадры для прорыва – от состояния «арифметики Магницкого» к состоянию «математического анализа Лейбница–Ньютона». Петр I делал подобные попытки в Москве, но они привели только к стрельцким бунтам. Именно поэтому Петр I создал Санкт-Петербург, но не как «окно в Европу», а как научно-практический центр для изобретения «евроазиатской смеси» картины мира, мировоззрения, образа жизни, жизненной позиции, одинаково приемлемых как в Европе, так и в России. А стремительно развернутые в городе верфи, заводы, дворцы, библиотеки, архивы, музеи, университет, академия наук – это просто «цеха», в которых готовились кадры, которые изобретали эту «смесь для скачка» из Азии в Европу. Однако Петербург не был предназначен для слепого повторения европейского опыта – он должен был предвосхитить развитие цивилизации и опередить ее. Идея Петербурга – предвосхищение *будущего* мира, и на его основе созидание *настоящего* для России. Эта задача была успешно выполнена, а ее итогом является признание России великой державой на протяжении 300 лет.

Петр I сделал целью жизни петербуржцев формирование картины мира, адекватной времени и ситуации. Та картина мира, из которой исходило «боярское политическое руководство» и все население России, была ложной и неполной. Страна погибала. Нужно было не только привести процессы в стране в соответствие с современной картиной мира В. Г. Лейбница и Дж. Локка, но и предвосхитить их развитие. Для этого нужны были инструменты (учреждения образования, науки, производства, управления) и люди, способные понимать смысл происходящего. Фактически, Петр I поручил Петербургу:

- а) воссоздать научное представление об устройстве мира и общества,
- б) усовершенствовать язык для описания мира и контакта с ним,
- в) накопить в памяти страны столько информации, чтобы точно идентифицировать себя в мировой системе,
- г) понять мир как явление неопасное, доступное для реконструкции в интересах России.

Известно, что картина мира осознается человеком только частично и фрагментарно. Фактом сознания является не ее содержание, а ее наличие и целостность. Человеку скорее кажется, что он имеет некоторую упорядоченную систему представлений, чем он имеет ее в действительности. Считается, что каждому историческому отрезку времени соответствует своя картина мира, которая непрерывно изменяется, но никогда не бывает полной и абсолютно истинной. Исполняя волю Петра I, Петербург 300 лет «производил» для страны картину мира, более точную и полную, чем у многих других стран. Петербург это делал усилиями провидцев уровня Ф. М. Достоевского, реформаторов языка уровня А. С. Пушкина, естествоиспытателей уровня Д. М. Менделеева.

Город и жители не предназначались для производства «тонн, кубометров, километров» и т. п., Петербургу было поручено неявным образом сформировать совершенно новое российское *мировоззрение*, которое сочетало бы наиболее сильные ценности Европы и России. Значение современного мировоззрения, как в петровские времена, так и ныне, для любой страны важнее, чем обладание самым современным вооружением или совершенной технологией производства. Специалисты определяют мировоззрение как систему взглядов, принципов, ценностей, идеалов и убеждений, как отношение к действительности, как общее понимание мира, программы деятельности людей. Считается, что субъектом, носителем мировоззрения является как отдельный человек, так и социальные и профессиональные группы, этнонациональные и религиозные общности, классы и общество в целом. Петербуржцы и являются такой общностью.

Мировоззрение не появляется по мановению волшебной палочки – оно плод тяжелого и длительного труда множества специалистов, имеющих для этого соответствующие условия. Для выработки нового российского мировоззрения Петр I и создал Санкт-Петербург как такое условие, как цех, производство. На этом «производстве мировоззрения» и трудились петербуржцы в научных, учебных, производственных, административных структурах города. Так получилось, что петербуржцы всегда считали своей главной ценностью мировоззрение, опережающее время.

Мировоззрение, опережающее время, формирует человека как личность, т. е. человека, самостоятельно отличающего добро от зла, возможное от невозможного, допустимое от недопустимого. Петербуржцы, считая главной своей ценностью мировоззрение, искали современные ответы на вечные вопросы, формировали умения пользования полученными знаниями для познания и преобразования мира, укрепляли убежденность в истинности этих знаний как инструмента деятельности. Считается, что мировоззрение – это синтез и высший уровень духовной жизни человека. Об уровне духовного величия человека достоверно можно судить только по уровню его мировоззрения, потому что выше мировоззренческих проблем бывают только мировоззренческие проблемы. Человек духовно растет в меру роста его мировоззрения. Россия 300 лет духовно росла вместе с Петербургом.

Смысл жизни петербуржцев – неуклонное следование своим жизненным ценностям и целям. Для этого существует одна-единственная форма – соответствующий *образ жизни*. Поэтому образ жизни петербуржцев обретает для них значение смысла жизни. Для петербуржцев характерна непрерывная работа в условиях неопределенности. Это значит, что имеющиеся ответы на жизненные вопросы, полученные в Европе, не являются достаточными для условий России. Это также означает, что правильные российские ответы на мировые вопросы сегодня не являются правильными для мировых проблем завтрашнего состояния мира. Чтобы жить и работать в условиях абсолютной неопределенности, петербуржцам нужен совершенно особенный образ жизни: аскетичный, самоотверженный, отвлеченный от естественных радостей жизни. В Петербурге наивысшее наслаждение людям доставляет оригинальное интеллектуальное решение головоломной проблемы мирового значения.

По мнению исследователей, образ жизни – это стремление к тому, чтобы каждое действие, каждая ситуация, любой жизненный выбор были направлены на безупречное следование тем ценностям, которые открываются ищущему человеку в процессе его практики. Чтобы быть петербуржцем – надо иметь петербургский образ жизни. Для петербуржцев образ жизни не сводится к здоровому образу жизни, связанному с занятиями спортом, пра-

вильным питанием, режимом труда и отдыха и т. п. Чтобы достигать поставленных целей за счет следования жестким ценностям, приходится вести болезненную борьбу между телом и духом, между телесным искушением и духовным аскетизмом. Результатом этой борьбы являются особые нормы допустимого в питании, употреблении алкоголя, сексуальной жизни, предельных нагрузках на организм, способах лечения – т. е. исполнения функций организма.

Ныне, как и в петровские времена, глобализация требует нового смысла жизни, который надо разработать и сформулировать. Это значит, что глобализация в первую очередь изменяет образ жизни человека таким образом, какого никогда не было в истории человечества. Люди поставлены глобальными изменениями в положение «первопроходцев», которым разрешено недопустимое, нереальное, невозможное и затруднен тот образ жизни, который составлял силу людей и доставлял им радость.

Жизненная сила петербуржцев является произведением смысла жизни на ценности, и именуется в науке как жизненная позиция. Жизненная позиция – результат овладения человеком своим поведением – он становится *субъектом поведения*, т. е. человеком, самостоятельно достигающим поставленных целей. Строго говоря, это:

- 1) формирование мышления, позволяющего отличать существенное от несущественного;
- 2) развитие своей воли до уровня, делающего поведение человека произвольным;
- 3) придание своим аффектам социально одобряемой конструктивной формы творчества;
- 4) усвоение полной совокупности стереотипов и стандартов поведения, достаточной для защиты от внешнего произвола.

Жизненная позиция стоит за фактом необыкновенной активности человека, которая проявляется в трудовом преобразовании планеты. Города, дороги, поля – детище жизненной позиции масс людей. Жизненная позиция – это отношение человека к способу получения средств к существованию, а точнее – к труду. Она является целью государства, и о ней мечтает семья каждого начинающего самостоятельную жизнь человека. Жизненная позиция была гарантией правильной, честной, уважаемой жизни человека. Именно жизненная позиция делила общество на две неравные половины: первая считала труд наградой и обязательным условием жизни, вторая – явно (воры в законе) или скрыто (завсегдашние курилки) считали труд наказанием и всеми доступными способами избегали его.

Жизненная позиция – продукт усилий воли, мышления, эмоций, трудовых навыков, способных преодолеть все вызовы физического мира. Однако с наступлением глобализации общество неявным образом прекратило побуждать граждан к сознательному труду, сняло с себя обязательства за их профессиональную подготовку и занятость. Властные структуры перестали интересоваться происхождением у людей средств к существованию. С момента начала глобальных изменений люди с жизненной позицией, ориентированной на труд, не только понизились в правах с не желающими работать, но и оказались самыми нищими членами общества. Именно это сделало множество людей противниками глобальных изменений.

По мнению теоретиков глобализации, в столь упорядоченном мире не было нужды в людях, способных принимать решения и нести ответственность за устройство собственной жизни. Слишком ограниченными были ресурсы и слишком распространенными социальные ожидания, чтобы в жизни большинства людей оставался какой-либо реальный выбор. Представления о традиционной жизненной позиции неявным образом отменяются, представления об инновационной жизненной позиции неизвестны. Именно это одна из ключевых проблем полемики глобализации.

Несколько лет назад жители Петербурга разработали проект Нравственного кодекса Петербуржца и даже представили его на утверждение в Законодательное собрание города.

Основы «Нравственного кодекса Петербуржца»:

- истинный Петербуржец являет собой пример всемерного соблюдения законов общества;
- истинный Петербуржец свято верит в добро и его победу, придерживаясь высочайших человеческих идеалов и ценностей;
- истинный Петербуржец поддерживает здоровое чувство патриотизма и любви к городу, стране, выраженное в образцовом выполнении гражданского долга;
- истинный Петербуржец с особой любовью и заботой относится к природе, не причиняя ей вреда и способствуя ее сохранению;
- истинный Петербуржец бережно относится к собственному здоровью и здоровью граждан, ведет здоровый образ жизни и вдохновляет на это других;
- истинный Петербуржец являет собой пример этики и культуры в общении;
- истинный Петербуржец всесторонне поддерживает работу по нравственному оздоровлению общества;
- истинный Петербуржец постоянно ведет работу по духовному, нравственному совершенствованию своего характера;
- истинный Петербуржец ответственно и добросовестно выполняет все свои обязанности в семье, на рабочем месте, в обществе;
- истинный Петербуржец неизменно являет своим характером такие лучшие качества человека, как: интеллигентность, миролюбие, добропорядочность, честность, справедливость, милосердие, уважительность, терпимость, спокойствие, дружелюбие, аккуратность, чистоплотность, любовь, доброту и мужество;
- истинный Петербуржец использует в своей речи только нормативные выражения, его русский язык: чистый, точный, вежливый, немногословный, красивый и простой;
- истинный Петербуржец использует все свои ресурсы: время, силу, энергию, материальное богатство с должным разумением во благо общества;
- истинный Петербуржец никогда не перестает учиться; учиться, прежде всего, добру, любви, справедливости, а также сохраняет интерес к повышению своего базового уровня знаний (светского образования);
- истинный Петербуржец обеспечивает свою жизнь средствами, заработанными честным трудом;
- истинный Петербуржец всегда являет пример соблюдения чистоты и порядка;
- истинный Петербуржец уважает каждого человека, вне зависимости от его национальной, религиозной или иной принадлежности, укрепляет дух всеобщего братства и гармонии в обществе;
- истинный Петербуржец свободен от пагубного влияния вредных привычек: табакокурения, алкоголизма, наркомании либо прилагает все усилия к тому, чтобы навсегда освободиться от них;
- истинный Петербуржец выбирает своим увлечением, хобби только общественно полезные, социально важные и безопасные виды деятельности;

– истинный Петербуржец всегда готов встать на защиту памятников, архитектурных сооружений, культурных ценностей, домов и скверов своего города, прав человека и безопасности Родины [2, с. 23–29].

Таким образом, можно определить ведущие факторы, которые определяют специфику делового общения «по-петербургски»: история города, адаптация европейской культуры в российском пространстве, география и архитектура города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швецова О. А. Стратегическое управление человеческими ресурсами: сб. тр. 8-й Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. С. 245–248.

2. Сайт Правительства Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru> (дата обращения: 08.09.2015).

O. A. Shvetsova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

PETERSBURG STYLE OF BUSINESS COMMUNICATION

The questions of formation of a competitive personnel management system by determination of new style of business communication are considered in article.

Petersburg style, human resource management, globalization

УДК 658.562(075.8)

В. П. Семенов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА ЭКСПЛУАТАЦИИ МОРСКОЙ ТЕХНИКИ

Рассматриваются основные условия эффективной и качественной эксплуатации морской техники, а также ряд современных направлений совершенствования менеджмента качества, организованных на принципах всеобщего менеджмента качества.

Морской флот, морская техника, эффективность эксплуатации, качество эксплуатации, судоремонт, система менеджмента качества, всеобщий менеджмент качества

Решение стратегической задачи повышения конкурентоспособности современной России происходит в условиях повышенного внимания мирового сообщества к освоению морского пространства. Вся мировая цивилизация по существу является либо морской, либо прибрежной. На побережье Мирового океана проживает половина населения планеты и сосредоточено более половины всего мирового промышленного потенциала. Основная торговля также осуществляется через море.

Морской хозяйственный комплекс Российской Федерации относится к числу базовых народно-хозяйственных комплексов страны. Берега России омываются водами трех океанов и тринадцати морей. Морская граница составляет около 40 тыс. км, в то время как сухопутная – только около 15 тыс. км. Площадь шельфа – 4,2 млн кв. км, из которых 3,9 млн перспективны с точки зрения разработки углеводородных ресурсов. На шельфе прибрежных регионов сосредоточено более 80 % запасов нефти и газа. Кроме того, в прибрежных водах наших северных морей обнаружены месторождения алмазов, золота, олова, железомарганцевых конкреций, а также песков, содержащих титан и другие полезные компоненты [1]. Мировой океан и его ресурсы играют постоянно возрастающую роль в экономической и политической жизни России и других стран. Все морские ресурсы необходимо осваивать и надежно защищать. Для того чтобы отстаивать свои позиции великой морской державы, необходимо развитие флота, как военного, так и гражданского.

Однако современное состояние отечественного флота характеризуется сокращением количества кораблей и судов в эксплуатации в результате их активного старения и незначительного пополнения судами новой постройки. Это снижает уровень безопасности мореплавания и увеличивает количество экологических проблем.

Для обеспечения российского флота современными судами новых поколений необходимо иметь собственное конкурентоспособное судостроение. Несмотря на негативные тенденции, наблюдаемые в судостроительной промышленности в последние годы, отечественное судостроение продолжает оставаться одной из немногих отраслей, продукция которой обладает высоким научно-техническим и производственным потенциалом. Интерес отечественных и иностранных заказчиков к строительству судов в России объясняется еще пока сохраняющейся конкурентоспособностью ряда отечественных верфей, способных строить суда с приемлемыми ценами и качеством по меркам мирового рынка. Однако почти все отечественные верфи в настоящее время имеют свои финансовые проблемы, а именно:

- отсутствуют кредитные возможности и свободные оборотные средства, в том числе на закупку импортных материалов и оборудования, которые приобрести сегодня весьма проблематично;
- высоки ставки по кредитам в отечественных банках, нет возможности получения приемлемых банковских гарантий;
- у западных банков нет достаточного опыта работы с отечественными судостроительными заводами;
- высоки ставки налога на добавленную стоимость и таможенных пошлин на поставку импортных материалов и комплектующего оборудования для постройки судов, и др.

Необходимо формирование современного производственного, инновационного и инвестиционного потенциала российских верфей. Однако это возможно только в случае создания надлежащих условий, прежде всего путем доступа судовладельцев к долгосрочному финансированию, позволяющему окупить судно в течение 8–10 лет.

Повысить техническое состояние отечественного флота и обеспечить сокращение продолжительности, трудоемкости и стоимости работ с целью уменьшения внеэксплуатационного периода и суммарных затрат на техническую эксплуатацию флота, обеспечение установленного уровня качества изделий с целью снижения эксплуатационных расходов, связанных с техническим обслуживанием оборудования, освоение необходимых средств и методов эксплуатации новых кораблей, судов и судовых технических средств, их модернизацию позволит система качественного судоремонта.

Главным направлением всего комплекса мероприятий по продлению назначенного срока службы кораблей и судов должно быть обеспечение их безопасной эксплуатации. Выступая частью технической эксплуатации флота и важным звеном в цепи непрерывного обслуживания судна (корабля), судоремонт обладает рядом специфических особенностей, которые заключаются в следующем:

- судоремонт в полном объеме не может быть выполнен без участия производственной базы и технических средств специального назначения;
- производственная база судоремонта требует большого разнообразия технологического оборудования и материалов;
- судоремонт органически связан с качеством технического обслуживания судна в эксплуатации;
- для работы на судоремонтных предприятиях требуется производственный и инженерно-технический персонал высокой квалификации, обладающий знаниями в области организации эксплуатации флота.

Практика эксплуатации военно-морского флота показала, что расчетное время создания корабля составляет около 10 лет. Период эксплуатации до возможных операций реновации – около 30 лет. Таким образом, эксплуатация, в рамках которой проводятся мероприятия по техническому обслуживанию и ремонту (ТОиР), имеет наибольшее значение среди этапов жизненного цикла, как по длительности, так и по стоимости. По разным оценкам, стоимость этого этапа цикла достигает от 50 до 70 % стоимости создания и владения [2]. К сожалению, эффективность функционирования системы ТОиР в настоящее время достаточно низка. Она зависит от следующих условий:

1. Повышение ремонтпригодности судна (корабля). Ремонтпригодность корабля, его составных частей и комплектующих изделий – это приспособленность к предупреждению и обнаружению причин возникновения отказов, повреждений для поддержания и восстановления работоспособного состояния путем проведения ТОиР (ГОСТ Р 53480–2009). В количественном отношении ремонтпригодность корабля оценивается, прежде всего, такими показателями, как трудоемкость, продолжительность, стоимость ремонта. Чем ниже эти показатели в количественном исчислении, тем выше ремонтпригодность корабля. В настоящее время ремонтпригодность кораблей очень низка, значительно уступает достигнутому в мировой практике показателям. Причины этого заключаются в следующем: а) стремление заказчика и проектанта уменьшить водоизмещение корабля и судов для улучшения тактико-технических данных. Это приводит к большой затесненности основных помещений, труднодоступности при эксплуатации; б) низкая долговечность комплектующих изделий, применяемых в проектах, и др. Для устранения этих причин необходимо обязательно устанавливать конкретные требования ремонтпригодности в ТТЗ, исключить случаи сокращения выпускаемых документов от перечня проектно-конструкторских документов, проводить экспертизу надежности по каждому вновь создаваемому кораблю.

2. Существенное улучшение документального обеспечения судоремонта. Обеспеченность кораблей и судов ремонтно-технической документацией сегодня составляет не более 50 %. При отсутствии ремонтной документации проведение ремонтных работ приводит к неоправданному завышению материальных и трудовых затрат, увеличению сроков и стоимости.

3. Планомерная подготовка производства предприятия. Подготовка производства заключается в создании на предприятии условий, обеспечивающих выполнение работ в заданном объеме, в установленные сроки и с заданным уровнем качества. Опыт показывает, что судо-

ремонт, соответствующий современным требованиям, в установленные сроки способны выполнить только специализированные предприятия. Подготовка производства этих предприятий зачастую не предусматривается. Увеличение доли единственных исполнителей при выполнении ГОЗ по номенклатуре ВМФ с заключением трехлетних контрактов не решает вопросов перспективной и предварительной подготовки производства.

4. Проведение единой технической политики. В настоящее время в стране отсутствуют органы, определяющие и координирующие техническую политику в области судоремонта. В ходе длительного реформирования сформирована структура, объединяющая в своем составе многие проектные, конструкторско-технологические, судостроительные и судоремонтные мощности государства. Представляется целесообразным организовать на ее базе орган, определяющий и координирующий техническую политику в области судоремонта.

5. Повышение эффективности функционирования системы ТОиР. В ВМФ нормативно-техническое обеспечение ТОиР определяется более чем 120 документами федерального законодательства, постановлениями правительства, которые безупречны, но не увязаны организационно и технически с конкретным кораблем и между собой. Поэтому система ТОиР документально не оформлена и работает неэффективно. В гражданском судовладении благодаря роли классификационных обществ (Морскому регистру судостроения, Речному регистру) большинство этих проблем решено и документально оформлено. Поэтому необходимо разработать единую систему (документ) по ТОиР кораблей и судов ВМФ, находящихся в эксплуатации, а также проанализировать возможности применения в ВМФ отдельных документов Морского и Речного регистров.

Состояние судоремонта в нашей стране сегодня не может конкурировать с экономическим рывком, который совершили за последние десятилетия мировые лидеры в силу ряда объективных причин, а именно [3]:

- научно-технического отставания от промышленно развитых стран мира, продолжающегося, несмотря на предпринимаемые в последнее время меры, ослабления научно-технического и технологического потенциала отрасли, снижения ее конкурентоспособности из-за недостатка ассигнований на разработку наукоемких морских и судостроительных технологий;
- морального и физического старения основного технологического оборудования отечественных судоремонтных предприятий;
- существенного отставания уровня технологии и организации работ по сравнению с зарубежными передовыми предприятиями, недостаточной загрузки производственных мощностей судоремонтных предприятий;
- острой нехватки и старения квалифицированного ремонтного персонала;
- отсутствия необходимых средств на содержание и обновление основных производственных фондов, износ которых по отрасли находится в запредельном состоянии;
- действующих условий кредитования судов, таможенных пошлин на комплектующее оборудование и системы налогообложения в России, приводящих к дополнительному увеличению стоимости судов на 25 % и более.

Одной из основных причин отставания отечественного судоремонта, кроме чрезвычайной изношенности основных фондов, дефицита квалифицированных кадров, является отсутствие механизма для привлечения необходимых финансовых средств. Без инвестиций невозможно решить стоящие перед отечественным судоремонтом задачи. А финансовые инструменты, подобные зарубежным – кредиты под 6–8 % годовых на 10 и более лет, в размере 80 % от цены судна и под его залог [4], – остаются несбыточной мечтой.

Промедление в решении указанных проблем на протяжении многих лет – серьезный недостаток в системе государственного управления, так как в условиях жесткой конкурентной борьбы на мировом рынке ведущие судостроительные страны, в том числе США, Китай, Корея, страны Европейского сообщества, наметили новые программы и осуществляют комплексные меры поддержки развития своих национальных судостроительных отраслей. В настоящее время, после вступления нашей страны в ВТО, эти защитные меры принять и реализовать для отечественного судостроения и судоремонта уже значительно сложнее.

Необходимо вернуть утраченное: управление, технологии, кадры. Ниша судоремонта уже прочно занята другими странами (например, Китаем, Кореей, Финляндией и др.), где себестоимость услуг ниже, сроки в два-три раза меньше отечественных, а качество судоремонта выше. Необходимо обеспечивать государственную поддержку ремонтно-восстановительных работ, развивать предпринимательство в сфере судоремонта, готовить квалифицированные кадры.

Последние годы практически все предприятия – исполнители ремонта корабельной техники загружены заказами более чем на 100 % своей мощности. Однако основными проблемами организации проведения ремонтно-восстановительных работ являются отсутствие системности, плановости, недостаточность подготовки производства, неудовлетворительность использования организационно-технической и конструкторской документации [5]. Это приводит к увеличению сроков и стоимости работ, снижению качества судоремонта.

В ведущих странах мира осуществляется переход к качественному обновлению технологической базы на основе биотехнологий, нанотехнологий, информационных и коммуникационных технологий, энергосбережения. Возрастают экологические требования к технологическим системам и организации производства.

В настоящее время ужесточаются требования к оборудованию кораблей и судов, пунктам их временного и постоянного базирования, портовым комплексам, в частности к обеспечению их работоспособности в нештатных ситуациях, универсальности, модульности построения, надежности, качества, безопасности, снижения стоимости. Этим требованиям, как показал опыт последних лет, принципиально могут удовлетворять только средства, созданные с использованием современных инновационных технологий на всех этапах их разработки и производства.

Процесс модернизации сферы судоремонта предусмотрен Стратегией развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утвержденной приказом Министерства промышленности и энергетики РФ от 06.09.2007 № 354. Основной целью нынешнего этапа реализации Стратегии развития является широкомасштабная модернизация и техническое перевооружение предприятий отрасли и создание новых объектов научно-производственной базы.

Постоянное улучшение качества судоремонта занимает важное место в конкурентной борьбе. Предприятия развитых стран уже достаточно давно стали активно использовать международные стандарты, соответствие которым рассматривается как гарантия того, что поставщик способен выполнить условия контракта и обеспечить стабильное качество продукции. Многие судостроительные и судоремонтные предприятия имеют системы качества, соответствующие международным стандартам.

Для решения проблем организации проведения судоремонта необходимо создание в отрасли органа, обеспечивающего разработку и проведение единой научно-технической политики в области ремонта, восстановления и модернизации морской техники. Это позволит:

- осуществить рациональную специализацию предприятий;
- внедрить планомерную подготовку производства;
- обеспечить подготовку необходимой проектной документации;
- обеспечить переход к обновлению необходимого технологического оборудования, отвечающего современным требованиям;
- обеспечить обучение работников ремонтных предприятий;
- обеспечить контроль качества ремонта техники.

Реализация этих мероприятий позволит поддерживать требуемую боеготовность ВМФ, а также качественное состояние отечественного флота в целом.

Говоря о проблеме качества, следует отметить, что качество является задачей номер один в условиях рыночной экономики. Именно с помощью современных методов менеджмента качества передовые зарубежные фирмы добились лидирующих позиций на различных рынках.

Можно привести многочисленные положительные примеры внедрения систем менеджмента качества (СМК) также и на отечественных судоходных и судостроительных предприятиях. Очень многие из них имеют сертификаты соответствия СМК требованиям МС ISO 9001:2000 и ГОСТ Р ISO 9001:2001 в системах «МРС» и «ГОСТ Р» и подтверждают действие сертификата соответствия СМК требованиям ГОСТ Р ISO 9001:2001 и СРПП ВТ в системе «Оборонсертифика». Предприятия получают и сертификат единого международного образца IQNet.

На Западе философия качества последовательно прошла этапы отбраковки, контроля качества, гарантии качества и приняла форму всеобщего управления качеством (Total Quality Management – TQM). Основной движущей силой этого развития является потребитель. Менеджеры западных компаний воспринимают непрерывное совершенствование, процессный подход, вовлечение и заинтересованность работников, социальную ответственность бизнеса как неотъемлемые принципы TQM.

Эффективной стратегией внедрения концепции TQM в организациях стало применение моделей премий качества. В Европе это модель совершенства Европейского фонда управления качеством (European Foundation for Quality Management – EFQM). Критерии модели EFQM определяют и описывают принципы TQM в форме, наиболее понятной руководителям. Модель EFQM легла в основу Премии Правительства Российской Федерации, которая вручается с 1997 г. Однако отечественная премия качества для организаций-участников является лишь конкурсом среди ряда других, со всеми плюсами и минусами, присущими подобным мероприятиям в России. Модель и критерии премии стали инструментом совершенствования лишь для небольшого числа российских компаний, не получает широкого распространения практика эталонного сопоставления с лучшими в своей области компаниями, компаниями – лауреатами премии, конкурентами, потенциал самооценки на базе критериев модели практически не реализуется [6].

Бенчмаркинг, или эталонное сопоставление, за последние десять лет стало одним из эффективных и признанных инструментов совершенствования организации в современном бизнесе и на протяжении последних лет входит в тройку самых популярных среди топ-менеджеров крупных компаний инструментов управления (по данным BAIN & Co [6]). В России имеются фирмы, использующие бенчмаркинг, но пока их немного и в основном это представители крупного бизнеса, имеющие деловые контакты с зарубежными партнерами. Для многих руководителей малых и средних предприятий России бенчмар-

кинг воспринимается не как метод управления, а как обычный анализ конкурентов или маркетинговое исследование. Кроме того, развитию бенчмаркинга в России мешает «комплекс засекреченности» отечественного бизнеса.

Самооценка организации – это эффективный инструмент, прочно занимающий свое место среди современных подходов к управлению. Однако в России самооценка не реализовала и малой части своего потенциала. Причин этому несколько. Во-первых, отсутствуют критерии для оценки или знание методик самооценки. Во-вторых, происходит серьезное искажение данных при вовлечении в процесс самооценки менеджеров среднего звена и работников предприятий. Желание приукрасить существующее положение дел, чтобы угодить руководителю, боязнь указать на ошибки и просчеты, а также русская народная мудрость «инициатива наказуема» – все это мешает объективной оценке организации. В-третьих, руководители компаний крупного бизнеса перекладывают всю деятельность по оценке качества на соответствующие подразделения компании, в малом же бизнесе руководители знают области для первоочередных улучшений и не видят смысла в бесполезной, на их взгляд, трате времени и сил.

В настоящее время во многих странах мира и различных отраслях стали широко использоваться концепции «Бережливое производство» и «Шесть сигм».

«Бережливое производство», или концепция «Lean Production», как ее принято называть на Западе, – это подход к менеджменту, обеспечивающий долговременную конкурентоспособность без существенных капиталовложений. Пионером этого подхода стала компания Toyota, которая благодаря его использованию достигла выдающихся результатов. Результатом бережливого производства является высочайшее качество продукции, для достижения которого необходимо изменить менеджмент компании, культуру управления, пересмотреть систему взаимоотношений между уровнями и подразделениями предприятия, оценить взаимоотношения между сотрудниками. В большинстве случаев это сделать гораздо труднее, чем вложить средства в закупку нового оборудования, которое не всегда дает ожидаемый результат. Философия бережливого производства, по мнению его исследователей, является самым мощным инструментом для создания ценностей и борьбы с потерями в организациях любого типа.

Если концепция «Бережливое производство» направлена на улучшение ценностей организации, исключая ценности, которые их не создают, то концепция «Шесть сигм» ориентирована на повышение стабильности операций, производящих эти ценности. Эта концепция связывает улучшение бизнеса с инициативами в области качества и направляет их на достижение целей, определяемых производительностью, экономической эффективностью и качеством. В работе [6] отмечается: «Концепция “Шесть сигм” – не просто инициатива в области качества. Это система, охватывающая весь бизнес. Чтобы выполнить задачи, которые ставит концепция “Шесть сигм”, одних скромных пошаговых усовершенствований мало. В каждой сфере деятельности нужны самые настоящие “прорывы”».

Комбинируя качество «шести сигм» со скоростью «бережливого производства», возможно существенно повысить эффективность применения методов управления качеством, за счет их взаимного интегрирования при внедрении, и использовать как инструмент управления качеством и мощный механизм развития предприятия в целом [7], [8].

Таким образом, к концу XX в. был осуществлен переход от традиционного «массового производства» к «бережливому производству», массовому производству продукции, кото-

рое Т. Петерс определил как «массовое производство на заказ» [9]. В начале XXI в. уже наметились контуры новых перемен, начался процесс перехода к новому типу производства, названного некоторыми авторами как «активное производство» («Agile Manufacturing»). Его основное отличие от «бережливого производства» заключается в том, что последнее работает в относительно стабильных условиях, тогда как «активное» способно работать в совершенно непредсказуемых, быстро изменяющихся условиях. Если же подняться на уровень обобщений, то просматривается следующая картина: и «бережливое», и «активное» производство, как, впрочем, и просто последовательное применение процессного подхода в соответствии со стандартами серии ISO 9000 – все это может привести к стиранию границ при производстве продукции сначала между организациями, а впоследствии и между странами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенов В., Семененко С. Развитие морской экономики и проблема инвестиций // Морской сб. 2006. № 2. С. 62–65.
2. Муру Г. Н. Условия эффективного функционирования системы технического обслуживания и ремонта морской техники // Морской вестн. 2011. № 2. С. 39–41.
3. Семенов В. П. Проблемы и пути повышения качества судоремонта // Наука и образование – 2014: материалы Междунар. науч.-техн. конф., Мурманск, 24–28 марта 2014 г. / ФГБОУ ВПО «МГТУ», Мурманск, 2014. С. 806–809. URL: <http://www.mstu.edu.ru/science/actions/conferences/files/nio-9.pdf> (дата обращения: 11.11.2015).
4. Семенов В., Семененко С. Инновационное развитие предприятий судостроительной промышленности // Морской сб. 2008. № 6. С. 45–47.
5. Муру Г. Н. К 60-летию создания системы военного судоремонта // Морской вестн. 2014. № 2. С. 29–30.
6. Семенов В. П. Современные направления совершенствования менеджмента качества. // Управление качеством: проблемы, исследования, опыт: сб. науч. тр. СПб.: СПбГИЭУ, 2009. Вып. 6. С. 5–11.
7. Semenov V. National competitiveness and quality of life // Economics and Management. 2012. № 17 (2). P. 567–571. DOI: 10.5755/j01.em.17.2.2183.
8. Semenov V. Methods of complex evaluation of the level of competitiveness // Economics and Management. 2013. № 18 (4). P. 715–720. DOI: 10.5755/j01.em.18.4.4258.
9. Заика И. Т., Смоленцев В. М., Федулов Ю. П. Системное управление качеством и экологическими аспектами. М.: ИНФРА-М, 2014. 384 с.

V. P. Semenov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

BASIC CONDITIONS FOR OPERATION INCREASE OF EFFECIENCY AND QUALITY OF THE MARINE EQUIPMENT

In the article the basic conditions for effective and high-quality operation of marine equipment, as well as a number of modern ways to improve quality management, organized on the principles of total quality management are considered.

Navy, marine equipment, operational efficiency, quality of operation, ship repair, quality management system, Total Quality Management

УДК 378.22

Н. А. Барина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

НА ПУТИ К УПРАВЛЕНИЮ КАЧЕСТВОМ: ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ СИСТЕМА ГЕНРИ ФОРДА

Исследуется производственная система Г. Форда с точки зрения современных систем менеджмента качества. Показано, что зарождение принципов менеджмента качества происходило еще в эпоху индустриально-машинного производства. Реализация этих принципов на предприятиях Форда позволила создать массовое производство небывалого масштаба, обеспечить гигантский рост производительности труда, совершенствовать и улучшать методы производства для удовлетворения запросов потребителей.

Массовое производство, удовлетворенность потребителей, лидерство, производственная система, менеджмент качества

«Метод управления организацией, основанный на сотрудничестве всех ее работников, ориентированный на качество и обеспечивающий через удовлетворение запросов потребителей достижение целей долговременного предпринимательского успеха и выгоды для всех работников организации и хозяйства в целом», – так определяет содержание современного менеджмента качества стандарт ISO 9000:2000.

В исторической перспективе особый интерес представляет развитие идей менеджмента качества в XX столетии, в эпоху индустриального производства, когда проблемы качества продукции и процессов производства выходят за рамки инженерно-технических проблем и становятся частью организационного менеджмента.

В знаменитых 14 принципах (впервые опубликованных в 50-х гг. прошлого века) Э. Деминга, выдающегося американского специалиста в области качества, уже явно прослеживаются организационные вопросы обеспечения качества:

1. Соблюдайте постоянство целей.
2. Примите новую философию: откажитесь от низкого качества во всем.
3. Откажитесь от повсеместного контроля.
4. Откажитесь от партнерства, основанного только на цене продукции; установите долгосрочные партнерские отношения; уменьшите количество поставщиков.
5. Постоянно совершенствуйте систему производства и обслуживания.
6. Практикуйте в организации наставничество и обучение.
7. Внедрите современные методы руководства: функции управления должны смещаться от контроля количественных показателей к качественным.
8. Устраните страх: способствуйте тому, чтобы сотрудники высказывались открыто.
9. Устраните барьеры между подразделениями и сотрудниками организации.
10. Откажитесь от лозунгов, транспарантов и наставлений для рабочих.
11. Откажитесь от количественных оценок работы.

12. Поддерживайте чувство профессиональной гордости в сотрудниках.
13. Внедрите в организации систему образования и самосовершенствования сотрудников.
14. Добейтесь приверженности руководства организации идее качества [1, с. 47].

Интересно проследить, когда и где зародились эти принципы, как проявлялись ростки новой системы в эпоху индустриально-машинного производства. С этой точки зрения полезно рассмотреть «деловые принципы» Генри Форда, автомобильного короля, богатейшего человека планеты, которые 100 лет назад позволили его создателю организовать производство небывалого масштаба, а также явились своеобразным прообразом принципов менеджмента качества.

Сейчас нередко можно встретить в литературе и публикациях, объясняющих феномен Форда, информацию о том, что его система взяла за основу и явилась продолжением принципов научной организации труда Ф. Тейлора. Правда, сам Форд нигде не говорил об этом, возможно, даже не знал, что есть такие принципы. Не изучал Форд и труды основоположников научного коммунизма о разделении труда, о роли капитала в общественном производстве и др. На протяжении всей книги он говорит о том, что все изучал сам в процессе экспериментов и своей трудовой деятельности, а также часто оспаривает и критикует существующие точки зрения на те или иные вопросы производства, торговли, бизнеса.

Родившийся в семье фермера в 1863 г. в Мичигане, Форд рано проявил интерес к технике как средству облегчения тяжелого сельскохозяйственного труда: *«На фермах приходилось тогда нести слишком много тяжелого ручного труда. Уже с ранней юности я думал, что многое можно делать иначе, каким-нибудь лучшим способом. Поэтому я обратился к технике»* [2, с. 32].

Вместе с тем сам труд и полезная работа ставится им во главу угла жизни каждого человека и является основой всех его достижений, о чем Форд не устает повторять на протяжении всей книги:

«Труд является в нашей жизни основным условием здоровья, самоуважения и счастья. Он не проклятие, а величайшее благословение...

Только работа, одна работа выводит на верную дорогу к здоровью, богатству и счастью...

Великое дело наш повседневный труд. Работа – тот краеугольный камень, на котором покоится мир. В ней коренится наше самоуважение...» [2, с. 178–179].

Секрет своего успеха Форд также видит только и исключительно в напряженном труде и полезной работе. Он считает, что если человек действительно увлечен своим делом, он никогда не ощущает усталости и непременно добьется цели.

«Ничто, действительно нас интересующее, не тяжело для нас. Успех непременно придет, если работать как следует» [2, с. 44].

Инженер-механик, изобретатель и талантливый организатор Г. Форд в своем автобиографическом труде ясно выразил свое отношение к различным составляющим общественного производства: деньгам и кредиту, наемным работникам и экспертам, конкуренции и монополиям, развитию транспорта и технологий, труду и благотворительности.

Часто он делает отступления по ходу повествования и высказывает некоторые мировоззренческие мысли:

«Хозяйственный принцип – это труд. Труд – это человеческая стихия, которая обращает себе на пользу плодоносные времена года.

Нравственный принцип – это право человека на свой труд. Человек, заработавший свой хлеб, заработал и право на него... [2, с. 12–13].

Неудачи всегда очень часты, а успехи достигаются с трудом. Неудачи получаются в результате покоя и беспечности; за удачу же приходится платить всем, что у тебя есть, и всем, что ты есть» [2, с. 313].

Что наиболее интересно в производственной системе Форда с точки зрения менеджмента качества, так это вопросы организации массового производства и роли потребителей в нем.

Вспомним современную трактовку принципов менеджмента качества как **фундаментальных правил руководства и управления процессом постоянного улучшения деятельности организации для удовлетворения требований всех ее заинтересованных сторон:**

1. Ориентация на потребителя. Организации зависят от своих потребителей и поэтому должны понимать их текущие и будущие потребности, выполнять их требования и стремиться превзойти их ожидания.

2. Лидерство руководителя. Руководители обеспечивают единство цели и направления деятельности организации. Им следует создавать и поддерживать внутреннюю среду, в которой работники могут быть полностью вовлечены в решение задач организации.

3. Вовлечение работников. Работники всех уровней составляют основу организации, поэтому их полное вовлечение в решение задач дает возможность организации с выгодой использовать их способности.

4. Процессный подход. Желаемый результат достигается эффективнее, когда деятельностью и соответствующими ресурсами управляют как процессом.

5. Системный подход к менеджменту. Выявление, понимание и менеджмент взаимосвязанных процессов как системы содействуют повышению результативности и эффективности организации при достижении ее целей.

6. Постоянное улучшение. Постоянное улучшение деятельности организации в целом следует рассматривать как ее неизменную цель.

7. Принятие решений, основанное на фактах. Эффективные решения должны основываться на анализе данных и информации.

8. Взаимовыгодные отношения с поставщиками. Организация и ее поставщики взаимозависимы, поэтому отношения взаимной выгоды повышают способность обеих сторон создавать ценности [3].

На этих восьми принципах основана философия современного менеджмента качества.

Можно проследить явную корреляцию этих принципов с деловой теорией Форда и его основной идеей: создать предприятие, которое ставило основным принципом своей деятельности хорошее качество изделий и «удовлетворение запросов публики».

При этом удовлетворенность потребителей ставится им на первое место при организации производства любого продукта: *«Тот, кто сможет дать потребителю лучшее качество по низшим ценам, непременно станет во главе индустрии – безразлично, какие бы товары он ни производил. Это непреложный закон»* [2, с. 201].

Вместе с тем существующая ранее система, по мнению Форда, не поддерживала этого основного правила:

«Прежде клиент оказывал честь продавцу своими заказами; в дальнейшем отношения изменились, и продавец стал оказывать честь клиенту, исполняя его заказы [2, с. 15].

Продукт изготовлялся не ради тех услуг, которые он оказывал публике, но лишь для того, чтобы заработать побольше денег. Удовлетворял ли он покупателя, это было уже второстепенным делом. Достаточно было сбыть его с рук...» [2, с. 56].

Форд считал такую постановку дела неудовлетворительной. Недовольный покупатель, с точки зрения Форда, это человек, доверием которого злоупотребили. Он считал необходимым так выполнять работу, чтобы клиент был удовлетворен товаром и обслуживанием, в том числе и после продажи: *«Фабрикант вовсе не покончил со своим покупателем после заключения сделки. Напротив, их отношения только начались»* [2, с. 60].

Когда другие автопроизводители, чтобы угодить вкусам богатых аристократов и любителей гонок, разрабатывали и выпускали на рынок дорогостоящие новинки, Форд поставил своей целью создать автомобиль именно для широких слоев населения и за счет оптимизации производства сделать его доступным по цене практически для каждого человека. В первых рекламных сообщениях об автомобилях Форда упор делался прежде всего на полезность автомобиля: *«Мы никогда не рассчитывали на увеселительные цели, имея в виду прежде всего полезность автомобиля»*. Сам Форд так формулировал критерии качества своей «универсальной модели»: первоклассный материал, простота конструкции, легкость и максимальная проходимость на любых дорогах и в любых погодных условиях, безопасность и экономичность.

Отметим несколько **ключевых факторов производственной системы Г. Форда**, которые позволили ему добиться выдающихся результатов.

Стандартизация основных узлов (модулей). Введение стандартизации позволяло быстро заменить любой узел или блок в случае необходимости, а не заниматься дорогостоящим ремонтом. Для этого все запасные части должны были быть достаточно дешевы и доступны для покупки. Конструкция изделия перед запуском в производство тщательно разрабатывалась и изучалась, в дальнейшем совершенствовались только методы производства этого изделия.

Децентрализация производства. В начале своего пути Форд стремился сосредоточить в одном месте производство максимального количества составляющих автомобиля и производить их сборку, позже пришел к выводу, что бесконечно укрупнять предприятие нецелесообразно. Фабрика или завод может разместить ограниченное число работников, с тем чтобы обеспечить им комфортное проживание и транспортировку к месту работы. Кроме того, нет необходимости перемещать массы грузов с сырьем к месту производства. *«Там, где возможно, должна применяться децентрализация... местность, производящая сырой продукт, должна производить и готовые изделия»* [2, с. 330].

Прибыль предприятия должна идти на развитие и расширение производства, чтобы поддерживать его «в состоянии устойчивости, развития и здоровья». Здоровое и процветающее предприятие может полностью финансировать себя, без привлечения заемных средств. «Настоящим источником финансирования промышленного предприятия является фабрика, а не банк», – считал Г. Форд.

Довольно оригинально выглядят у Форда возможности для кредитования бизнеса: *«Единственный момент, когда деловой человек может занять деньги с некоторой уверенностью, – это когда он в них не нуждается»* [2, с. 234].

Учет человеческого фактора и вовлечение работников. *«Теперь мы предъявляем определенное требование, чтобы человеческой стороне промышленной жизни придавалось такое же значение, как и материальной»* [2, с. 180]. Следуя этой установке, Форд поднимает вопросы охраны труда на производстве, придает большое значение выполнению гигиенических требований в цехах: «без чистоты нет и морали». Введение 8-часового рабочего дня, установление минимальной дневной ставки, создание отдела по изучению быта и досуга работников, открытие больницы и технической школы, все эти меры должны были повысить у рабочих удовлетворенность трудом. Устранив ненужную, с его точки зрения, иерархию внутри производственной структуры, а также снизив до минимума бумажный документооборот, Форд провозглашает: *«Мы возлагаем на каждого целиком всю ответственность»*.

Благотворительность. На своих предприятиях Форд ввел правило: телесные недостатки не являются основанием отказа в приеме на работу. Высказывая свое отношение к благотворительности, он считал, что инвалиды и калеки не должны *«ложиться бременем на общество и содержаться за счет общественной благотворительности»*. Необходимо обеспечить им участие в полезной деятельности, предоставив подходящую работу на предприятии: *«Слепой или калека, если его поставить на подходящее место, может сделать совершенно то же и получить ту же плату, что и вполне здоровый человек* [2, с. 160]. Форд не приемлет благотворительности в форме раздачи милостыни.

Роль руководителя, по мнению Форда, в том, чтобы улучшать методы производства и стремиться к снижению затрат: *«Определение того, что является „нормальным“ в индустрии, в значительной мере зависит от таланта руководителей улучшать методы производства»* [2, с. 228].

Особое внимание уделялось вопросам **социальной справедливости** при оплате труда: *«Строгая социальная справедливость проистекает только из честного труда. Кто много создает, тот много принесет в свой дом»* [2, с. 178].

Труд рабочего, который отдает предприятию все свои силы, должен быть справедливо оценен, только тогда можно требовать от него хорошей работы: *«Если вы требуете от кого-нибудь, чтобы он отдал свое время и энергию для дела, то позаботьтесь о том, чтобы он не испытывал финансовых затруднений. Это окупается»* [2, с. 193].

Наряду с расширением производства и удешевлением продукта на предприятиях Форда непрерывно повышались тарифные ставки при оплате труда, рабочим выплачивалось премиальное вознаграждение. *«Высокие ставки являются самым выгодным деловым принципом»*, – считал Г. Форд.

Обращение с отходами. Большое внимание на предприятиях Форда уделялось переработке отходов, за счет чего достигалась значительная экономия ресурсов. Постоянно проводились опыты по утилизации отходов, где только возможно природные материалы замещались искусственными. Форд подчеркивал, что даже несколько центов сбережения на сырье и материалах к концу года вырастают в огромную сумму при больших масштабах производства.

Форд считал, что размер предприятия не имеет значения, если методы его деятельности верны. Эти методы могут и должны применяться и на других предприятиях, участвующих в производстве конечного продукта. *«...Совершенно все равно, велик или ограничен круг действия, если только при этом методы, которым следуют, правильны. Для нас никогда не составляло разницы, множим ли мы нашу деятельность на 5 или 5000. Вопрос величины повсюду только вопрос умножения»* [2, с. 320].

Кроме того, он считал свои деловые принципы универсальными и применимыми в любой сфере экономики. После покупки железной дороги стал применять свой подход к ее модернизации: *«Единственно правильным было преобразовать ее (железную дорогу) в продуктивное предприятие, применить к ней те же самые принципы, как и во всех областях нашего производства»* [2, с. 319].

После того как в его руках оказалась больница, он также стал применять свои методы управления: *«Та же самая организация, которая позволяет фабрике достичь высшей степени полезной службы, поднимет до высшей степени и службу больницы и одновременно сбавит цены настолько, чтобы сделать ее доступной всем»* [2, с. 312].

Почему мы можем отнести производственную систему Г. Форда к прообразу системы менеджмента качества? Он одним из первых поставил во главу угла любого бизнеса интересы потребителей и строил все свое производство исходя из этих интересов, затрагивал вопросы социальной ответственности бизнеса.

«Успех в производстве зависит исключительно от искусства производителя служить потребителю, предлагая то, что ему нравится...

Если мы хотим вести дела удачно, нужно понижать цены не ухудшая качества, а для этого вводить лучшие и более хозяйственные методы производства» [2, с. 200].

Пройдет 50 лет, и Э. Деминг скажет в своем обращении к представителям японского менеджмента: «Я хочу, чтобы используя управление качеством продукции, производя товары, которые постоянно улучшаются, вы создавали все более и более адаптированные к пожеланиям покупателя изделия, разрабатывая, дорабатывая и затем находя более дешевые и лучшие способы их производства» [4]. Эта программная речь положила начало японскому «экономическому чуду», а сам Деминг по праву считается основоположником теории менеджмента качества, которая легла в основу процесса возрождения японской экономики.

Но Форд пошел дальше. Он считал, что его деловые принципы, на основе которых он создал могущественный промышленный гигант, применимы и в других отраслях: на транспорте, в здравоохранении, в образовании. Кроме того, он был уверен, что размер предприятия не имеет решающего значения, если принципы его устройства верны.

Идеи Форда, высказанные и реализованные 100 лет назад в автомобильной промышленности, исследовались на протяжении многих лет и до настоящего времени воплощаются предпринимателями в разных странах и в разных отраслях.

Изобретение сборочного конвейера, создание сети сервисных станций, привлечение торговых агентов (прообраз дилерской сети) для реализации своих продуктов, децентрализация производства, учет человеческого фактора на производстве, борьба с бюрократией и оптимизация административной структуры – вот малая часть наследия гениального изобретателя.

«Сами по себе идеи ценны, но всякая идея, в конце концов, только идея. Задача в том, чтобы реализовать ее практически», – считал Г. Форд.

Ответственность и лидерство руководителя в интерпретации Форда: *«Если кто-нибудь откажется от моего автомобиля, я знаю, что в этом виноват я сам»*.

Какие личные качества отличают успешного человека, и в чем видит Г. Форд секрет успеха?

«Грубая, простая, примитивная сила настойчивости есть некоронованная королева мира воли».

Человек все еще высшее существо природы. Если ему удастся возродить свой дух, ему откроются новые источники сокровищ его бытия. Вне его самого нет безопасности, вне его самого нет богатств. Устранение страха создает уверенность и изобилие» [2, с. 313–314].

Вот такое напутствие будущим поколениям предпринимателей!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес-Букс, 2007. 370 с.
2. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения / пер. с англ. Е. А. Качелина. М.: АСТ, 2015. 349 с.
3. ГОСТ Р ISO 9000:2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. URL: <http://www.g-ost.ru/52164.html> (дата обращения: 01.02.2016).
4. Речь Деминга в Маунт Хаконе, Япония (1950) / пер. Г. Лейбович, С. Лейбович; под ред. Ю. Рубаник. URL: <http://deming.ru/TehnUpr/RechDemingaMauntHakon> (дата обращения: 01.02.2016).

N. A. Barinova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

TOWARDS «QUALITY MANAGEMENT»: THE HENRY FORD PRODUCTION SYSTEM

The article studies the production system of Henry Ford (an automobile king, one of the world's wealthiest persons) in terms of modern quality management systems. It is shown that quality management principles emerged as far back as the period of industrial machine production. Realization of these principles at Henry Ford's factories enabled to set up the record-size mass production, to ensure the huge increase of labour productivity, to develop and improve the production methods in order to satisfy users' needs.

Mass production, user satisfaction, leadership, production system, quality management

УДК 338.49; 338.262

Ю. И. Михайлов*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СКОЛЬЗЯЩЕГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ РЕМОНТНОГО ПРОИЗВОДСТВА НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Рассматриваются основные положения методики скользящего планирования ремонтных работ на примере действующего нефтеперерабатывающего предприятия РФ. Предложен показатель условной единицы ремонтной сложности и рекомендован к применению при планировании объема ремонтных работ предприятия.

Скользящее планирование, ремонтные работы, капитальный ремонт, техническое обслуживание оборудования, условная единица ремонтной сложности, эталонная установка, затраты на капитальный ремонт технологической установки

Важной составляющей экономики нефтеперерабатывающих предприятий является планирование ремонтов и ремонтного обслуживания, своевременное и качественное проведение которых обеспечивает устойчивое функционирование всей системы в целом. Как показывает практика утверждения годового бюджета ремонтных работ, и в первую очередь капитального ремонта основных средств, на нефтеперерабатывающих предприятиях (НПП) преобладает реактивное планирование (ориентация на достигнутое в прошлом). Оно основано на использовании фактических данных (затрат) предшествующего (отчетного) периода (года). Главная задача такого плана – уложиться в границы бюджета прошлого года и ни в коей мере не превысить его. Такой подход оправдан попыткой сохранения (стабилизации) объема ремонтных работ в денежном измерении на предприятии в целом в рамках планируемого периода (года), так как эти затраты по своему содержанию относятся к условно-постоянным производственным расходам, в большей мере не зависящим от показателей деловой активности, в первую очередь от объема произведенной конечной продукции. Такое положение в части планирования затрат на ремонты обусловливается их значительной величиной, зачастую достигая 20–30 % в сводной смете затрат НПП.

Первостепенное значение приобретает решение методических вопросов планирования, учета, анализа и контроля затрат на проведение всех видов ремонтных работ и технического обслуживания. Решение этих вопросов на НПП должно исходить из условия отражения затратами объективной реальности, количественной оценки и качественного своеобразия ремонтов в нефтепереработке и нефтехимии.

Качество планирования ремонтного производства зависит от степени обоснованности планов основного производства, поскольку планирование ремонтов вытекает из потребностей основного производства. В настоящее время планирование деятельности ремонтных служб нефтеперерабатывающих предприятий сводится к составлению графиков планово-

предупредительных ремонтов оборудования, планированию расходов на его эксплуатацию, составлению производственных планов ремонтно-механических служб и их подразделений, планированию потребности в запасных частях и сменном оборудовании для ремонтно-эксплуатационных нужд.

Организация ремонтного хозяйства предприятия базируется на системе планово-предупредительного ремонта (ППР), основные положения которой установлены Единой системой планово-предупредительных ремонтов (ЕСППР).

В основе планирования ремонта оборудования лежат ЕСППР и Типовая схема технического обслуживания и ремонта (ТСТОП), которые, в свою очередь, базируются на следующих основных нормативах:

- категория ремонтной сложности;
- ремонтная единица;
- продолжительность и структура ремонтного цикла;
- продолжительность межремонтных периодов и осмотров.

Под категорией ремонтной сложности понимается степень сложности ремонта агрегата (единицы оборудования), которая зависит от его технических и конструкторских особенностей – размеров обрабатываемых деталей, точности их изготовления, особенностей ремонта и др.

Ремонтная единица – это условный показатель, характеризующий нормативные трудовые затраты на ремонт оборудования первой категории сложности. За единицу ремонтной сложности механической части принята ремонтная сложность условного оборудования, трудоемкость капитального ремонта которого в условиях среднего по оснащенности РМЦ составляет 50 ч, а за единицу ремонтной сложности электрической части оборудования – 12,5 ч [1].

Как известно, объем ремонтных работ определяется, прежде всего, конструктивными и технологическими особенностями оборудования, видом ремонта (текущий, капитальный) и периодичностью. Поэтому для составления планов ремонта, расчета требуемой численности рабочих-ремонтников необходимо располагать нормативами трудовых затрат для каждого вида ремонта и по каждой установке. К сожалению, на большинстве нефтеперерабатывающих предприятий нормативы трудовых затрат по видам ремонта для каждой единицы сложного оборудования (установки) отсутствуют.

Рядом специалистов [2], [3] предлагается под условной единицей ремонтной сложности понимать такой вид производственного оборудования, трудоемкость капитального ремонта которого составляет 60 чел.-ч. Таким видом оборудования, наиболее распространенным в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, являются насосы для перекачки нефти и нефтепродуктов. В этом случае ремонтную сложность производственного оборудования в единицах ремонтной сложности (P_c) можно определить делением средней фактической трудоемкости его капитального ремонта за ряд лет (3–5 лет), как наиболее полно отражающего ремонтные особенности, на принятую трудоемкость одной единицы ремонтной сложности капитального ремонта по формуле:

$$P_c = \frac{T_{кр}}{t_{ед.р.с}},$$

где $T_{кр}$ – средняя фактическая трудоемкость капитального ремонта данного вида производственного оборудования за ряд лет, чел.-ч; $t_{ед.р.с}$ – трудоемкость капитального ремонта одной единицы ремонтной сложности, чел.-ч.

В качестве обобщающего показателя, позволяющего планировать и оценивать объемы ремонтов и межремонтного обслуживания, предлагается условная единица ремонтной сложности технологических установок. С использованием условной единицы ремонтной сложности установок можно составлять годовые и месячные планы ремонтных работ по установкам, производственным цехам и предприятию в целом, планировать трудоемкость ремонтных работ и потребное количество ремонтных рабочих, калькулировать себестоимость капитального, текущих ремонтов и межремонтного обслуживания.

В основу расчетов условных единиц ремонтной сложности установок может быть положен реальный и сравнительно простой экономический подход, базирующийся на удельных затратах на ремонты и ремонтное обслуживание, исчисленных по методике скользящего года.

Методика скользящего года рассматривает абсолютные затраты на ремонтные работы, объем товарной продукции, объем переработки нефти неизоллированно на протяжении как минимум двух смежных годов или большего периода времени.

Скользящий (переходный) план – составляется с распределением по временным интервалам внутри планового периода (на 3–5 лет – по годам; на год – по кварталам и т. д.). По окончании каждого интервала план как бы продвигается вперед на один интервал («скользит»), так что горизонт планирования остается неизменным [4].

Сущность предлагаемой методики скользящего года заключается в том, что скользящим интервалом в рамках года является квартал. Тогда в рамках рассматриваемого двух-летнего периода появляются четыре скользящих года.

Настоящая методика позволяет рассматривать удельные затраты на ремонтные работы в разрезе не менее 2–3 годовых результатов. Добавляемые к 4-квартальной сумме затрат на ремонтные работы затраты текущего квартала как бы рассредоточиваются по годовому или большему отрезку времени, в результате чего квартальные возрастания удельных затрат сводятся к незначительным колебаниям вокруг среднегодового или большего по времени периода. Такой подход к расчету удельных затрат на ремонтные работы позволяет избежать резких изменений в результатах, связанных с проведением неравноценных по затратам и продолжительности ремонтных работ, а также изменений в объемах товарной продукции или в объемах переработки нефти и объективно оценить ремонтную сложность работ.

Таким образом, расчеты удельных затрат на ремонтные работы могут производиться по формулам:

$$УЗ_i = \frac{З_i + З - З'_i}{ТП_i + ТП - ТП'_i},$$

$$УЗ_i = \frac{З_i + З - З'_i}{П_i + П - П'_i},$$

где $УЗ_i$ – удельные затраты на ремонтные работы в i -м квартале текущего года; $З_i$, $ТП_i$, $П_i$ – абсолютные затраты на ремонтные работы, объем товарной продукции, объем переработки нефти в i -м квартале текущего года; $З'_i$, $ТП'_i$, $П'_i$ – абсолютные затраты на ремонтные рабо-

ты, объем товарной продукции, объем переработки нефти в i -м квартале прошлого года; З, ТП, П – абсолютные затраты на ремонтные работы, объем товарной продукции, объем переработки нефти в сумме за 4 квартала, предшествующих текущему кварталу.

По нижеприведенным формулам рассчитываются удельные затраты на капитальные ремонты технологических установок основных производственных цехов и по видам ремонтных работ по каждому кварталу скользящего года:

$$УЗ_{\text{КВ}} = \frac{З_{\text{КВ.С.Г}}}{ТП_{\text{КВ.С.Г}}},$$

$$УЗ_{\text{КВ}} = \frac{З_{\text{КВ.С.Г}}}{П_{\text{КВ.С.Г}}},$$

где $УЗ_{\text{КВ}}$ – удельные затраты на капитальные ремонты технологических установок или удельные затраты по видам ремонтных работ в соответствующем квартале рассматриваемого скользящего года; $З_{\text{КВ.С.Г}}$ – абсолютные затраты на капитальные ремонты технологических установок и по видам ремонтных работ в соответствующем квартале рассматриваемого скользящего года; $ТП_{\text{КВ.С.Г}}$, $П_{\text{КВ.С.Г}}$ – объемы товарной продукции или переработанной нефти в соответствующем квартале рассматриваемого скользящего года.

Расчеты среднеквартальных удельных затрат на капитальные ремонты технологических установок и по видам ремонтных работ производятся по формуле:

$$УЗ_{\text{С.КВ}} = \frac{УЗ_{1\text{КВ}} + УЗ_{2\text{КВ}} + УЗ_{3\text{КВ}} + УЗ_{4\text{КВ}}}{4}, \quad (1)$$

где $УЗ_{1\text{КВ}}$, $УЗ_{2\text{КВ}}$, $УЗ_{3\text{КВ}}$, $УЗ_{4\text{КВ}}$ – удельные затраты на капитальный ремонт технологических установок и по видам ремонтных работ соответствующего квартала данного скользящего года.

Среднеквартальные удельные затраты на капитальные ремонты технологических установок и по видам ремонтных работ в среднем за два скользящих года рассчитываются по формуле:

$$УЗ_{\text{С.Г}} = \frac{УЗ_{\text{СКВ1Г}} + УЗ_{\text{СКВ2Г}}}{2}, \quad (2)$$

где $УЗ_{\text{СКВ1Г}}$, $УЗ_{\text{СКВ2Г}}$ – среднеквартальные удельные затраты на капитальные ремонты технологических установок и по видам ремонтных работ соответственно в 1-м и 2-м скользящих годах.

Если в том или ином квартале скользящего года удельные затраты отсутствуют, формула (1) при расчетах среднеквартальных удельных затрат унифицируется, т. е. она включает в числителе только те кварталы скользящего года, в которых удельные затраты присутствуют, а в знаменателе берется число кварталов с удельными затратами. Таким же образом при расчетах унифицируется формула (2). Если удельные затраты имели место лишь в одном квартале скользящего года, среднеквартальные затраты скользящего года равны удельным затратам данного квартала. Такой же подход использован и при расчетах среднеквартальных удельных затрат за два скользящих года.

В табл. 1 представлен пример расчета среднеквартальных удельных затрат на капитальные ремонты технологических установок основных производственных цехов одного из НПП.

Таблица 1

№ п/п	Наименование цехов и установок	Среднеквартальные удельные затраты на капитальный ремонт					
		К объему товарной продукции, к./10 р.			К объему переработки нефти, р./т		
		1-й год	2-й год	В среднем за 2 года	1-й год	2-й год	В среднем за 2 года
	Цех № 1						
1	АТ-1	0,94	1,02	0,98	0,92	1,32	1,12
2	АТ-6	0,74	1,23	0,99	0,66	1,6	1,14
3	АВТ-6	2,03	4,18	3,10	2,65	4,08	3,37
4	АВТ-2	1,18	2,03	1,61	0,99	2,32	1,66
5	ЭЛОУ-2	0,06	0,07	0,06	0,05	0,08	0,07
	Цех № 2						
6	Битумная № 1	0,2	0,30	0,25	0,18	0,4	0,29
7	Битумная № 2	0,26	0,36	0,31	0,38	0,41	0,40
	Цех № 4						
8	Л-35-11/600	0,49	0,22	0,36	0,59	0,20	0,40
9	ЛЧ-35-11/1000	1,22	0,73	0,98	1,59	0,71	1,15
10	Л-24/6	0,31	0,46	0,39	0,39	0,43	0,41
11	ЛГ-24/7	0,15	0,33	0,24	0,13	0,37	0,25
12	ЛЧ-24/2000	0,09	0,20	0,15	0,082	0,26	0,17
13	Л-35-11/300	0,27	0,25	0,26	0,29	0,23	0,26
	Цех № 5						
14	ЛГ-35-8/300Б	0,625	0,65	0,64	0,5	0,79	0,65
15	ЛЧ-35-11/600	0,17	0,40	0,29	0,16	0,51	0,33
16	ПО-ксилолы	0,17	0,30	0,24	0,20	0,26	0,23
17	КСК	0,22	0,55	0,39	0,26	0,48	0,37
	Цех № 6						
18	ГФУ	0,64	0,545	0,59	0,70	0,56	0,63
19	ТСБ СУГ	0,42	0,29	0,36	0,57	0,3	0,44
	Цех № 9						
20	ПАРЕКС № 1	0,535	0,855	0,70	0,49	0,975	0,73
21	ПАРЕКС № 2	0,22	0,635	0,43	0,28	0,61	0,45
22	УПСК № 1	0,445	0,68	0,56	0,47	0,84	0,66
23	УПСК № 2	0,443	0,31	0,38	0,54	0,32	0,43
24	Элементарной серы	–	0,12	0,12	–	0,10	0,10

Для проведения дальнейших расчетов необходимо, прежде всего, выбрать базовую (эталонную) установку. В наших расчетах в качестве эталонной была выбрана установка элементарной серы. Установка элементарной серы имеет 5 топочных печей. К установке подключена кирпичная с футеровкой дымовая труба высотой 80 м. Количество эксплуатируемых ответственных трубопроводов всех категорий – 23 единицы. Установка по двум рассматриваемым скользящим годам имеет среднеквартальные затраты в 0,12 к. на 10 р. товарной продукции и 0,10 р. на 1 т переработанной нефти. Ей присваивается 10 единиц ремонтной сложности.

Количество единиц ремонтной сложности на каждой технологической установке и по каждому виду ремонтных работ определяется по формуле:

$$PC_y = \frac{Y3_{c.g.y}}{Y3_{c.g.z.y}} \cdot 10,$$

где $РС_y$ – ремонтная сложность технологической установки в условных натуральных единицах; $УЗ_{с.г.у}$ – среднеквартальные удельные затраты на капитальный ремонт или определенного вида ремонтную работу технологической установки, к./10 р. товарной продукции, или р./т переработанной нефти; $УЗ_{с.г.э.у}$ – среднеквартальные удельные затраты на капитальный ремонт или определенного вида ремонтную работу эталонной установки, к./10 р. товарной продукции, или р./т переработанной нефти; 10 – количество условных единиц ремонтной сложности, присвоенных эталонной установке.

В табл. 2 рассчитаны условные единицы ремонтной сложности технологических установок рассматриваемого в качестве примера НПП.

Таблица 2

№ п/п	Наименование цехов и установок	К объему товарной продукции			К объему переработки нефти		
		Ср. удельн. затраты	Ср. удельн. затраты этал. установки	Ремонтная сложность	Ср. удельн. затраты	Ср. удельн. затраты этал. установки	Ремонтная сложность
1	2	3	4	5	6	7	8
1	АТ-1	0,98	0,12	82	1,12	0,10	112
2	АТ-6	0,99	0,12	83	1,14	0,10	114
3	АВТ-6	3,10	0,12	258	3,37	0,10	337
4	АВТ-2	1,61	0,12	134	1,66	0,10	166
5	ЭЛОУ-2	0,06	0,12	5	0,07	0,10	7
	Итого по цеху № 1			562			736
6	Битумная № 1	0,25	0,12	21	0,29	0,10	29
7	Битумная № 2	0,31	0,12	26	0,4	0,10	40
	Итого по цеху № 2			47			69
8	Л-35-11/600	0,36	0,12	30	0,4	0,10	40
9	ЛЧ-35-11/1000	0,98	0,12	82	1,15	0,10	115
10	Л-24/6	0,39	0,12	33	0,41	0,10	41
11	ЛГ-24/7	0,24	0,12	20	0,25	0,10	25
12	ЛЧ-24/2000	0,15	0,12	13	0,17	0,10	17
13	Л-35-11/300	0,26	0,12	22	0,26	0,10	26
	Итого по цеху № 4			200			264
1	2	3	4	5	6	7	8
14	ЛГ-35-8/300Б	0,64	0,12	53	0,65	0,10	65
15	ЛЧ-35-11/600	0,29	0,12	24	0,33	0,10	33
16	ПО-ксилолы	0,24	0,12	20	0,23	0,10	23
17	КСК	0,39	0,12	33	0,37	0,10	37
	Итого по цеху № 5			130			158
18	ГФУ	0,59	0,12	49	0,63	0,10	63
19	ТСБ СУГ	0,36	0,12	30	0,44	0,10	44
	Итого по цеху № 6			79			107
20	ПАРЕКС № 1	0,70	0,12	58	0,73	0,10	73
21	ПАРЕКС № 2	0,43	0,12	36	0,45	0,10	45
22	УПСК № 1	0,56	0,12	47	0,66	0,10	66
23	УПСК № 2	0,38	0,12	32	0,43	0,10	43
24	Элементарной серы	0,12	0,12	10	0,10	0,10	10
	Итого по цеху № 9			183			237

Для планирования трудоемкости капитального ремонта технологических установок и ремонтных работ по основным производственным цехам предлагается использовать показатель трудоемкости капитального ремонта условной единицы ремонтной сложности технологической установки, измеряемой в человеко-часах. Трудоемкость капитального ремонта условной единицы ремонтной сложности технологической установки предлагается

определять как отношение общих фактических затрат труда слесарей-ремонтников на проведение капитального ремонта эталонной установки ($T_{с.р.э.у}$) к объему капитального ремонта эталонной установки, рассчитанного в условных единицах ремонтной сложности ($PC_{э.у}$):

$$t_{ед.р.с} = \frac{T_{с.р.э.у}}{PC_{э.у}}.$$

Согласно актам приемки работ, выполненных слесарями-ремонтниками в рамках капитального ремонта установки элементарной серы, их трудоемкость составила 31 290 чел.-ч. Учитывая, что ремонтная сложность установки элементарной серы составляет 10 условных единиц, трудоемкость условной единицы ремонтной сложности капитального ремонта будет равна 3129 чел.-ч.

В соответствии с установленной величиной трудоемкости условной единицы ремонтной сложности капитального ремонта и данных табл. 2 можно рассчитать планируемую трудоемкость капитальных ремонтов по каждой технологической установке и основным производственным цехам. Данные таких расчетов приведены в табл. 3.

Таблица 3

№ цеха	Наименование технологических установок	Количество планируемых единиц ремонтов	Ремонтная сложность капитального ремонта	Фактическая трудоемкость единицы ремонтной сложности, чел.-ч	Трудоемкость капитального ремонта, чел.-ч
1	АТ-1	1	112	3129	350 448
	АТ-6	1	114	3129	356 706
	АВТ-6	—	—	—	—
	АВТ-2	1	166	3129	519 414
	ЭЛОУ-2	1	7	3129	21 903
	Итого по цеху № 1	4	399	3129	1 248 471
2	Бит. 19/6	1	29	3129	90 741
	Бит. 19/10	—	—	—	—
	Итого по цеху № 2	1	29	3129	90 741
4	Л-35-11/300	—	—	—	—
	Л-35-11/600	—	—	—	—
	Л-35-11/1000	—	—	—	—
	Л-24/6	—	—	—	—
	ЛГ-24/7	1	25	3129	78 225
	ЛЧ-24/2000	1	17	3129	53 193
	Итого по цеху № 4	2	42	3129	131 418
5	ЛГ-35-8/300Б	1	65	3129	203 385
	ЛЧ-35-11/600	1	33	3129	103 257
	ПО-ксилолы	—	—	—	—
	КСК	—	—	—	—
	Итого по цеху № 5	2	98	3129	306 642
9	ПАРЕКС № 1	1	73	3129	228 417
	ПАРЕКС № 2	—	—	—	—
	УПСК № 1	1	66	3129	206 514
	УПСК № 2	—	—	—	—
	Элементарной серы	—	—	—	—
	Итого по цеху № 9	2	139	3129	434 931
	Всего по предприятию	11	707	3129	2 212 203

Планировать себестоимость капитального ремонта технологических установок рекомендуется осуществлять путем составления калькуляции себестоимости капитального ремонта условной единицы ремонтной сложности.

Планирование себестоимости капитального ремонта технологических установок начнем с изучения фактической калькуляции капитального ремонта установки элементарной серы, принятой в качестве эталонной установки.

В качестве источников информации воспользуемся данными актов приемки выполненных ремонтных работ по капитальному ремонту этой установки подрядными организациями. В актах в соответствии с действующими нормативами по каждому виду ремонтных работ установлена величина прямых затрат, включающая материальные затраты, затраты по эксплуатации машин, основную заработную плату. Накладные расходы приняты в соответствующем проценте от фонда заработной платы. Фактическая калькуляция себестоимости единицы ремонтной сложности капитального ремонта приведена в табл. 4.

Таблица 4

№ п/п	Статья затрат	Сумма, р.
1	Основные материалы	229 054
2	Возврат материалов (вычитаются)	21 760
3	Основные материалы с учетом возврата	207 294
4	Эксплуатация машин	12 432
5	Основная заработная плата с отчислениями	39 141
6	Накладные расходы	42 256
	Итого расходов (п. 3–6)	301 123
7	Удорожание работ в зимнее время (2,7 % от расходов)	8130
8	Непредвиденные работы и затраты (2,5 % от расходов)	7528
	Всего затрат	316 781

Используя плановую калькуляцию себестоимости единицы ремонтной сложности капитального ремонта, данные об объемах капитальных ремонтов технологических установок в единицах ремонтной сложности, рассчитаем затраты на капитальные ремонты технологических установок на планируемый год. Данные для расчета и его результаты приведены в табл. 5.

Таблица 5

№ п/п	Наименование установок	Затраты на капитальный ремонт единицы ремонтной сложности, тыс. р.	Ремонтная сложность установки	Затраты на капитальный ремонт установки, тыс. р.
1	АТ-1	316,8	112	35 481,6
2	АТ-6	316,8	114	36 115,2
3	АВТ-6	—	—	—
4	АВТ-2	316,8	166	52 588,8
5	ЭЛОУ-2	316,8	7	2217,6
	Итого по цеху № 1	316,8	399	126 403,2
6	Битумная № 1	316,8	29	9187,2
7	Битумная № 2	—	—	—
	Итого по цеху № 2	316,8	29	9187,2
8	Л-35-11/600	—	—	—
9	ЛЧ-35-11/1000	—	—	—
10	Л-24/6	—	—	—
11	ЛГ-24/7	316,8	25	7920,0
12	ЛЧ-24/2000	316,8	17	5385,6
13	Л-35-11/300	—	—	—
	Итого по цеху № 4	316,8	42	13 305,6
14	ЛГ-35-8/300Б	316,8	65	20 592,0
15	ЛЧ-35-11/600	316,8	33	10 454,4
16	ПО-ксилолы	—	—	—
17	КСК	—	—	—
	Итого по цеху № 5	316,8	98	31 046,4

Окончание табл. 5

№ п/п	Наименование установок	Затраты на капитальный ремонт единицы ремонтной сложности, тыс. р.	Ремонтная сложность установки	Затраты на капитальный ремонт установки, тыс. р.
18	ГФУ	—	—	—
19	ТСБ-СУГ	—	—	—
	Итого по цеху № 6	—	—	—
20	ПАРЕКС № 1	316,8	73	23 126,4
21	ПАРЕКС № 2	—	—	—
22	УПСК № 1	316,8	66	20 908,8
23	УПСК № 2	—	—	—
24	Элементарной серы	—	—	—
	Итого по цеху № 9	316,8	139	44 035,2
	Всего по установкам	316,8	707	223 977,6

Использование предлагаемой методики расчета условной единицы ремонтной сложности ориентировано не только на планирование трудозатрат и денежных затрат на капитальный ремонт технологических установок, но и на текущие затраты всех других ремонтных работ, включая межремонтное обслуживание технологических установок и по каждому основному производственному цеху, а также по предприятию в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курочкин А. С. Организация производства: учеб. пособие. М.: МАУП, 2001. 216 с.
2. Кузнецов Г. С., Жолнерович М. П. Нормирование труда в нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. М.: Химия, 1979. 294 с.
3. Синицын М. П., Михайлов Ю. И., Лаптев Н. В. Управление инфраструктурой химического предприятия: учеб. пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2007. 245 с.
4. Михайлов Ю. И. Планирование на предприятии: конспект лекций. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 120 с.

Yu. I. Mikhaylov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

METHODICAL PRINCIPLES OF APPLICATION OF SLIDING PLANNING IN THE SYSTEM OF REPAIR WORKS OF OIL REFINERIES

The article considers the main statements of the methodology of sliding planning of repair works by the example of oil refineries of the Russian Federation. An indicator of conventional unit repair complexity is proposed and recommended for use when planning repair works of a company.

Sliding planning, repair works, overhaul repair, maintenance of equipment, conventional unit repair complexity, the reference production unit, costs of overhaul repairs of technological plant

УДК 32:329.052

Н. П. Пименов

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ВНЕСИСТЕМНОЙ ОППОЗИЦИИ: ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

Рассматривается внесистемная оппозиция как активный участник политических коммуникаций в современной России. Дается ее краткая характеристика – основные этапы развития, направления, партии. С помощью данных социологических исследований описывается рядовой участник протестов и демонстрируется падение популярности представителей внесистемной оппозиции. Определяются причины кризиса, выявляется закономерность событий и оцениваются перспективы развития.

Власть, внесистемная оппозиция, портрет протестующего, митинг, выборы

Многочисленные конфликты и конфликтные ситуации – реальность современного российского общества. Динамика общественного мнения по вопросам политического доверия свидетельствует о том, что в обществе назревает социально-политический и институциональный кризис, разрешение которого невозможно без внесения коренных изменений в структуру власти и положение отдельных политических групп. На этом фоне активизировалась внесистемная оппозиция, которая стремится возглавить протестное движение в России. Однако если в акциях протеста в 2011–2012 гг. принимало участие порядка 100 тыс. человек, то в марте 2015 г. численность протестующих составила всего несколько тысяч, а в сентябре 2015 г. на выборах в Костромской области Демократическая коалиция набрала всего 2 %. Все это указывает на кризис внесистемной оппозиции. Определение причин происхождения этого кризиса поможет понять перспективы участия последней в борьбе за власть в будущем.

Под внесистемной оппозицией понимаются незарегистрированные партии и движения и зарегистрированные партии, не преодолевшие избирательного барьера на выборах и не представленные в органах власти (за исключением незначительного представительства на региональном и муниципальном уровнях). Они имеют некоторую электоральную поддержку, что позволяет им функционировать в качестве самостоятельных политических акторов и принимать участие в избирательном процессе. Это обстоятельство (незначительное количество мандатов) принципиально важно, ибо одним из самых активных участников внесистемной оппозиции является партия ПАРНАС – с сентября 2013 г. она была представлена в Ярославской областной думе единственным депутатом Б. Немцовым, после гибели которого лидером регионального отделения партии стал В. Цепенда [1].

В истории внесистемной оппозиции в России можно выделить два этапа. Первый этап с начала 1990-х гг. продолжался до сентября 2011 г. В рамках первого этапа внесистемная оппозиция могла занимать определенное место в политической системе страны, но без

реальных шансов принимать участие в выборах и с весьма суженными возможностями проводить санкционированные акции. Оппозиция могла, как минимум, существовать, проводить свои мероприятия, создавать разные структуры, которые между собой постоянно конкурировали и никакой серьезной политической угрозы для власти не представляли.

Второй этап начался после того, как Д. А. Медведев предложил кандидатуру В. В. Путина на пост президента РФ на съезде партии «Единая Россия» 24 сентября 2011 г. Эскалация конфликта произошла после выборов в Государственную Думу VI созыва 4 декабря 2011 г., когда начались первые массовые акции протеста в Москве и Санкт-Петербурге. Именно второй этап и представляет наибольший исследовательский интерес, поскольку он продолжается по настоящее время.

Ныне внесистемная оппозиция включает в себя следующие направления:

- общедемократические движения: «Партия Прогресса», «ПАРНАС», «Солидарность», «Объединенный гражданский фронт», «Оборона», «Партия 5 декабря» и другие;
- правые движения: «Демократический союз», «Демократический выбор», Либертарианская партия;
- левые движения: Левый фронт, РОТ Фронт, Российское социалистическое движение, Социал-демократическая партия России;
- левые националистические движения: «Другая Россия», «Родина: здравый смысл», «Армия воли народа»;
- другие националистические движения: «Русские», Русский гражданский союз;
- анархисты, Пиратская партия.

В числе более или менее крупных акций и кампаний внесистемной оппозиции можно назвать следующие:

- «Марши несогласных» – уличные акции с требованием демократизации России, организованные коалицией «Другая Россия» и проходившие в крупных городах с 2005 по 2008 г.
- «День гнева» – митинги против социально-экономической политики властей, за политические свободы и местное самоуправление. Эти митинги проходили в 2009–2011 гг.
- «Стратегия-31» – акции в защиту свободы собраний, гарантированной 31-й статьей Конституции России, проходившие по 31-м числам месяцев, в которых есть такое число, в 2009–2014 гг. Численность митингующих не превышала 2 тыс. человек, хотя сами акции проходили примерно в 40 городах России и десятке городов за рубежом. Однако после того, как «Стратегия-31» была санкционирована властями, она изменила формат и стала посвящаться поддержке ополченцев на Востоке Украины [2]. После двух подобных акций она прекратила свое существование.
- «Путин должен уйти» – сбор подписей за отстранение В. В. Путина от власти, которое ведется с 2010 г. На сегодня собрано около 150 800 подписей. Темпы сбора в последние годы сильно замедлились, однако сайт кампании продолжает регулярно обновляться. В 2010–2011 гг. проходили также митинги за отставку Путина.
- Распространение докладов об итогах деятельности В. В. Путина: «Путин. Итоги» (2008) и др. Все доклады были подготовлены Б. Немцовым лично или на основе собранных им материалов.

- Митинги за честные выборы, которые проводились с декабря 2011 по февраль 2012 г. Самыми многочисленными стали московские акции 10 декабря на Болотной площади и 24 декабря 2011 г. на проспекте Сахарова, на которых присутствовало, по данным организаторов, свыше 100 тыс. человек.

Позднее последней крупной акцией должен был стать Антикризисный марш «Весна» 1 марта 2015 г., вместо которого был проведен траурный марш в память погибшего Б. Е. Немцова.

- Проекты председателя «Партии Прогресса» А. Навального, направленные против коррупции и государственной пропаганды – «РосПил», «РосЯма», «РосВыборы», «Добрая машина правды», «РосЖКХ», позднее объединенные в «Фонд борьбы с коррупцией».

В период с 2011 по 2015 г. внесистемная оппозиция предприняла две попытки объединения. Первоначально была совершена попытка создания координационного и экспертного советов оппозиции. Выборы в КСО прошли 21 октября 2012 г. Был избран совет из 45 человек, в составе которого 30 членов было избрано по общегражданскому списку и по 5 членов от либералов, левых и националистов. В итоге в нем были представлены «ПАРНАС», «Народный альянс» (сейчас «Партия Прогресса»), «Партия 5 декабря», «Гражданская платформа», Национально-демократическая партия, «Левый фронт», «Солидарность», «Объединенный гражданский фронт».

Главной целью КСО называлась реализация резолюций, звучавших на акциях протеста 2011 и 2012 гг. Однако спустя год Координационный совет оппозиции прекратил свое существование, поскольку истек срок его полномочий. Новые выборы назначены не были из-за значительных разногласий внутри совета по ряду вопросов и низкого доверия у «несогласного электората» [3].

В конце 2012 г. был создан Экспертный совет оппозиции (ЭСО), состоявший в основном из кандидатов, не набравших необходимое число голосов на выборах в КСО. Причиной его учреждения стал ряд претензий к координационному совету, среди которых назывались неэффективность работы, фракционная борьба, отрыв от избирателей и от регионов, отсутствие стратегии. ЭСО были созданы рабочие группы по различным вопросам, организованы круглые столы, проведены шествие и митинг 5 мая 2013 г. в «защиту политзаключенных» и даже объявлен «Конкурс планов восстановления конституционной законности в России». Однако к середине 2014 г. ЭСО фактически прекратил деятельность.

17 апреля 2015 г. «Партия Прогресса» и «ПАРНАС» подписали соглашение о формировании Демократической коалиции. 20 апреля в коалицию вошло еще 4 партии – «Демократический выбор», «Гражданская инициатива», «Партия 5 декабря», Либертарианская партия. Но уже в мае того же года «Гражданская инициатива» решила выйти из коалиции. Кроме того, о поддержке коалиции заявили общественная организация «Открытая Россия» и движение «Солидарность».

Сейчас Демократическая коалиция – это объединение, которое «дает возможность идти на выборы всем лучшим представителям оппозиции, вне зависимости от партийной принадлежности» [4]. Списки формируются по принципу конкуренции путем проведения праймериз, анализа результатов социологических опросов и других подобных процедур на базе партии «ПАРНАС». Демократическая коалиция собирается принять участие в выборах в Государственную думу в 2016 г.

Принимая во внимание все перечисленные обстоятельства, можно сделать вывод о новых детерминантах активизации протестных настроений. В этом отношении отдельного внимания заслуживают акции протеста дальнобойщиков, которые прошли в 70 городах России в ноябре 2015 г. Причиной послужило введение в эксплуатацию системы по взиманию налогов с водителей «Платон». Эта акция примечательна количеством используемых инструментов. Основным методом протеста – акция «Улитка», в которой грузовики выстраиваются в колонну, заняв всю дорогу, и движутся со скоростью примерно 5–10 км в час, что практически парализует движение. Второй метод – «пеший». Протестующие начинают переходить по пешеходному переходу туда и обратно, перекрывая таким образом движение. Третий, классический, метод – это митинги и одиночные пикеты. Такие акции прошли в Калуге, Уфе, Пензе, Туле и других городах. Наконец, в Бурятии дальнобойщики устроили «безмолвную» акцию, в рамках которой просто отказывались выходить в рейсы на платные дороги [5].

Внесистемная оппозиция в лице «Партии Прогресса» начала активно поддерживать дальнобойщиков не только морально, но информационно и юридически: юристы московского отделения «Партии Прогресса» (правозащитное движение «Прогрессивное Право»), специализирующиеся на правовой поддержке граждан с активной общественной и политической позицией, выразили готовность оказывать юридическую поддержку всей акции [6].

Сама внесистемная оппозиция за 2014–2015 гг. провела только две масштабные акции. Во-первых, вместо запланированного антикризисного марша «Весна» 1 марта проводилось траурное шествие в память убитого оппозиционера Б. Немцова. Согласно официальным данным, в нем приняла участие 21 тыс. человек, организация «Белый счетчик» насчитала 51,5 тыс., а организаторы – 70–100 тыс. участников. Здесь были представлены основные силы внесистемной оппозиции («Партия Прогресса», «ПАРНАС», «Солидарность», «Партия 5 декабря», Либертарианская партия, «Демократический выбор») [7].

Второй митинг прошел в московском районе Марьино 20 сентября 2015 г. В нем приняли участие представители «Партии Прогресса», «Солидарности», «Демократического выбора», «Партии 5 декабря» и «ПАРНАСа». Под лозунгом «За сменяемость власти» собралось от 4 до 8 тыс. человек [8].

В ноябре 2013 г. ВЦИОМ представил данные о том, как россияне оценивают роль оппозиции в жизни страны и ее шансы прийти к власти на выборах по сравнению с прежними годами (7–8 лет назад). 28 % полагают, что ее влияние возросло (в 2005 г. таких было 22 %), 30 % – напротив, склонны думать, что оно снизилось, а 32 % – что оно не изменилось за этот период (ранее – 21 %). При этом в том, что роль оппозиции возросла, уверены сегодня, прежде всего, сторонники внесистемной оппозиции (42 %). По второму вопросу результаты таковы: 37 % опрошенных склонны считать, что сегодня у оппозиции меньше шансов прийти к власти, чем прежде [9].

В начале 2014 г. ВЦИОМ представил данные по индексу общественного протестного потенциала в России, который показывает, насколько граждане считают возможными массовые акции протеста. Чем выше значение индекса, тем больше респонденты уверены в возможности прохождения акций протеста в их населенном пункте. Своего максимума за пять лет индекс достиг в декабре 2011 г. (38 пунктов), после чего неуклонно снижался. В декабре 2012 г. этот показатель достигал 33 пунктов, столько же на протяжении почти всего 2013 г. В январе 2014 г. индекс уже составлял 31 пункт.

Схожую динамику демонстрирует и другой параметр – индекс личного протестного потенциала, который показывает готовность россиян к участию в массовых акциях протеста: чем выше его значение, тем больше респондентов декларируют готовность принять участие в протестах. Согласно анализу ВЦИОМа, он снизился с 32 пунктов в декабре 2011 г. до 28 пунктов в январе 2014 г. Опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения также свидетельствует, что 74 % россиян считают, что участникам митингов не удалось ничего добиться, а каждый второй полагает, что волна протестных настроений в РФ закончилась [10].

В июне 2014 г. ВЦИОМ представил рейтинг доверия политической оппозиции, в соответствии с которым доверить решение важных государственных вопросов среди представителей оппозиционных партий россияне могли бы лидеру КПРФ Г. Зюганову (6,7 %) и лидеру ЛДПР В. Жириновскому (6,3 %). Причем в 2013 г. эти же показатели составили 8 и 7,2 % соответственно. Рейтинг доверия «молодым» оппозиционерам оказался крайне низок. Так, доверие бывшему лидеру партии «Гражданская платформа» М. Прохорову выразили лишь 0,7 % опрошенных (за два года эта цифра уменьшилась в 4 раза против 3,2 % в 2012 г.). На последней строчке в рейтинге доверия находится председатель «Партии Прогресса» А. Навальный, чьи позиции также заметно снизились до 0,1 % в мае 2015 г. против 0,5 % в январе 2014 г.

В то же время лидером «народного антирейтинга» является В. Жириновский. Свое недоверие ему выражает каждый пятый россиянин (20,6 %). Для сравнения, в 2013 г. этот показатель составлял 19,6 %. Далее следует Г. Зюганов (8,4 %), М. Прохоров (4,6 %), лидер «Справедливой России» С. Миронов (3,3 %) и А. Навальный (1,9 %), недоверие к которому за год существенно возросло [11]. Другой опрос позволил ВЦИОМу выделить три категории участников протеста: «ядро» – принимали участие как минимум в трех акциях протеста и собираются участвовать в подобных акциях и в дальнейшем (54 %); «периферия» – периодически участвуют в акциях и ведут себя часто ситуативно, хотя интерес к протестным действиям выражен (30 %); «попутчики» – впервые принимают участие в акции протеста (16 %) [12].

В феврале 2015 г. социологический центр ЦИМЭС провел опрос среди пользователей социальных сетей на тему, кто чаще всего принимает участие в протестных митингах и шествиях. Большинство опрошенных (30 %) ответили, что считают участников маршей просто оппозиционерами, которые в современной России ни разу не предлагали ничего конструктивного, хотя имеют право на свою точку зрения. 26 % респондентов посчитали участников подобных шествий национал-предателями, которые хотят ослабить Россию и делать все в угоду Западу. Каждый пятый опрошенный из России (21 %) видит в участниках оппозиционных акций обычных людей, которые просто обращают внимание на проблемы в стране и требуют от власти либо их решения, либо отставки. Лишь 6,5 % респондентов заявили, что принимают участие в таких маршах патриоты, которые придерживаются активной социальной и политической позиции [13].

В это же время ВЦИОМ провел еще один опрос, в результате которого выяснилось, что только 8 % граждан считают акции протеста единственным способом решения «острых проблем», которых 36 % россиян вообще не видят. Еще 14 % затруднились с ответом. Остальные респонденты в качестве проблем назвали «высокую инфляцию, рост цен» (28 %); «низкие зарплаты, низкий уровень жизни» (13 %); «высокие цены на ЖКУ» (12 %); «безработицу» (11 %); состояние дорог (7 %), состояние здравоохранения (5 %); коррупцию и бюрократию (3 %); невозможность купить жилье (3 %) [14].

Проведенные социологические опросы также позволяют составить портрет протестующего. Согласно ВЦИОМу среди участников митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 г. преобладали мужчины (71 %), моложе 45 лет (71 %), высокообразованные (56 %), со средним (56 %) или высоким (27 %) материальным положением. 18 % опрошенных на митинге оказались офисными работниками, 12 % – госслужащими, 11 % – рабочими, 10 % – работниками сферы информационных технологий. Кроме того, 9 % пришедших – пенсионеры, 8 % – студенты. Большинство являются активными пользователями Интернета (60 % опрошенных пользуются им ежедневно). Среди митингующих чаще встречались сторонники либеральных и демократических ценностей: так, 23 % относят себя к демократам, 18 % – к либералам. Приверженцев коммунизма оказалось 7 %, социал-демократии – 4 % и социализма – 2 %.

Две трети участников пришли на митинг с друзьями и знакомыми (69 %), а 23 % опрошенных участвовали в акции в одиночку. Главным источником информации о митинге были новостные интернет-ресурсы (70 %), вторым по популярности стало «сарафанное радио» (друзья, родственники) (38 %), третьим – телевидение (35 %). Удивительно, но в социальных сетях информацию получили только 22 % опрошенных, в блогах еще меньше – 8 % [12]. ЦИМЭС в своем Интернет-исследовании выявил, что в 2015 г. наибольшую поддержку оппозиционеры получили у молодых россиян в возрасте до 18 лет, в этой возрастной группе их поддержали 37,4 %. А наиболее негативно к ним отнеслись люди старшего поколения (45–54 года), среди ответов которых 69 % содержали неодобрение оппозиции [13].

Согласно ВЦИОМ социально-психологический облик участников акций протеста также определяют три фактора: ярко выраженная потребность в самореализации, высокая степень недовольства изменением ситуации в стране и в своей жизни. Для подавляющего большинства участников акций (78 %) самореализация является первоочередной ценностью, ради которой они готовы пренебречь стабильностью своего положения. Материальная самооценка не является фактором, определяющим жизненные приоритеты этой группы.

Около половины опрошенных участников акции (49 %) заявили о недовольстве своей жизнью. Степень недовольства повышается с ухудшением материального положения участников акции (с 28 % среди высокообеспеченных до 83 % среди малообеспеченных). Зависимость данного показателя от возраста носит менее выраженный характер. Наименьший уровень удовлетворенности отмечен среди пенсионеров (19 %), максимальный зафиксирован у респондентов в возрасте 25–34 лет (61 %).

Третий фактор, определяющий социально-психологический портрет участников акций протеста, – оценка изменения ситуации в стране в целом: 64 % опрошенных участников акций уверены, что она ухудшается. Им оппонируют только 10 %. Наибольшее количество недовольных – среди пожилых и малообеспеченных участников акций (87 и 83 % соответственно) [12].

Данные ВЦИОМ совпадают с результатами опросов «Левада-Центра», который сравнил их с показателями по стране и выявил, что протестующие сильно отличались от большинства российского населения: по своей активности, образованию, характеру коммуникаций и включенности в различные коммуникативные сети, благосостоянию, политическим пристрастиям.

Для полноты картины необходимо представить данные не только ВЦИОМ, но и социологической службы Фонда борьбы с коррупцией (ФБК) – некоммерческой организации, созданной А. Навальным. В январе 2015 г. они провели большое исследование, чтобы

лучше понять настроения москвичей относительно митингов и выявить их предпочтения относительно мест проведения, тем, способов донесения информации и т. д. Для этого ФБК сначала определили группу «непутинских» респондентов, в которую вошли те, кто сообщал, что не планирует голосовать за действующего главу государства. Они набирали таких респондентов до получения правильно составленной выборки в 1200 человек. Внутри нее они вычленили «митингующих», то есть тех, кто принимал участие в одном из митингов 2011–2014 гг. или не принимал, но хотел бы – 17 %.

Итак, чаще всего «непутинские» узнают новости из Интернет-изданий (59 %) и федеральных телеканалов (55 %). При этом подавляющее большинство Всемирной сетью пользуется каждый день или почти каждый день (72 %). Именно оттуда многие участники опроса (52 %) узнали про последний митинг, на который собирались пойти. В то же время 16 % вообще Интернетом не пользуются. К массовым мероприятиям – митингам – 50 % опрошенных относятся «скорее положительно» и «положительно» и 36 % – «скорее отрицательно» и «отрицательно». Более того, 19 % респондентов ничего не знали про протестные акции 2011–2013 гг., что свидетельствует о важности информационной работы. Больше половины опрошенных (67 %) поддерживает и участников несанкционированных митингов.

Наконец, темы, которые больше всего волнуют респондентов, – это здравоохранение (67 %), образование (55 %), рост цен (45 %), коррупция (43 %), независимый и честный суд (37 %) [15]. Демократические ценности сами по себе дороги лишь небольшой части населения, но на их основе может быть выстроена программа достижения более справедливого общественного устройства. В целом результаты, представленные социологической службой Фонда борьбы с коррупцией, вполне логичны в плане поддержки акций протеста и в очередной раз доказывают, что не все противники действующего правительства поддерживают представителей внесистемной оппозиции.

В отличие от них легитимность российской власти в глазах большинства крайне высока. Одним из показателей устойчивости является одобрение деятельности В. Путина на посту президента подавляющим числом россиян: в марте – 76 %, в апреле – 82 %, в мае 2014 г. – 86 %, а в октябре 2015 г. – 90 % [16]. Принято считать, что главными факторами стремительного роста популярности главы государства стали присоединение Крыма, победа на Олимпийских играх в Сочи в 2014 г., масштабное противостояние Западу и успешная антитеррористическая операция в Сирии.

Высокий рейтинг власти означает, что широкая протестная активность маловероятна. Однако нельзя не отметить нарастающие в обществе растерянность и недовольство, вызванные падением цен на нефть, введением санкций и углублением экономического кризиса.

В то же время в обществе остается стабильно высоким спрос на антикоррупционные расследования, которыми известна внесистемная оппозиция, в первую очередь, А. Навальный. 1 декабря 2015 г. он опубликовал фильм о семье действующего Генерального прокурора РФ Ю. Чайки. За два дня он набрал в Интернете 2,5 млн просмотров, став на тот момент одним из самых популярных в Рунете. Практически все интернет-издания написали сразу несколько заметок об этой киноленте.

Таким образом, за последние несколько лет накоплен значительный опыт совместной работы между политиками, гражданскими активистами, журналистами, в рамках которой большое количество разнообразных и взаимосвязанных гражданских инициатив демонстрировали способность к институционализации и к созданию новых организационных

структур, свидетельствующую о том, что внесистемная оппозиция представляет собой уже вполне осязаемую силу в современной политической жизни России. Учитывая также то, что власть вместо модернизации политических институтов перешла к резкому ужесточению законодательства, точечным репрессиям и громким политическим процессам над оппонентами, не снимающим системных противоречий, массовые протесты могут только расти [17]. Консервация политического режима дает временную передышку, но при этом сохраняет источники внутренней нестабильности, находящиеся в самой системе авторитарной власти, и никак не способствует ее демократизации и эффективности.

Намеренное разрушение гражданских структур, которые обеспечивали в прошлом мирное развитие событий, повышает вероятность нового всплеска общественного недовольства, к которому внесистемная оппозиция активно готовится. И если число участников массовых манифестаций в 2011–2012 гг. было велико из-за совпадения целого ряда причин (чувства неопределенности и незащищенности, вызванного экономическим кризисом, отсутствия привычного для периода предвыборной мобилизации организованного консенсуса, падения рейтингов партии власти и первых лиц на протяжении всего 2011 г., неудачной избирательной кампании «Единой России», которая не смогла мобилизовать своих сторонников и др.), то в настоящее время произошло совпадение интересов различных политических и социальных групп, обладающих разной мотивацией и объединившихся в своем неприятии действующего политического режима. Правда, внесистемной оппозицией так и не были представлены ни четкий план общих действий, ни единая организационная структура, включая консолидирующих разнородные массы авторитетного лидера и политической программы. Поэтому власти быстро и без труда смогли дискредитировать оппозиционеров и снизить их значимость.

Подводя итог изложенному, можно предположить, что у внесистемной оппозиции есть определенный политический потенциал и сторонники. Однако отсутствие у нее альтернативной стратегии развития страны не позволяет ей выступать в качестве реальной альтернативы действующей власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мандат Немцова в Ярославской облдуме отдали лидеру местного отделения «РПП-ПАРНАС». URL: <http://www.interfax.ru/russia/434175> (дата обращения: 09.12.2015).
2. На акции «Стратегия-31» Лимонов призвал воевать за ДНР и ЛНР. URL: <http://www.svoboda.org/content/article/25477024.html> (дата обращения: 09.12.2015).
3. Координационный совет оппозиции перестал существовать. URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949989292112> (дата обращения: 09.12.2015).
4. Навальный А. Объединение состоялось, у нас будет предвыборный список. URL: <https://navalny.com/p/4206/> (дата обращения: 09.12.2015).
5. Дорожная карта. Протест дальнобойщиков. URL: <http://zona.media/online/antiplaton/> (дата обращения: 09.12.2015).
6. Навальный А. Нечто, что никто не знает о системе «Платон». URL: <https://navalny.com/t/719/> (дата обращения: 09.12.2015).
7. Рустамова Ф., Ульянова Ж. «Я не боюсь»: десятки тысяч человек пришли на марш памяти Бориса Немцова. URL: <http://www.rbc.ru/politics/01/03/2015/54f342fc9a794755cafcdbde8> (дата обращения: 09.12.2015).
8. В митинге оппозиции в Марьино приняли участие около 4 тысяч человек. URL: <http://www.interfax.ru/moscow/467962> (дата обращения: 09.12.2015).

9. Оппозиция и власть в России: вчера и сегодня. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114594> (дата обращения: 09.12.2015).

10. ВЦИОМ: протестный потенциал в России снижается. URL: <http://tass.ru/obschestvo/911167> (дата обращения: 09.12.2015).

11. Рейтинги доверия политической оппозиции. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114856> (дата обращения: 09.12.2015).

12. Социальный портрет протестного движения в Москве. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112859> (дата обращения: 09.12.2015).

13. Кто ходит на оппозиционные митинги? URL: <http://cimes.pro/what-is-street-opposition/> (дата обращения: 09.12.2015).

14. Иванов М., Хамраев В. Население готово к протестам на 8 %. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2669349> (дата обращения: 09.12.2015).

15. Навальный А. Митинговая социология. URL: <https://navalny.com/p/4119/> (дата обращения: 09.12.2015).

16. Рейтинг Путина – на новой рекордной высоте. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115438> (дата обращения: 09.12.2015).

17. Волков Д. Станет ли российское протестное движение массовым? URL: <http://im-russia.org/ru/аналитика/общество/2179-станет-ли-российское-протестное-движение-массовым> (дата обращения: 09.12.2015).

N. P. Pimenov

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

THE CRISIS OF NON-SYSTEM OPPOSITION: A TREND OR AN ACCIDENT?

The article describes non-system opposition as an active participant of political communication in modern Russia. Its brief description is given – the main stages of the development, direction, parties. An ordinary protester is described with the help of sociological research data and waning popularity of the non-system opposition representatives is demonstrated. The paper explains the crisis causes, identifies events patterns and estimates prospects.

Power, non-system opposition, portrait of a protester, rally, elections

УДК 301

М. П. Замотин

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ МИГРАЦИИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Приводится обзор изучаемых стратегий интеграции мигрантов из стран Средней Азии, описываются особенности выбора миграционных траекторий, поднимается вопрос о необходимости изучения образовательных стратегий молодых людей из стран Средней Азии.

Миграция, интеграция, адаптация, мигранты, Средняя Азия

Миграции в современном мире являются объективным и глобальным процессом, в который вовлечено большое количество стран. Как известно, сам феномен миграционных процессов не нов: на протяжении всей истории человечества мы можем наблюдать различ-

ные примеры, начиная с великого переселения народов и заканчивая практиками трудовой миграции (сезонные миграции, батрачество и т. п.). Сегодня миграция стала одним из основных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира, охватив континенты, государства, активно влияя и видоизменяя устоявшиеся политические, экономические и социальные отношения. Масштабные миграции можно рассматривать как результат проектов модернизации и глобализации развивающихся демографических, социально-экономических, политических, социокультурных процессов – они целостно и системно характеризуют динамику общественной жизнедеятельности во всех ее проявлениях [1].

Россия вовлечена в международные миграционные связи в качестве принимающей стороны с 90-х гг. XX в., но с 2000-х гг. масштабы и объемы миграционных потоков значительно увеличились. Речь идет о мигрантах с постсоветского пространства, большинство из которых составляют приезжие из стран Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан), а также из Украины, Молдовы, Беларуси, Армении, Азербайджана. Поскольку мигранты приезжают в Россию из разных государств и представляют различные социокультурные общности, перед ними встает проблема включения в реалии социальных, культурных, экономических и других связей принимающего общества, освоения нормативных правил поведения, ознакомления с деятельностью и механизмами основных социальных институтов и пр. С этой проблемой связаны вопросы, которыми неустанно задаются исследователи и политики: что из себя представляют мигранты и как обеспечить процесс их интеграции в принимающее общество.

Большинство социологических исследований миграции в современной России базируется на интеграционных подходах. Поскольку понятие интеграции относительно и зависит от того, в каком контексте оно употребляется, дать ему однозначное определение не представляется возможным. Но именно сложность и неоднозначность этого явления делает его важным и интересным в практическом использовании.

Для того чтобы понять, как концептуализировать понятие интеграции в разных контекстах, необходимо посмотреть на сферы его использования. Чаще всего понятие интеграции используется в общественно-политическом дискурсе и дискурсе социальных наук. В научном дискурсе понятие интеграции представляет собой аналитическую категорию, которая трактуется в зависимости от методологического подхода исследователя. Для политики оно является инструментом в управлении миграционными потоками – их упорядочивании и дифференциации. Несмотря на то, что академические исследования могли бы снабдить политиков необходимыми рекомендациями для выработки форм и механизмов интеграции и решения возникающих проблем, на практике этого не происходит.

Рассмотрим подробнее попытки определить понятия, которые в политическом дискурсе зачастую используются нерелексивно, без каких-либо пояснений. В. С. Малахов определяет интеграцию мигрантов как включение иммигрантов и их потомков в социальные институты принимающей страны. Синонимом интеграции выступает социальное инкорпорирование, антонимом – социальное исключение. Интеграция мигрантов протекает благодаря процессам аккультурации и/или культурной адаптации. При этом очень важно подчеркнуть, что значение этих терминов претерпело в последние десятилетия существенные изменения [2, с. 5]. В литературе существует множество понятий и категорий, с помощью которых можно описать характер и степень включенности (инкорпорированности) мигрантов в принимающее сообщество. Наиболее часто встречающиеся термины – адаптация, ассимиляция, интегра-

ция. К сожалению, эти термины перестали рассматриваться критически, что привело к размыванию смыслов и употреблению их в качестве синонимов.

Адаптация – это процесс приспособления человека к изменяющимся условиям внешней среды – новому месту жительства, нормам и правилам поведения принимающего сообщества, различным повседневным практикам, формам трудовой организации, коммуникации и пр. Как правило, это односторонний процесс, в который вовлечен конкретный индивид. Степень адаптированности зависит как от личностных качеств и характеристик отдельного человека, так и от внешних условий.

Ассимиляция предполагает постепенный отказ от собственной культурной идентичности под воздействием новой культуры и полное принятие ее ценностей и норм. При этом ассимиляция рассматривается как закономерный и единственный результат жизнедеятельности иммигрантов в принимающем обществе. Данный процесс происходит на групповом уровне, поскольку мигранты как члены группы должны полностью принять требования, нормы принимающего сообщества, вследствие чего они обретают новые социальные характеристики и культурные особенности принимающего общества. Ассимиляция предполагает установку на гомогенность общества, социальные, культурные и другие признаки которого полностью заменяют имеющиеся у мигранта собственные идентичности.

В современном российском контексте использование этого термина не представляется адекватным, поскольку реализация подобных практик невозможна. Это зависит, во-первых, от того, что российское общество само по себе очень неоднородно по социальным, культурным, конфессиональным и другим признакам. Возникают вопросы – где, с кем и в какой среде или группах мигранты должны «раствориться»? Во-вторых, ассимиляция предполагает утрату ассимилируемой группой собственного языка, культурных и социальных особенностей, самосознания. Кроме того, постоянные массовые перемещения людей делают этот процесс невозможным.

С термином «интеграция» также возникают определенные сложности. Процесс интеграции предполагает двусторонний процесс приспособления и трансформации, в который вовлечены как сами мигранты, так и принимающее сообщество. Как я уже писал ранее, проблема интеграции предполагает как минимум два способа измерения и реализации – в области науки и политики. Очевидно, что интеграция мигрантов относится к числу таких явлений, которые с трудом поддаются управлению из-за сложности контекстов и носят непреднамеренный характер. «Интеграция есть результат цепочки выборов и решений, которые индивид совершил, не ставя перед собой цели “интегрироваться”. В то же время политика интеграции, предпринимаемая теми или иными государственными институтами, далеко не всегда приводит к желаемым результатам» [2, с. 8]. Это связано с тем, что принимающее общество также претерпевает изменения с появлением новых «других». Сформировались условия, которые сделали российские города более разнообразными по таким критериям как язык, конфессиональные различия, мультиэтничность, культурные образцы, формы поведения. При этом люди должны учиться жить в ситуации культурного разнообразия, формировать новые стратегии поведения, преодолевать ксенофобию.

Социологические опросы периодически фиксируют рост и спад ксенофобских настроений, особенно в крупных городах. Сотрудники «Левада-Центра» приводят такие данные репрезентативных опросов «Ксенофобские и националистические настроения среди россиян», опубликованные на сайте организации от 25.08.2015: «Рекордное число

россиян стало лояльно относиться к нелегальным иммигрантам, свидетельствует опрос “Левада-Центра”. Двое из пяти (41 %) опрошенных социологами в августе считают, что незаконно находящихся в стране иммигрантов из стран ближнего зарубежья нужно легализовать, помочь им получить работу и ассимилироваться в России. Подобный уровень лояльности беспрецедентен – в прошлом году этот вариант ответа выбрали в два раза меньше респондентов (19 %), с 2006 года этот показатель колебался между 15–35 % <...> Примерно столько же опрошенных (43 %), отвечая на вопрос социологов, что следует делать с нелегальными иммигрантами, сказали, что их нужно выдворять за пределы России, – но для этого варианта ответа это рекордно низкий показатель.

Изменение настроений россиян является результатом снятия вопросов, связанных с миграцией, с публичной повестки – на это влияет отсутствие громких происшествий на национальной почве, снижение числа телепередач, негативно характеризующих мигрантов, в целом снижение внимания СМИ к тематике, пишут социологи “Левада-Центра” в комментарии к опросу. Кроме того, отмечают они, играет роль частичное замещение привычного объекта ксенофобских нападок последних лет (“выходцев из южных республик”) новыми или “реанимированными” категориями – “фашистами” и “американской угрозой” на восточной Украине. Несмотря на видимую стабилизацию ситуации в сфере международных отношений, изоляционистские установки сохраняются, а враждебность по отношению к “другим” перешла в спящий режим безразличия... Общественное сознание далеко от состояния, именуемого в советский период “дружбой народов”»¹.

Эксперты «Левада-Центра» обращают внимание на важный индикатор регулирования настроений населения, а именно – СМИ. Но даже при самых благоприятных результатах опросов (которые не могут являться абсолютными показателями) вопросы взаимодействия местного населения и мигрантов никуда не исчезнут и проблема отчужденности может обостриться.

Очевидно, для того, чтобы рассуждать об интеграции, необходимо для начала разобраться с ее «объектом» и определить, какие смыслы вкладываются в само понятие «мигрант». Российские исследователи указывают на два основных измерения понимания слова и термина «мигрант». Первое – правовое (официальный язык), второе – обыденное.

С. Н. Абашин отмечает, что в российских законах нигде четко не устанавливается, какого человека можно называть мигрантом, обозначает ли это слово определенную категорию и как оно соотносится с действующим правовым статусом человека, приехавшего из другого государства. «В законе от 1993 г. “О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации” говорится только о регистрации граждан по месту постоянного или временного проживания. Слово “миграция” в этом случае упоминается только в названии “федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции”, за которым и закреплена функция регистрации (О праве граждан). Закон от 2002 г. “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” различает такие две категории, как иностранные граждане и лица без гражданства, и устанавливает несколько правовых режимов их пребывания на российской территории – “временно пребывающий иностранный гражданин”, “временно прожи-

¹ Аналитический центр Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/old/25-08-2015/loyalnost-rossiyan-k-migrantam-dostigla-rekordnogo-urovnya> (дата обращения: 02.12.2015).

вающий иностранный гражданин”, “постоянно проживающий иностранный гражданин”. При этом правовой статус имеет особенности при наличии или отсутствии визы, трудового соглашения и патента на трудовую деятельность и массы других обстоятельств, прописанных в законе. Слово “мигрант” при этом ни разу не употребляется» [3].

В обыденном языке «мигранты» или «гастарбайтеры» – это почти всегда трудовые мигранты-мужчины, выходцы из Средней Азии, которые приезжают на заработки и занимают нишу низкоквалифицированных низкооплачиваемых конкретных профессий, таких как строитель, грузчик, дворник, уборщик, разовый рабочий. В обыденном восприятии большинство мигрантов воспринимаются как нелегальные, разносчики инфекций, криминальные, с низким уровнем образования и т. п. Стоит обратить внимание, что подобный стереотипический набор не только маргинализирует этих людей в глазах принимающего общества, но и подогревает расистские и ксенофобские настроения населения, усиленно поддерживаясь средствами массовой информации. Подобная мифологизация образа мигрантов отличается относительной устойчивостью и определяет фокус понимания и изучения.

Для того чтобы преодолеть этот гомогенизирующий дискурс, можно обратиться к классификациям, с помощью которых удобно дифференцировать однородную на первый взгляд массу. Существует множество разных критериев для классификации мигрантов, одним из них является страна исхода (Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Украина и т. п.). В российской литературе иногда можно встретить отождествление представителя данных государств с предписываемыми ему этническими особенностями (отличиями), а следовательно – с этничностью. Следующим основанием для классификации служит цель приезда – на этом основании можно говорить об экономической (трудовой), образовательной, туристической миграции. По длительности пребывания мигранта в принимающей стране выделяются краткосрочная, циркулярная, долгосрочная миграция и т. д.

Безусловно, на практике данные критерии пересекаются – на протяжении своей жизненной траектории отдельно взятый человек может переходить из одной категории в другую, что зависит от многих неизвестных. Например, перемены в миграционном законодательстве, практики правоприменения, сложности в получении и поддержании документированного статуса, наличие постоянного жилья, наличие постоянной занятости и т. д. могут значительно повлиять на миграционное поведение целых групп.

Следует отметить, что выстраивание миграционной траектории никогда не происходит наобум. Поездки в Россию давно стали привычным явлением для многих жителей стран Средней Азии. Эффективно работают уже выстроенные экономические связи, бизнес-отношения, оказывают влияние интеграционные намерения, личные желания. Здесь следует остановиться на особенностях современных миграций вообще и в России в частности. Поскольку в научном и в обыденном дискурсе слова «иммигрант» и «мигрант» часто употребляются как синонимы, необходимо провести смысловое разделение этих понятий.

Иммигранты – иностранные граждане, более года проживающие на территории определенного государства с целью остаться там навсегда, получить гражданство и/или вид на жительство. Такое определение дает В. Малахов, однако его употребление проблематично, поскольку человек не всегда может четко определить свои намерения. Слово «мигрант» употребляется с разной смысловой нагрузкой – оно уже используется для обозначения мигрантов всех типов. В настоящее время миграция из стран Средней Азии не носит однозначный характер смены страны проживания. В отличие от классического понимания мигрантов, кото-

рые с течением времени либо становятся иммигрантами, либо возвращаются на родину, для нового типа мигрантов «кочевой» образ жизни уже является способом существования.

В связи с этим в 90-е гг. XX в. в миграционных исследованиях появляется новая парадигма транснационализма, которая на сегодняшний день является наиболее перспективной и активно развивается в Западной Европе и США. Представители транснационализма исходят из того, что национальные государства за последние несколько десятилетий лишились своей определяющей роли в миграционных процессах и предлагают новое понимание миграции в современном глобализованном мире. Современные мигранты – это люди, которые, временно приезжая на заработки или переезжая на постоянное место жительства, не теряют связей со своей родиной. Л. Прис разработал типологию мигрантов, добавив к уже известным и описанным типам новый тип трансмигрантов [4].

Для данного типа характерно то, что однократная смена места жительства не является закономерным результатом процесса миграции, в отличие от иммигрантов они не нацелены на полную ассимиляцию, но и не стараются сохранить свою идентичность.

Поскольку транснациональное понимание миграции разделяют не все российские исследователи, а многим о нем еще неизвестно, стоит обратить внимание на некоторую специфику миграционных исследований в России.

1. Миграция и мигранты до сих пор изучаются с точки зрения экономического и/или демографического детерминизма.
2. Преобладание количественных исследований над качественными.
3. Нерелексивное отношение к понятиям: мигрант – почти всегда это трудовой мигрант, поэтому основная масса исследований сосредоточена на мигрантах-мужчинах.
4. Направленность исследований в русле конфликтологического дискурса.
5. Конфликтологический дискурс предопределяет исключительный фокус на интеграции, которая якобы необходима для снижения уровня напряженности между мигрантами и местным населением.

Очевидно, что перечисленные особенности не исчерпывающие. Они пересекаются между собой, что в итоге накладывает оценочные обязательства как на читателя, так и на молодых исследователей. Постараемся кратко обозначить открывающиеся исследовательские перспективы, которые можно сформулировать, отталкиваясь от изложенного.

Исследования миграционной тематики в России часто базируются на положении о том, что миграция (трудовая) имеет сугубо экономическую природу. В миграцию едут люди, положение которых на рынке труда в своих странах является бедственным, рабочих мест катастрофически не хватает, уровень зарплат очень низкий. Чтобы изменить подобное состояние, люди вынуждены уезжать на заработки в другие государства. В принимающем обществе мигранты воспринимаются как дешевая рабочая сила, велик сектор теневой экономики, очевидными и масштабными являются факты перевода мигрантами денежных средств на родину – все это позволяет говорить о системной экономической составляющей миграционных процессов, что определяет фокусы дискуссий и исследований [5].

Вероятно, сами исследовательские вопросы, сформулированные в категориях: «какое количество мигрантов необходимо России в качестве рабочей силы в силу ее нехватки», «как бизнес рекрутирует и использует дешевую рабочую силу», «как заполнить с помощью миграции стареющее население и преодолеть демографический кризис», – не позволяют выйти за границы такого дискурса [6].

Однако в последнее время в поле социальных наук появляется все больше данных о более сложной системе оценки значимости миграции в отправляющих обществах, ее целях, выявляются разнообразные стратегии и жизненные планы мигрантов. Мадлен Ривз, изучая миграционные стратегии местного населения в Кыргызстане, отмечает, что при очевидных трудностях материального характера принятие решения о миграции определяется самими мигрантами в категориях «каким должен быть “нормальный” путь молодого человека, окончившего школу, каков идеал его участия в общественной и ритуальной жизни деревни, сколько денег “положено” тратить на публичные празднества» [7].

Люди едут в миграцию уже не только потому, что им нужны деньги – они вовлечены в тесные бизнес-отношения, дружеские или родственные связи. В конце концов, транснациональный характер миграции говорит о том, что люди привыкли к подобному кочевому образу жизни и часто не хотят оставлять новые социальные и культурные практики и опыт, в которые втянулись и который их устраивает.

С. Н. Абашин считает, что это выражается в освоении и присвоении «глобального пространства, инфраструктур и технологий коммуникации и транспорта, которые сами по себе задают импульсы и траектории движения. Например, легкость, с которой можно в короткий срок достигнуть другого конца света и получить доступ к каким-то новым благам, сама по себе толкает людей к путешествию. Сюда я добавил бы освоение технологий получения информации о мире и коммуникации на большом расстоянии. С их помощью создаются и поддерживаются образы и сети связей, которые также включены в процессы движения и обеспечивают его устойчивость, направление и обратимость. В более широком смысле я бы также включил сюда не только телефоны, интернет, автомобили и самолеты, но знание языков, усвоение глобальных стандартов в еде и одежде, правил поиска работы и т. д. По мере того как в Центральную Азию проникают технологии и инфраструктуры такого рода, у жителей региона формируются соответствующие привычки и возникает потребность в мобильности, которая порой воспринимается не только как необходимость, но и как удовольствие» [8].

Состав миграционных потоков за последние 10 лет, очевидно, изменился: если в 2000-х действительно подавляющая масса приезжающих были мужчины, то сейчас все больше исследователей обращают внимание на разнородность миграционных потоков. Официальную информацию о дифференцированности миграционных потоков по таким критериям как пол, возраст, цели прибытия и т. п. мы можем получить, обратившись к статистике миграционной службы. Но в настоящее время использовать эти данные затруднительно. Несколько лет назад на сайте фигурировало количество приезжающих, дифференцированное по целям прибытия: трудовая миграция, образовательная, туристическая, транзитная. Сейчас такой дифференциации нет, и соответствующие органы рапортуют об общей статистике прибывающих «трудовых» мигрантов, которую сложно проверить.

Некоторые исследователи указывают на такую тенденцию, как женская миграция, существует достаточное количество работ, описывающих это явление. В них поднимаются такие проблемы, как матери и дети в миграции, освоение новых повседневных практик, ведение домохозяйства, профессиональная адаптация, домашнее насилие и др. [9], [10].

В контексте изучения женщин и детей как акторов миграции поднимается ряд вопросов, затрагивающих сферу образования и, в частности, школы. Сколько детей мигрантов учатся в школе в России, как происходит их социализация, с какими проблемами они сталкиваются, как происходит адаптация детей к другим культурным ценностям, новому

месту, иным, непохожим формам межличностных отношений, как складываются отношения со сверстниками и пр. [11]. При этом очень мало исследователей обращают внимание на присутствие мигрантов в организациях высшего образования. В российских вузах стабильно присутствует небольшое количество юношей и девушек из среднеазиатских республик, но об образовательной миграции известно очень мало. В основном, о ней упоминается в исследованиях, направленных на изучение различных поколений мигрантов (полупервого, второго). Предметом изучения, как правило, являются особенности адаптации и интеграции молодых людей 18–25 лет, выходцев из Средней Азии, которых привезли в Россию в возрасте 7–15 лет [12]. Однако поколенческая градация является дискуссионной, поскольку исследователи по-разному определяют возрастные критерии, некоторые отрицают термин «полупервое» из-за его неясности.

Возникает вопрос, может ли выбор обучения в высшем учебном заведении в России рассматриваться как отдельный сценарий миграции? Как, кем и с какими целями он осуществляется? Каким образом обучение в высшем учебном заведении определяет стратегии поведения молодых людей? Для определения этих вопросов и постановки проблемы можно воспользоваться сценарным подходом, предложенным О. Бредниковой¹. В фокусе подхода – мобильный актор, который обладает сложным и пластичным чувством принадлежности (belonging), он вступает в динамичные взаимоотношения с местами, культурами и людьми, занимается самореализацией в разных сферах жизни.

Сценарий представляет собой определенную рамку или стратегию поведения, который задает актору критерии оценивания ситуации и соответствующих планов на будущее. Это культурная модель, которая приписывает актору нормативное поведение, согласно его роли и социальной ситуации, в которой он оказался. Сценарий выступает как определенная модель действия и перцепции, которую можно считать до определенной степени типичной для мигрантов, следующих ей в повседневной жизни. Бредникова выделяет три сценария – трудовой, иммиграционный и гедонистический.

Трудовой сценарий разворачивается вокруг трудовой активности мигранта. Для него характерно, что другие активности (семейная, досуговая) исключены или ограничены.

Иммиграционный сценарий выстраивается с учетом жизненных практик принимающего общества, ориентируется на них. Мигрант минимально пользуется устоявшимися социальными сетями своего сообщества, предпочитая действовать самостоятельно. Здесь характерна установка на понимание жизни шире, чем только трудовая активность.

Гедонистический сценарий опирается на практики использования «свободного времени». Досуговые практики весьма разнообразны – появление «своей» инфраструктуры досуга, туризм, шопинг и посещение торгово-развлекательных комплексов, праздники, сексуальные приключения, Интернет и т. п.

По-видимому, иммиграционный сценарий может оказаться релевантными рамками для описания и изучения образовательной стратегии нормализующего поведения.

Каждый из приведенных сценариев выделяется на основании анализа повседневных практик индивидов. Чтобы понять, можно ли выделить отдельный образовательный сце-

¹ Бредникова О. Сценарный подход в миграционных исследованиях // Транснациональные и миграционные исследования: докл. на цикле семинаров / Европ. ун-т, Санкт-Петербург, 26 марта 2014. СПб., 2014.

нарий, необходимо рассмотреть повседневные практики: где и с кем живет человек, каков круг его общения, куда он предпочитает ходить, работает ли он и т. д. На основании полученных данных и их сравнении с повседневными практиками трудовых мигрантов можно будет сделать вывод, насколько эти практики специфичны и, соответственно, можно ли говорить об отдельном образовательном сценарии.

Помимо выявления специфических практик, в которые вовлекаются студенты-мигранты в принимающем обществе, предметом эмпирического исследования также может служить вопрос, насколько растиражированным является этот сценарий в странах исхода, среди каких социальных групп он актуален, какими смыслами он наделяется, как происходит оценка рисков и преимуществ. На эти вопросы можно получить исчерпывающие ответы, используя качественные методы исследования не только в принимающей стране (Россия), но и в отправляющих государствах.

И наконец, исходя из разницы сценариев, какие действия необходимо предпринять для интеграционной политики именно этой социальной группы? Очевидно, что политика интеграции слабо различает разнообразие мигрантов. Вопреки устоявшемуся мнению, мигранты из Средней Азии не являются однородной группой (или массой?). Различия определяются этничностью, социально-классовым аспектом, гендерными, возрастными, территориальными и другими особенностями, благодаря которым наше «гомогенное» восприятие сообщества «мигрантов» остается примитивным, что вызывает непонимание и создает большое количество проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сажина Л. В. Особенности современной транснациональной миграции (теоретические подходы к анализу) // *Философия права*. 2007. № 4. С. 142–145.
2. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. 24 с.
3. Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 3–13.
4. Itzigsohn J., Giorguli S. Immigrant incorporation and sociocultural transnationalism // *Migration: critical concepts in the Social Sciences* / Steven Vertovec, Vol. III: Routledge, 2010. P. 261–283.
5. Винер Б. Е., Тавровский А. В. Мигранты на рынках труда в Санкт-Петербурге // *Журн. социологии и социальной антропологии*. 2009. Е.12, № 4. С. 97–121.
6. Зайончковская Ж. А., Флоринская Е. В., Тюрюканова Ю. Ф. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше / Сер. спец. докл. М.: МАКС Пресс, 2011. 52 с.
7. Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4 (66). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24.html> (дата обращения: 14.12.2015).
8. Абашин С. Н. Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // *Pro et Contra*. 2014. № 1–2 (62). С. 74–84.
9. Бредникова О., Ткач О. Дом для номады? // *Лабораториум*. 2010. № 3. С. 72–95.
10. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Е. В. Тюрюканова, Ж. А. Зайончковская, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, Д. В. Полетаев, Ю. Ф. Флоринская; под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
11. Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители – мигранты во взаимодействии с российской школой // *Вопр. образования*. 2012. № 1. С. 176–199.
12. Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей полуторного поколения // *Изв. Иркутского гос. ун-та*. 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–210.

M. P. Zamotin
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

HIGHER EDUCATION AS A POSSIBLE MIGRATION SCENARIO: STATEMENT OF A PROBLEM

The article gives an overview of studied integration strategies of migrants from Central Asia; factors defining choices of migration trajectories are described; a question of the necessity to study educational strategies of young people from Central Asian countries is raised.

Migration, integration, adaptation, migrants, Central Asia

УДК 3.32

А. М. Огороднова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

ПОЛИТИКИ И ЖУРНАЛИСТЫ: В ТЕНИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ

Рассматриваются факторы формирования теневых аспектов взаимоотношений политиков и журналистов, обстоятельства, вынуждающие представителей масс-медиа участвовать в воспроизводстве теневой политико-информационной структуры в современной России. Приводятся результаты опроса журналистов, принимавших участие во всероссийском форуме «Таврида» в сентябре 2015 г., относительно коммуникационных проблем в их профессиональной деятельности.

Теневые структуры власти, масс-медиа, коммуникационные проблемы

Кто действительно принимает политические решения? Можно ли считать наличие непубличных персон, оказывающих существенное влияние на политические решения, отклонением или закономерностью функционирования любой политической системы? Какова роль масс-медиа в усилении негласности многих сторон политической жизни? В статье предложены варианты ответов на эти вопросы.

Нужно признать, что многие россияне испытывают устойчивое недоверие к журналистам и политикам. И тех, и других воспринимают как субъектов, для которых имеют значение лишь власть и авторитет, а решения, касающиеся социально-экономического и социально-политического развития, принимаются узким кругом посвященных лиц, «за кулисами». Влияние некоторых конкретных политических и медиаперсон просто демонизируется.

Взаимоотношения между политиками и журналистами – профессиональными группами с ясно обозначенными интересами и целями, иногда совпадающими, но чаще противоположными и сталкивающимися, – соответствуют их месту в информационном и политическом пространстве. Важнейшая задача любой государственной власти – обоснование своей легитимности и обеспечение возможности достижения заявленных целей благодаря получению общественной поддержки. Для достижения своих целей власть нуждается в инструменте информационного воздействия на большие массы людей. Таким инструментом и

выступают масс-медиа. В свою очередь средства массовой информации, призванные удовлетворять информационные потребности различных социальных групп, а также служить трибуной для публичного выражения общественных интересов, в огромной степени формируя эти интересы, нуждаются в постоянном и разнообразно организованном взаимодействии с властными структурами. Невозможность реализации своих групповых целей и, безусловно, наличие разнообразных латентных интересов становятся действенным стимулом для появления и развития неформальных, непубличных взаимоотношений между властью и медиа.

Осмысление и описание двуличной природы политики, несовпадения политических заявлений и действий, способность и готовность политиков истолковать любые, даже противоречащие друг другу, политические решения как полезные для текущей ситуации, насчитывают не одну сотню лет. Властные интересы всегда связаны с установлением отношений доминирования, подчинения. Шансы реализовать эти интересы выше, если объект подчинения не посвящен в эти намерения, поскольку в случае расшифровки маскируемые интересы могут быть заблокированы и парированы. Такая тяга к закрытию, зашифровке властных намерений и притязаний, затрудняющая выявление их подлинной стороны, заложена в их природе. Однако наличие такой укрываемой от посторонних глаз «подкладки», скорее, теневая сторона власти, но не «теневая власть».

Политические историки отмечают, что на протяжении длительного развития человечества власть воспринималась в массовом сознании как то, что не может быть доступно непосвященным, и потому обязательно скрыто. «С древнейших времен и до наших дней политическая наука рассматривалась как особая, доступная только избранным область знания. “Эзотерическая политология” оставалась инструментом манипулирования массовым сознанием на протяжении веков. Окультизм и тайные науки, такие как алхимия, астрология, магия, оказывались тесно связанными с политической, “царской” наукой» [1].

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что описанные особенности функционирования власти можно отнести к ее природным характеристикам, которые, хотя обуславливают возможность и реальность невидимых сторон политической жизни, еще недостаточны для объяснения процесса становления и функционирования теневой власти.

Понятие «теневая власть» приобретает важный объяснительный смысл в системе понятий, описывающих лица или организации, до поры до времени внешне остающиеся незаметными, предпочитающими держаться в тени и делать свое дело, воплощать свои замыслы, не привлекая особого внимания [2]. К этому ряду понятий следует отнести такие, как «теневые структуры», «теневое правительство», «теневой кабинет», «теневая политика» и т. п. [2], а также «теневая журналистика».

Тема скрытого, теневого влияния разрабатывается в политической элитологии. Хорошо известен спор между Р. Миллсом и Р. Далем, результатом которого стала постановка исследовательской проблемы соотношения формального субъекта власти и реального носителя властных полномочий и их функций, которые отнюдь не всегда совпадают.

Названная проблема теснейшим образом связана с изучением механизмов и технологий осуществления власти. Тема теневых структур власти обсуждается в работах П. Бакрача, М. Баратца, Р. Даля, С. Лукса, Н. Лумана, Р. Миллса, М. Фуко. Вклад российских исследователей в эту тему представлен работами историка права и политических учений И. А. Исаева, сравнительно недавно опубликованы исследования В. П. Воротникова и С. Н. Пшизовой. Последняя, выявляя факторы, способствующие развитию теневых поли-

тических структур, в качестве одного из важнейших называет медиатизацию политики, то есть перемещение средств массовой информации в центр политического поля, обретение ими важнейших политических функций. Для описания данного процесса используются такие понятия, как «медийное общество», «медийная демократия», «видеократия», «медиакратия» и т. д. [3].

По мнению А. И. Соловьева, медиакратия представляет собой не что иное, как «особую форму исторической эволюции политического пространства и организации публичной власти <...> при которой СМИ, а также иные конструкторы массовых сообщений выступают ключевыми посредниками в системе представительства гражданских интересов и оказывают решающее влияние на принятие государственных решений» [4].

Исследователи подчеркивают, что для теневой политической системы характерны нестандартное понимание механизмов власти и регулирование вопросов, связанных с функционированием государственной машины. Теневая политическая структура воздействует де-факто как система опосредованного контроля над инфраструктурой политико-экономического пространства.

В современной России теневая сторона функционирования как российской политической власти, так и средств массовой информации значительно расширилась и модифицировалась. Активное развитие неформальных и непубличных отношений между субъектами политической деятельности характеризуется рядом исследователей как «разгосударствление» [5]. В значительной степени такую повестку диктуют политические субъекты, в том числе и новые, недавно появившиеся. К ним можно отнести основные ветви государственной власти, политические партии и общественные движения, группы бизнес-интересов, частные и общественные средства массовой информации, региональных субъектов политической деятельности, лоббистские группы и др. В структурах законодательной, исполнительной, судебной власти, особенно на муниципальном и региональном уровнях, происходит формирование различных групп, реализующих власть не столько в соответствии с законом, сколько по земляческим, корпоративным, родственным и другим неформальным принципам. Соответственно принимаемые этими группами решения реализуют скрытые интересы, которые не только не совпадают с общенациональными, но зачастую прямо противоречат им.

По мнению Р. В. Рывкиной, «состав нашего отечественного правящего класса не однороден, а, напротив, дифференцирован. В него входят: 1) члены президентской Администрации; 2) члены Правительства, занимающиеся экономикой (глава Правительства, его советники, вице-премьеры, их заместители и др.); 3) министры и их заместители; главы комитетов по отдельным отраслям и направлениям экономической реформы (председатель Госкомимущества и др.); 4) руководители комитетов и комиссий Думы и Совета Федерации; 5) руководители и консультанты крупнейших государственных и полугосударственных корпораций; 6) руководители крупнейших государственных и полугосударственных предприятий, крупнейших банков, бирж, торговых домов, инвестиционных: фондов, компаний» [6].

Как видим, в состав нового господствующего класса входят как политики, связанные с экономикой, так и «чистые» бизнесмены. В то же время в сознании нового правящего класса сохраняются черты номенклатуры, например, слабая ориентация на «низы», недостаточная открытость. Н. Шмелев отмечает, что для нынешней российской элиты свойственно не просто глубокое презрение к людям, но и твердая уверенность в том, что они все выдержат. Для российской власти, которая, по сути, не имеет давних традиций публичной политики, развитой

системы контроля со стороны гражданского общества, такие проявления являются не исключением, а правилом. Достаточно много примеров есть и в политике зарубежных стран, но существование там крупных конкурирующих политических организаций, независимых (от официальной власти) средств массовой информации, значительные традиции публичной политики значительно сужают пространство теневой политики.

Важнейшим фактором формирования теневых политических структур является медленное, если не отсутствующее, развитие институтов гражданского общества.

Отметим, что скрытые пружины и тайные механизмы формирования новых органов российской власти, принимающих судьбоносные решения, привлекли к себе внимание уже на рубеже XX–XXI вв. Огромный массив мемуарной литературы, освещающей период конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. в нашей стране, включал указание на то, сколь велико было расхождение действий публичных органов власти и групп скрытого и открытого влияния. И те, и другие публично декларировали одну систему ценностей – демократическую и гуманистическую, однако принимали решения и действовали, исходя из иных интересов и соображений. Интерес представляет и литература, исследующая роль тайных и закрытых организаций, влияющих на принятие политических и иных решений разного уровня.

Анализируя усиление теневизации масс-медиа, исследователи отмечают, что масштабное вторжение средств массовой информации в политическое пространство произошло во многом за счет вытеснения с ключевых позиций других традиционных политических субъектов. Прежде всего за счет политических партий, потерявших в современной России свой статус основного посредника между гражданами и государством, политиками и избирателями. Это неизбежно вызывает распространение нелегитимных форм лоббизма властных структур, их коррумпирование, массовое отчуждение власти от населения, замыкание властных и бюрократических структур на решение собственных проблем.

В результате средства массовой информации в современной России, особенно телевидение, оказываются важнейшим инструментом политической борьбы и каналом коммуникации между властью и обществом. Именно они поставляют символические средства формирования политической системы. В этой системе коммуникаций именно рейтинги телеаудиторий, а не запросы избирателей становятся естественными ограничителями творческой активности создателей политических конструкций. Таким образом, наряду с экономическим и социологическим аспектами теневой деятельности в России, следует выделить ее информационно-политический аспект.

Интересный опыт осмысления теневой составляющей политической коммуникации с участием журналистов имел место в ходе работы Всероссийского молодежного образовательного форума «Таврида» летом 2015 г. на Бакальской косе в Крыму. К участию в образовательной программе форума были приглашены 500 журналистов региональных СМИ, блогеров из всех регионов страны, главных редакторов средств массовой информации, авторитетных экспертов и преподавателей ведущих вузов. Организаторами форума стали Федеральное агентство по делам молодежи, Общественная палата РФ, «Роспатриотцентр» Росмолодежи, Комиссия по поддержке молодежных инициатив Общественной палаты РФ. Финальную, восьмую, смену выделили молодым, но уже имеющим значительный опыт работы журналистам региональных и местных средств массовой информации. Она продолжалась с 27 августа до 2 сентября 2015 г. Партнером заключительной смены выступило Общероссийское общественное движение «Народный фронт “За Россию”» (ОНФ).

Программа мероприятий включала в себя как образовательные лекции и мастер-классы, так и профессиональные тренинги, практические задания по написанию текстов, созданию инфографики, видеосюжетов.

Для понимания контекста обсуждаемых проблем и коммуникационной и социально-психологической среды приведем несколько показательных примеров выступлений гостей форума.

Депутат Государственной Думы РФ Леонид Левин попытался сформулировать свое представление о современных тенденциях и проблемах журналистики. «Мне кажется символическим тот факт, что форум закрывается сменой журналистов. Это говорит о том, что журналистика подводит итоги всему тому, что происходит и происходило. Сегодня журналистика играет очень большую роль в том, что происходит в жизни людей, особенно в периоды нестабильности и кризиса. Люди тянутся к пониманию происходящего. Я думаю, не секрет, что в нестабильное время рейтинги и тиражи средств массовой информации многократно увеличиваются. Роль журналиста становится здесь ключевой – вы должны помогать людям ориентироваться в происходящих процессах. Сегодняшняя журналистика скатилась к трем форматам, которые являются объективными, но не являются теми, которые аудитория хотела бы видеть: журналистика “крика”, “фрика” и “чего изволите”. Сегодня они формируют основную повестку и проблемы журналистского сообщества» [7].

Л. Левин заметил, что бороться с этой проблемой предстоит молодому поколению, гражданскую позицию журналиста никто не отменял, и выразил надежду, что на форуме собрались люди, стремящиеся быть успешными, а не заниматься переписыванием пресс-релизов. Важно, чтобы в рамках работы с законодательной властью журналисты находили людей, которые несут реальную пользу избирателям, а не привлекают внимание скандалами. «От того, что вы пишете, зависит, будут ли голосовать за кандидата. Надеюсь, что количество людей, пишущих качественные материалы о законодательной власти, увеличится. Очень важно, чтобы вы были компетентными, чтобы сами читали те документы, о которых пишете» [7].

Заместитель главного редактора информационного агентства ТАСС Георгий Каптелин поделился с участниками форума своим мнением о проблемах и вызовах медиа: «Главная проблема современной журналистики – проблема времени, под жестким прессингом которого мы работаем. Оно ускоряется в прогрессии. Сейчас изменилась технология подачи новостей. Это вызов нам, мы не успеваем думать под этим прессингом, мы не успеваем вдуматься, о чем мы говорим» [8]. Он заметил, что сейчас очень мало информации о том, как живет страна. Несмотря на то, что у агентства есть обширная сеть, поступает очень мало сообщений о том, что происходит в регионах. Эксперт предложил вместе обдумать эту проблему.

Насколько стоит подчиняться быстрому давлению времени? Стоит ли подтянуть зрителя, читателя до более высокого уровня, предоставлять больше мнений экспертов? Говоря о популярности социальных сетей, Г. Каптелин подчеркнул: «Да, мы не успеваем за пользователями. Но журналист отличается тем, что он несет ответственность за свои слова. Нужно все проверять. У журналистов есть правила, которые нужно соблюдать. Если читателю дать качественный текст, но позже на час, он не откажется от этого. Наш читатель изголодался по смысловому подходу. Здесь вопрос баланса: мы должны своим умом, умением привлекать зрителя. Давайте поднимать его до более высокого уровня. Не надо самим опускаться» [8].

Главный редактор информационного агентства ТАСС Максим Филимонов поднял тему журналистских стандартов, появления в информагентствах роботов и того, что работник СМИ

может считать своим активом. Он назвал разговоры о том, что журналистика умирает, несостоятельными. Главным активом работников СМИ, по мнению Филимонова, является доверие читателей. «Сегодня любой человек может стать производителем контента. Но профессионального журналиста заменить сложно. Раньше это был монопольный канал связи между властью и обществом, а потом – между производителем и потребителями. Сейчас эта монополия уходит. Общество и власть могут общаться, минуя нас. СМИ же остаются основным рупором, и за счет качественного контента мы можем сохранить эту функцию навсегда» [9].

Будучи сторонником стандартизации журналистской работы, он уверен, что журналистика – не столько зеркало общественной жизни, сколько способ изменения реальности, соответственно значение авторской журналистики и авторского мнения будет только расти. Говоря о правилах, которыми руководствуются в информагентстве, в числе важнейших он назвал «требование отвечать в материале на вопросы “что?”, “где?”, “когда?”, “почему?” с указанием источника информации». При этом, отметил Филимонов, в материале обязательно «наличие живой цитаты, если таковая имеется. Сам текст должен составлять не более шести-семи абзацев без эмоционально окрашенных моментов. Такой стандарт повышает качество работы журналистов и помогает руководителям их оценивать».

Обсуждая проблему роботизации сферы журналистики, он назвал те области профессии, в которых человека не заменить: «Мы – люди, которые умеют вычленять главное. Никакой технический прогресс у нас эту функцию отнять не может. Лет через пять новости будут писать роботы. Для меня как для журналиста это пугающая новость, а как для менеджера – хорошая. И все-таки роботы учатся очень быстро обрабатывать пресс-релизы. Но машина не сможет вычленять главное». Падение качества журналистики связано с необходимостью повышения оперативности в написании текстов: «Сегодня ваш текст – новость, а завтра – архив. Не надо историкам будущего, которые будут изучать эти материалы, давать повод считать, что мы – неграмотные люди» [9].

Создание атмосферы профессионального неформального общения дало возможность молодым журналистам обсуждать коммуникационные проблемы, с которыми им приходится иметь дело, обмениваться примерами положительных и отрицательных практик участия в том числе и в «теневых» коммуникациях при создании информационной повестки дня. Отметим, что многие из приехавших на форум журналистов хотя не так давно работают в профессии, уже сумели благодаря публикациям как-то изменить ситуацию в своих регионах, привлечь внимание местных властей на проблемы жителей. Интересно, что, как показало индивидуальное общение, коммуникационные проблемы, с которыми сталкиваются журналисты, практически во всех регионах одни и те же.

С целью изучения теневых практик взаимодействия журналиста с органами власти, а также коммуникационного фона работы журналистов автором статьи был проведен социологический опрос участников форума.

Анкета включала следующие вопросы:

1. Как Вы считаете, существуют ли запрещенные приемы при сборе информации?
2. Если да – то какие?
3. Каковы последствия использования запрещенных приемов?
4. Приходилось ли Вам применять в общении для получения информации от собеседника запрещенные приемы?

5. Приходилось ли Вам использовать для получения необходимой информации провокацию или агрессию?

6. Сталкивались ли Вы с подобным поведением со стороны интервьюируемого (политика)?

7. На Ваш взгляд, агрессивное поведение респондента было вызвано содержанием Вашего вопроса или проявлением его стиля общения с журналистом?

8. Ваше отношение к провокациям со стороны журналиста и политика?

9. Как Вы считаете, может ли последствием провокационного поведения стать профессиональное выгорание журналиста?

Анализ полученных в результате опроса данных показал, что подавляющее большинство молодых региональных журналистов уже неоднократно сталкивались с провокациями со стороны органов местной исполнительной и законодательной власти и часто сами выступали в роли манипулятора. Многие из них пришли в профессию, ожидая, что их ждет негативное отношение со стороны отдельных властных структур, и психологически готовы к тому, что человек, решившийся не поступаться своими профессиональными принципами (искать, получать, добывать и доводить до сведения общественности значимую информацию) может быть взорван, застрелен, зарезан или раздавлен машиной. То есть может погибнуть «при исполнении профессиональных обязанностей». Практически каждый из опрошенных прекрасно понимает, что зоны риска в профессии журналиста не ограничиваются горячими точками, боевыми конфликтами и расследованиями.

Согласны опрошенные и с тем, что риск, с которым имеет дело журналист, может стать одной из причин его профессионального выгорания, поскольку он почти всегда пишет и снимает то, что нравится не всем и чаще всего не нравится именно тем, о ком он пишет или кого снимает.

Причиной выгорания больше половины журналистов назвали работу «за кадром», в тени официальной информационной повестки. Больше 70 % респондентов сталкивались с этим. При этом каждый из опрошенных толковал «теневые политические структуры» по-разному: для одних главной фигурой теневой стороны политической коммуникации является начальник организационного отдела местной администрации, для других – пресс-секретарь. Последнее, скорее всего, вызвано постоянным взаимодействием именно со специалистом по связям с общественностью. Около трети респондентов негативно относится к необходимости вступать в данный вид теневой коммуникации, другая треть относится к процессу с любопытством, остальные считают нужным вывести теневую коммуникацию в медийное пространство.

Больше половины опрошенных при личной беседе говорили о том, что информацию, которую не сможет добыть один корреспондент, найдет другой. А то, что данные могут быть получены из официальных источников, но благодаря использованию ресурсов теневых политических структур, значения не имеет. Поэтому, как бы цинично это ни звучало, но там, где один журналист подорвался на mine или попал под обстрел, упал и сломал ногу или руку, попал в аварию или лег в больницу с сильнейшим психологическим расстройством, всегда появится другой журналист, который его заменит. Это правило подтвердили представители нескольких направлений журналистики – не только новостной, но и гламурной.

Опрос подтвердил тезис о том, что главные зоны риска в профессиональной деятельности журналиста лежат в коммуникативной плоскости. У каждого существуют свои «горячие точки», которые могут спровоцировать депрессивное настроение. Каждая такая зона профессионального риска – лишь этап профессионального выгорания.

Профессиональное выгорание, или, как его называют специалисты, синдром выгорания – конфликт между особенностями личности и требованиями профессиональной среды. Почти половина опрошенных отметили, что нацелены в своей работе исключительно на результат, а не на процесс (поскольку последний не доставляет никакого удовольствия). Некоторые полностью исключают из своей работы человеческие мотивы и вообще избегают эмоциональной близости с коллегами; оценивают людей внутри своей профессиональной сферы негативно и цинично.

Это состояние встречается среди профессионалов, работающих прежде всего в сфере оказания помощи. Деятельность журналистов может быть различной, но всех их объединяет близкий контакт с людьми, который, с эмоциональной точки зрения, очень трудно поддерживать продолжительное время. Социально незащищенный, больной, старик, трудный подросток – могут обращаться к журналистам за помощью или поддержкой. В интервью они говорят о себе, часто о том, что не является предметом их счастья или гордости, что они предпочли бы держать в секрете, о том, что их смущает и о чем трудно рассказать кому-либо еще. Общение между журналистом и героем будущего сюжета часто насыщено эмоционально. Это трудная ситуация для обеих сторон.

Согласно данным опроса интерес к людям, с которыми они работают, снизился у небольшого количества людей. Обратим внимание на любопытное различие в отношении журналистов с политическими структурами, в том числе с их теневой стороной, между столичными и региональными журналистами. Если первые не просто подвержены профессиональному выгоранию, но используют любой повод заявить об этом посредством существующих каналов коммуникации, то региональные журналисты, судя по опросу, всеми силами стараются перебороть профессиональные стресс и усталость, продолжая активно работать, искать острые темы, в том числе используя особенности теневых структур. Интересно, что петербургские журналисты, скорее, схожи с региональными, хотя с тенденцией к использованию модели поведения столичных журналистов.

Профессиональное выгорание среди журналистов следует определять как потерю творческого потенциала, отсутствие новых идей. Кроме того, термин «выгорание» мы связываем с потерей вдохновения и интереса к работе. Не всегда, например, даже честно выполняя ряд профессиональных действий, можно получить достойный результат. Лишь несколько опрошенных признались, что после эмоционально сложных интервью их посещают «предательские» мысли: «Есть ли у меня если не талант, то хотя бы способности?» Проблемы с самооценкой начинаются не только из-за творческого кризиса. Большинство уверенно заявляет: чтобы избежать депрессии, нужно иметь устойчивую самооценку, потому что нет четкого мерила качества продукта – кто-то найдет сюжет гениальным, а кто-то посоветует автору выпить яду. И все-таки большинство людей понимает, что подвержены выгоранию.

Проявления выгорания свидетельствуют о реакции человека, который подвержен и другим формам стресса. Во время опроса мы обнаружили специфический вид эмоционального истощения, а именно полную утрату позитивных чувств восприятия действительности, сочувствия и уважения к героям своих репортажей. Дальнейшее развитие синдрома неутешительно: он перерастает в циничное и антигуманное восприятие героев.

Эмоционально выгорающие журналисты часто неспособны преодолевать эмоциональные стрессы, связанные с работой, и когда синдром развивается в достаточной степени, у них обнаруживаются и другие негативные проявления. Во время опроса не удалось

подтвердить зависимость выгорания от низкой морали работников и высокой текучести кадров, однако наши наблюдения склоняют скорее в пользу такого допущения.

Отметим еще несколько подтвержденных в ходе опроса гипотез:

1. Частыми следствиями выгорания становятся уход, смена работы, переход на административный вид деятельности или окончательная смена профессии.

2. Журналисты, подверженные выгоранию, нередко усиливают его действие, злоупотребляя алкоголем как средством снижения напряжения, избавления от чувства враждебности и депрессии.

3. Журналисты могут признаваться, что стали плохими людьми, холодными и черствыми, и это им не нравится.

4. Если эмоциональное напряжение не снимается во время работы, оно часто дает о себе знать дома.

Выявлена зависимость между подверженностью выгоранию и ростом брачных и семейных конфликтов. Ненормированный рабочий день и увлеченность своим делом помогают достичь профессионального успеха, но приводят к проблемам в семье. Журналист после эмоционально насыщенного дня, проведенного с сотнями малознакомых людей на съемочной площадке, а потом с коллегами в редакции, испытывает потребность уйти на некоторое время от всех людей, и это желание одиночества обычно реализуется за счет семьи и друзей. Вот почему его семья всегда под угрозой распада.

Примечательно, что немало журналистов принимают имеющее место в массовом сознании представление о себе как о людях черствых и бессердечных.

Журналист «надевает» маску прохладного, спокойного и уверенного человека, чтобы скрыть свои страхи и истинные чувства. Видя рядом с собой и вокруг себя спокойных и уверенных журналистов, человек, естественно, начинает полагать, что он единственный, кто не может справиться с этой работой! Дело же в том, что у других реакция такая же.

Опрошенные допускают, что одним из возможных выходов из сложных, порой конфликтных ситуаций во время практического взаимодействия журналиста и политика, выступающих основным фактором профессионального выгорания, могут стать профессиональные тренинги для чиновников по корректному общению с прессой.

Опрошенные высказывали и то, что обычно остается в тени, за кулисами эфира, во время подготовки интервью, пока не включены диктофон и камера. Журналисты прекрасно понимают, что политик сам не заинтересован выглядеть заумным, невнятным. Потому им приходится нередко проводить краткий ликбез, своеобразный тренинг, во время которого политики получают необходимую информацию о том, как правильно давать интервью, как вести себя в кадре, давать максимально емкие и информативные комментарии, уметь делать логические паузы, поскольку зрителю нужно «переварить» все услышанное. Увы, даже опытный спикер, часто общающийся с журналистами, не всегда умеет рассказать перед камерой увлекательную историю, продумать угол подачи, подготовить яркий ответ, который можно было бы затем «вырезать» из речи в качестве нужного комментария для репортажа.

Как следствие журналисту приходится использовать разнообразные коммуникационные приемы для формирования яркого впечатления у аудитории СМИ. На профессиональном языке это тот самый синхрон, который нужен журналисту. Сложности во взаимопонимании политика и журналиста чаще всего приводят к тому, что последний ради получения четырех-пяти привлекающих зрительский интерес реплик героя репортажа вынужден

использовать коммуникационные средства, порой граничащие с этической нормой. И все для того, чтобы политики не вызывали у своей аудитории состояния тревоги, рассказывая постоянно о негативе и не указывая путей решения проблемной ситуации.

Таким образом, профессиональные задачи, которые решают журналисты при взаимодействии с представителями власти, побуждают их активно прибегать к провокационным приемам, использовать неформальные, скрываемые ресурсы, тем самым они вольно или невольно оказываются вовлеченными в воспроизводство теневых структур власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаев И. А. *Politica hermetica*. Скрытые аспекты власти. М.: ЮРИСТЪ, 2002. 411 с.
2. Халипов В. Ф., Халипова Е. В. *Власть. Политика. Государственная служба: словарь*. М.: Луч, 1996. 271 с.
3. Пшизова С. Н. Можно ли управлять демократией? Ч. II // *Полис. Политические исслед.* 2014. № 1. С. 28–44.
4. Соловьев А. И. *Политология: Политическая теория, политические технологии: учеб. для студентов вузов*. М.: Аспект Пресс, 2006. 559 с.
5. Ремчуков К. В. Идентичность России, увы, – авторитарное государство со слабо развитыми политическими институтами и высокой коррупцией / Интервью главного редактора «Независимой газеты» на радиостанции «Эхо Москвы» 23 сент. 2013 г. URL: http://www.ng.ru/politics/2013-09-23/100_echo230913.html (дата обращения: 02.12.2015).
6. Рывкина Р. В. *Драма перемен*. М.: Дело, 2001. 472 с.
7. Левин Л. Л. Выступление на всероссийском форуме «Таврида» 28 авг. 2015 г. URL: <http://onf.ru/2015/08/28/na-forume-tavrida-eksperty-podelilis-opytom-s-molodymi-zhurnalistami-i-dali-im-delovye/> (дата обращения: 02.12.2015).
8. Каптелин Г. Н. Выступление на всероссийском форуме «Таврида» 28 авг. 2015 г. URL: <http://onf.ru/2015/08/28/na-forume-tavrida-eksperty-podelilis-opytom-s-molodymi-zhurnalistami-i-dali-im-delovye/> (дата обращения: 02.12.2015).
9. Филимонов М. Г. Выступление на всероссийском форуме «Таврида» 28 авг. 2015 г. URL: <http://onf.ru/2015/08/28/filimonov-samyu-glavnyy-aktiv-zhurnalista-doverie-chitateley/> (дата обращения: 02.12.2015).

A. M. Ogorodnova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

POLITICIANS AND JOURNALISTS: IN THE SHADOW OF THE INFORMATION AGENDA

Article considers the formation factors of shadow aspects of interaction of politicians and journalists, and the reasons compelling representatives of mass media to participate in reproduction of shadow political and information structure in modern Russia. The author represents the results of questionnaire of journalists participating in the All-Russian forum Taurida in September, 2015 concerning communication problems in their professional activity.

Shadow structures of authorities, mass media, communication problems

УДК 316.342.6

П. П. Дерюгин*Санкт-Петербургский государственный университет***А. С. Шиляева***Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

СОЦИОДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ: ОТ ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ

Осуществлен социологический анализ понятий «предприимчивость» и «предпринимательство». Показаны актуальность, научная и прикладная стороны проблемы. Раскрыты основные факторы, способствующие росту предпринимательской активности молодежи, и этапы трансформации предприимчивости в предпринимательство.

Предприимчивость, предпринимательство, социолингвистика понятий, социодинамика становления предпринимательства, подходы к пониманию предпринимательства в истории и социологии, молодежное предпринимательство, специфика российского понимания предпринимательства, различия в понимании предпринимательства

Актуальность проблемы. Предпринимательство с момента появления института частной собственности в России самым существенным образом повлияло на изменение субъект-объектных отношений, а вслед за этим и всех общественных отношений, всей социальной структуры. Появление новых проблем, решения которых ожидают от социологической науки, предполагает разностороннее исследование предпринимательства, его социальной обусловленности, динамики и трендов трансформации. Неслучайно поэтому отмечается, что «исследовательские акценты в изучении предпринимательства постоянно меняются» [1], включая и проблематику исследований ценностей молодежного предпринимательства.

Общая направленность публикаций изучения молодежного предпринимательства вслед за экономистами нередко сводится к анализу преимущественно хозяйственной деятельности без особого внимания тем социально-институциональным изменениям и ценностным противоречиям, которые сложились в осмыслении этого феномена. А между тем молодежное предпринимательство может не только возвысить или вывести общество в лидеры мирового развития, но также стать его тормозом. Новейшая история показывает, что предпринимательство не обязательно является средством спасения социума, и, более того, оно его может погубить. Во всяком случае, такая угроза совершенно реальна для тех стран, где предпринимательство приобретает хищнический характер, направлено исключительно на извлечение прибылей и утверждение эгоистических интересов. Таких примеров особенно много в новой и новейшей истории на постсоветском пространстве.

Поэтому социологический анализ предпринимательства, исследование того, как появляется, «что есть предпринимательство вообще и как им можно и нужно в интересах общества пользоваться» [2], изучение места и роли различных социальных групп в этой

деятельности составляют важный интерес настоящей статьи. Как это ни парадоксально, но в современном российском законодательстве до сих пор отсутствует определение понятий, которые характеризуют предпринимательскую деятельность различных социальных групп – женское предпринимательство, криминальное предпринимательство, молодежное предпринимательство. В научном отношении тема освещается слабо, а в практическом смысле только в Москве было принято отдельное Постановление «О молодежном предпринимательстве», которое впоследствии утратило силу, но существует специальная комиссия по оказанию финансовой помощи молодым предпринимателям [3].

О важности научного решения проблемы соотношения предприимчивости и предпринимательства молодежи красноречиво говорят цифры нереализованных возможностей предприимчивой российской молодежи в стремлении открыть свое дело. «Процент молодежи, желающей заниматься развитием собственного бизнеса, в несколько раз превышает долю тех, кто уже создал свое дело. По данным ИКСИ, 78 % опрошенных считают открытие малого бизнеса отличным способом самореализации, 60 % предпочитают собственный бизнес, рассчитывая на получение более высокого уровня дохода по сравнению с работой по найму. Однако сегодня только 3 % молодых людей имеют собственный бизнес» [4]. Таким образом, предприимчивость у российской молодежи высокая, однако реализовать эту предприимчивость может просто мизерная часть молодых людей.

Понятие предприимчивости исследуется в социологии как элемент активной жизненной позиции. С таких позиций исследованиями предприимчивости молодежи занимаются Н. А. Головин, В. Т. Лисовский, Б. А. Ручкин, В. А. Сибирев, В. А. Титов и др. В прямой постановке вопроса предприимчивость исследуют Ю. А. Васильчук, Н. С. Мурадова, С. Розанова, В. Силивончик, некоторые другие. Это важно отметить, поскольку категория «предприимчивость» находится в прямой причинно-следственной связи с понятием «предпринимательство» [5].

Социолингвистика понятия предприимчивости. Этимология слова «предприимчивость» берет начало от праславянских «имо» и «имети». Сочетание «им» является корнем слова предприимчивость. Отсюда пошло и множество других слов, связанных с распространением чего-то или кого-то на другие объекты («имущество», «имение», даже «имя»). Важно подчеркнуть, что корень слова «им» обозначает связь с внешней средой, в отличие от корня «ин», характеризующего включение, включенность. Многочисленные иностранные слова с сочетанием «им» обозначают переход, перенесение влияния субъекта на другие внешние объекты: им-порт (движение за пределы порта), им-мигрант (переезд за пределы), им-плантация (вживление) и пр. Но может характеризовать и невозможность такого перенесения, например, им-потенция – как неспособность перенести потенциал на других.

Слово «иметь» далее трактуется как «обладание» (корень – «лад») кем-то или чем-то, что означает «ладить» (отсюда же – «ладонь», «рука»). Очень похоже, что древнеанглийское *мане* – по одной из версий – «рука», это корень слова «менеджмент». Во всяком случае, здесь просматривается некоторое тождество, связанное с «ручным управлением». В древнерусском и древнеславянском языках слово «лад» имеет несколько значений, в том числе, как одно из основных – «мир, согласие и порядок».

Приставка «пред» [6] образует разные части речи с определением действия, осуществленного заранее, раньше других, опережающе. Отсюда, видимо, идет понимание «предпри-

имчивости» и «предпринимательства» как инициативной и энергичной деятельности. Вторая приставка – «при» – среди множества значений указывает на: 1) пространственную близость; 2) прибавление, приближение, присоединение; 3) доведение действия до конца, до определенного результата; 4) совершение действия в собственных интересах, усиленного проявления действия, т. е. освоение или присвоение чего-либо [7]. Две приставки в слове «предприимчивость» – «пред» и «при» – образуют сложное слово, перевод которого на современный язык может обозначать действия, осуществляемые заранее в интересах прибавления, приближения и присоединения чего-то из внешней среды, с тем чтобы справляться (править) с этим для достижения мира, согласия и порядка. В любом случае личностное качество предприимчивости предполагает перенесение влияния субъекта на внешнюю среду.

В переводе на язык социологии предприимчивость следует понимать как вид социального взаимодействия личности и среды, как деятельность, позволяющую заблаговременно и упреждающе (раньше других) приближать, прибавлять и присоединять то, что составляет интерес вовне (во внешней среде) с целью обладания и конструирования своей системы и порядка – на свой лад.

Некоторые исследователи подчеркивают вынужденный характер предприимчивости, т. е. описывают ее как реакцию на безысходную ситуацию, «закрывающуюся в энергичном, инициативном действии по преодолению принудительной ситуации, когда потребность в социально значимой деятельности является для личности неодолимой» [5]. В настоящем случае фактором проявления предприимчивости, как видно, является «принудительная ситуация» или «необходимость сопротивления среде», «неодолимая» необходимость предпринимательства. Очевидно, что такие характеристики предприимчивости в первоначальном значении слова напрямую не звучали.

Таким образом, когда мы говорим о предприимчивости, то подразумеваем особый способ социализации и самореализации, при котором очевидно стремление к освоению и расширению личностного влияния на окружающую среду, что является определяющим моментом, а умение «делать дело» выступает конечной целью предприимчивости.

Так понимается предприимчивость и в других языках народов мира. Но при этом важно, какие акценты и ударения выделены в трактовке этого понятия. Например, когда ударение делается на важности приближения, присвоения, «раньше других»: «Можно сказать, что предпринимательство – это особый вид деятельности, преуспеть в которой не каждому под силу» [8], то «лад» (дело) в таком случае отступает на второй план. Собственно, о таком двойственном понимании предпринимательства говорил М. Вебер, когда фиксировал наличие авантюрного и рационального типов предприимчивости. Первый действует по принципу: «Для успеха нужно быть хитрым и даже нечестным», стремясь лишь к сиюминутной победе». Второй же основывается на деловой этике и ориентируется на гарантированную прибыль в будущем.

Проведенный контент-анализ понятия «предприимчивость» в 15 популярных интернет-изданиях представил образ предприимчивого человека как очень активного и очень инициативного (упоминание во всех 15 изданиях), далее – рискующего (в 9 изданиях), оригинального, находчивого и практичного (в 5 изданиях). На последних местах в этом исследовании оказались инновационность, настойчивость, производство, ресурсы, хозяйственность, сбыт, услуги и др.

Этот анализ показывает, что предприимчивость понимается преимущественно как авантюризм. Неслучайно «авантюризм» – это первое слово среди синонимов понятия «предприимчивость».

Современное звучание предприимчивости в странах с высокой деловой репутацией иное. Ведущими ценностями японского предпринимательства выступают исключительное трудолюбие и творчество. В душе каждого японского дельца живет самурай с его фанатичным стремлением к полной самоотдаче, умением идти до конца и действовать на пределе своих возможностей. В германском предприимчивом человеке видят неограниченную ответственность перед обществом и высочайшую степень взаимного доверия между партнерами. К важнейшим ценностям современного американского предпринимательства относят взвешенное отношение к возможному провалу. Как представляется, социальные характеристики предприимчивости и предпринимательства здесь выделены весьма существенно.

Предприимчивость как личностную характеристику прежде всего раскрывают особым образом сформированные способы мышления, опирающиеся на природные таланты человека и полученные теоретические или опытные знания, а также сложившуюся систему ценностей и постоянную готовность к риску. Как особые формы интеллекта изначально толковались характеристики предприимчивости и предпринимателей В. Далем. В его словаре говорится, что предприимчивый человек – это не просто энергичный человек, но человек «находчивый и изобретательный, обладающий практической сметкой». «Находчивость», «изобретательность» и «сметка» по Далю – все это отличительные характеристики и особенности интеллекта как одного из оснований предприимчивости. Предприимчивым человек может быть в любом деле: в науке и искусстве, производстве и социальной сфере, в исследовательской деятельности и управлении и т. д.

Понимание роли психологических оснований предприимчивости с годами менялось. Уже С. И. Ожегов толкует понятие «предприниматель», подчеркивая, что его ведущей характеристикой выступают экономический интерес, наличие капитала и социальный статус, это «капиталист, владелец предприятия, крупный деятель, предприимчивый и практичный человек». Еще более выпукло эта тенденция видна в западных источниках, где предприниматель понимается как человек, лично осуществляющий хозяйственную деятельность. В общем, можно утверждать, что по мере накопления исследований предпринимателя все чаще представляют как «экономического человека». Даже особые личностные свойства предпринимателя рассматриваются на фоне оценки их влияния на бизнес-организации.

Настоящая позиция в исследовании природы предпринимательства довольно широко распространена. Так, по мнению М. К. де Врие и Д. Миллера, психологические акцентуации личности предпринимателя, такие как параноидальность, эпилептоидность, истероидность, психастенизм, шизоидность, самым существенным образом могут повлиять на предпринимательскую активность и сформировать соответствующую социально-психологическую атмосферу в организации [9]. Аналогичные результаты получены В. В. Радаевым по результатам исследований предпринимательских организаций, которые показывают, что личностные особенности предпринимателя в конечном итоге сказываются на всех элементах деятельности организации и могут проявляться как бюрократический, патерналистский, фратерналистский (братский), партнерский типы предпринимательской организации [10].

Социодинамика понятия предпринимательства. Среди многочисленных авторитетных исследований предпринимательства мы остановимся на трех концепциях отечественных авторов – В. В. Радаева, Г. К. Гинса и А. Е. Куделина – как концепциях, сформированных на различных методологических подходах.

Обобщенный взгляд В. В. Радаева на предпринимательство показывает, что в экономической социологии как проблема оно изучается в четырех аспектах: *предприниматель как собственник* (Ф. Кенэ, А. Смит); *предприниматель как организатор производства* (Ж.-Б. Сэй и Дж. С. Милль, А. Маршалл, К. Маркс, Л. Вальрас, К. Менгер, Ф. Визер, Й. Шумпетер, А. Коул, П. Дракер и мн. др.); *предпринимательство как функция, связанная с риском* (Р. Кантильон, Дж. Тюнен, Д. де Трэси, Г. Мангольт и др.); *предпринимательство как субъект, «совершающий выбор между контрактными отношениями свободного рынка и организацией фирмы в целях экономии трансакционных издержек»* [11]. Предпринимательство в экономической социологии в самом обобщенном виде исследуется как осуществление организационной инновации с целью извлечения прибыли или иного дохода. Автор специально подчеркивает возможное иное многообразие понимания предпринимательства, что «...Существуют еще полтора-два десятка переменных, которые обозначают многообразные видовые различия предпринимательской деятельности» [11].

Среди других актуальных проблем предпринимательства, рассмотренных В. В. Радаевым, оно активно исследуется как элемент социальной структуры (не функции), как социальный слой, взаимодействие которого с другими слоями и стратами социума порождает особые социальные отношения. Да и сами предприниматели состоят из множества социальных групп и субкультур со своей спецификой и особенностями взаимодействия. Этим социальным группам присуще множество противоречий, связанных со скоротечностью их существования и возможностью быстрой вертикальной мобильности. С другой стороны, это не всегда престижная занятость, особые формы индивидуализма и противопоставления, особые ценности. Предприниматели непременно связаны с нововведениями и почти всегда встречают сопротивление своим начинаниям и конкуренцию. К предпринимателям почти всегда активно стремятся маргинальные слои населения, включая молодежь, и в российских условиях оно все чаще становится вынужденной формой занятости молодежи.

Предпринимательство как исторически обусловленный процесс осуществлен русским политическим деятелем, ученым-юристом, членом правительства А. В. Колчака – Г. К. Гинсом, который в Харбине в 1940 г. издал книгу «Предприниматель». В ней он описал особенности предпринимательства, *исходя из тех факторов*, которые выступали значимой ведущей социальной силой, побуждающей к качественным изменениям предпринимательства по мере развития человеческого общества [12]. Обобщая данные Гинса, можно сделать некоторые выводы, относящиеся к развитию предпринимательства в различные периоды.

Античность. Предприниматель этого периода – собственник, промышленник, сельскохозяйственный производитель, обеспечивающий военную деятельность. Сыновья богатой знати по наследству становятся предпринимателями.

Средневековье. Предприниматель этого периода – феодал, епископ, купец. Участие молодежи ограничено пределами социальной стратификации и принадлежностью к высшим слоям общества. «Средневековое предпринимательство представлено целой галереей

весьма колоритных фигур. Это воинствующие торговцы наподобие не расстававшихся с мечом варяжских купцов. Это рыцари, кормившиеся “из стремени”, и аристократы, промышлявшие морским разбоем, пиратствовавшие первооткрыватели» [11].

Этап великих географических открытий и колонизации. Особенности типичных предпринимателей: это люди риска, готовые к авантурным предприятиям и способные отвечать за результаты этих предприятий. Для молодых предприимчивых людей открыты возможности самореализации и проявления предпринимательских талантов. Показателен в этом отношении пример Марко Поло, который, будучи сыном торговца, в 15 лет получил первый опыт путешествия и до 36-летнего возраста проживал за пределами родины, где проявил свои предпринимательские таланты в военном деле, промышленности и даже в государственном управлении. К моменту осуществления своих знаменитых путешествий он обладал уже большим опытом предпринимательства [13].

Этап монополизации. Особенности типичного предпринимателя этого периода – способность привлекать и концентрировать чужие капиталы и ресурсы, отстранение от практического управления своим предприятием. Для предприимчивой молодежи ограничивается доступ к высокодоходным сферам предпринимательства (нефти, металлопрокату и пр.).

Этап появления государственных и общественных предприятий характеризуется бюрократизацией, стремлением к очевидности и предсказуемости результата как итог реализации «модели контролируемого хозяйства» (Гинс). Предприимчивость молодых людей не поощряется, а иногда даже и ограничивается.

Этап глобализации. Особенности типичного предпринимателя – информированность, инновационность, наукоориентированность. Молодые предприимчивые люди находят реализацию своих интересов в рамках закрытых мощных транснациональных корпораций или в сферах самостоятельной предпринимательской деятельности, на второстепенных направлениях развития рынка товаров и услуг [14].

В результате становления предпринимательства в социальной системе возникает уникальный субъект экономической жизни с характерными особенностями: рискующий во имя вознаграждения, спорящий с окружающим миром за право его изменения, оценивающий возможности комбинаций факторов производства. Здесь инновативность выступает как конституирующая черта предпринимательства, которая позволяет определить тип личности предпринимателя. Этот тип – по существу, маргинальная личность, которая противопоставляет себя многим слоям, группам и стратам общества, для которой в значительной степени могут быть характерны чрезмерный эгоцентризм, рациональность, агрессивность, сильное стремление продвинуться вперед, несмотря на трудности [1].

Что же касается молодежного предпринимательства, здесь значение маргинальных свойств усиливается особенностями молодежи как особой (неустойчивой, ищущей себя) социальной группы. Осуществленный исторический анализ показывает еще одну важнейшую особенность молодежного предпринимательства – его зависимость от характера и специфики исторической эпохи. Самые активные периоды массового молодежного предпринимательства наступают во времена ломки социальных институтов, во времена революционных скачков и в периоды политических катаклизмов, они связаны с техническими переворотами. В такие времена стремление креативно решать возникающие задачи,

использовать новые обстоятельства и открывающиеся возможности нередко становится фактором активизации массового молодежного предпринимательства. Именно поэтому почти всегда в этих коловоротах истории активное участие принимает молодежь.

Важным выводом исследования Гинса о факторах становления предпринимательства является признание активизирующей роли государства и всех его институтов в развитии предприимчивости молодежи. Как отмечается в работе Е. Л. Самариной, «предпринимательство постоянно изменяется, оно может проявляться во множестве форм <...> При этом наличие или присутствие государственного регулирования предпринимательства может оказывать определенное влияние на состояние и развитие предпринимательства» [15]. По результатам исследования Е. В. Строгеецкой, это касается даже государственных университетов, куда в интересах успешности и высоких рейтингов проникает предпринимательский дух, когда «традиционные задачи воспроизводства культуры, продуцирования духовных ценностей и поиска истины отходят на второй план. Эта модель ориентирована на такие не свойственные классическим моделям университета виды деятельности, как коммерция, сервис, предпринимательство» [16]. Таким образом, очевидно, что без соответствующего государственного влияния на развитие молодежного предпринимательства в современном обществе оно становится практически невозможным.

Еще одна точка зрения на историю и социодинамику становления предпринимательства высказана А. Е. Куделиным [2]. Автор считает предпринимательство универсальным «общеисторическим феноменом», сопровождающим все развитие человеческого общества. Он определяет предпринимательство как «осуществление присущей человечеству сущностной функции неформализуемого (в принципе) практического исторического творчества через ответственную самостоятельность инициативных субъектов Истории, выступающую для них способом общественного самоутверждения» [2, с. 3–5].

В основу исследования социодинамики предпринимательства автор закладывает идею *отчуждения результатов труда* и на основании этого выделяет первобытное предпринимательство, при котором «нет разрыва между творцом и его творением», и три ступени в развитии предпринимательства в сложившемся социуме: 1) *сервизм* (античное рабовладельческое общество); 2) *феодализм* (европейское «феодовладельческое» общество) и 3) *капитализм* («общечеловеческое» капиталовладельческое общество) – они определяются способом производства и потребления прибавочного общественного продукта, т. е. способом эксплуатации трудящейся части народа его «освобожденной» от труда частью. А. Е. Куделин предполагает в перспективе еще одну стадию предпринимательства – «предпринимательство, так сказать, “субстанциональных”, освободившихся от отчуждения, “вернувшихся к себе”, личностей».

Таким образом, с точки зрения этого концептуального подхода предприниматели и предпринимательство являются атрибутивным свойством человечества, мало зависящим от каких-либо социально-демографических особенностей, включая возраст: «Рыночное общество транслирует свои прагматические и утилитарные установки отдельной личности, формирует регуляторы ее ценностного выбора – значимого и важного, а поэтому ценности индивида предопределены ценностями предпринимательства и корпоративизма господствующими в индустриальном обществе» [17, с. 84]. Предпринимательство, как историческое практическое творчество людей, является проявлением сущности любого человека и всегда для человечества

есть положительная ценность, к которой, при прочих равных условиях, можно и нужно стремиться всем и всегда [2]. В современном обществе, в условиях экономики рыночного хозяйствования, молодые предприниматели оказываются функционерами своих достигнутых общественных статусов, а через них – функционерами отчужденного общества вообще. В отчужденном обществе и предпринимательство оказывается отчужденным, в первую очередь для маргинальных групп, включая молодежь.

Личность предпринимателя. Обобщая анализ точек зрения о факторах становления предпринимательства, авторы показанных социально-экономических и исторических концепций тем не менее обращают внимание на тот факт, что предприниматели – это всегда особый психологический склад личности: «Не станем отрицать существования “природных” (“психологических”) предпринимателей – этих неумных энтузиастов, постоянно генерирующих организационные проекты; начинающих новое предприятие, еще не успев реализовать предыдущую идею, и оставляющих свое детище на чужое попечение в случае его успеха. Однако число таких людей все же минимально по сравнению с массой хозяйственников, обычно причисляемых к предпринимателям» [11]. Эту зависимость показывал еще Й. Шумпетер, считавший, что не более чем 5 % людей способны быть хорошими предпринимателями.

Какие психологические особенности положительно влияют на создание предпринимательского дела с точки зрения Шумпетера? Их несколько; это сочетание способности мечтать и проявлять волю в реализации мечты – «создание своей империи», чувство власти и стремление к борьбе за большие пространства и прибыли, радость творчества [18]. Сюда же следует отнести известные еще с середины XVII в. и высказанные в «Очерках общей природы коммерции» Р. Кантильона выводы о качествах предпринимателя как о *способности к риску*, а также владению искусством находить товары на одних (выгодных) условиях и реализовывать их по повышенной цене.

Далее с профессией предпринимателя начинают связывать способность осуществлять посреднические услуги в интересах государства. «Предприниматель» – в переводе с французского «посредник». Что здесь важно? Во-первых, оказание таковых услуг осуществляется на основе контракта между государством и человеком, способным организовать то или иное дело. Этот момент возникающей зависимости предпринимателей от государственного заказа следует отметить особо. Во-вторых, такой специалист полностью отвечает за результаты осуществляемого предприятия. В-третьих, ему будет принадлежать часть прибыли, если он сумеет организовать дело эффективно, т. е. его заработок зависит от умения «ловчить» – сэкономить, придумать оригинальное решение и пр.

Таким образом, теперь уже речь идет о предпринимателях как о способных организаторах, которым доверено государством (феодальным государством) осуществлять определенную деятельность и при этом извлекать выгоду в свою пользу. Значит, речь уже идет не о простом промышленнике или капиталисте, речь идет о людях с наличием многочисленных уникальных способностей. По понятным причинам во всем мире менее всего таким потенциалом обладают молодые предприниматели, и поэтому «молодые предприниматели с большим трудом получают доступ к традиционным источникам финансирования. Поскольку у них обычно недостает опыта и мало активов, финансовые институты оценивают

их как слишком рискованных клиентов. Следовательно, правительства должны поддерживать альтернативные механизмы и институты, которые предоставляют молодым предпринимателям доступ к капиталу, необходимому для запуска и развития их бизнеса» [19].

Понятие предпринимательства с трудом приживалось в российском лексиконе. Прежде всего, это касается понимания предпринимателя как антрепренера, как первой зафиксированной в науке статусно-ролевой позиции предпринимателя. По данным Р. Хизрича и М. Питерса, самое первое определение предпринимательства как профессиональной деятельности относится к организаторам театральной деятельности, парадов и музыкальных представлений, строительства и производства в Средневековье, но в основном – музыкальных проектов. По современным меркам это профессия *антрепренера* [20].

К анализу этого феномена обращался французский экономист Жан-Батист Сэй, который в 1800 г. сформулировал так свое представление о предпринимателе-антрепренере: «Антрепренер перебрасывает экономические ресурсы из сферы малой продуктивности в сферу большой продуктивности и пожинает плоды». Таким образом, изначально предпринимательство касалось деятельности, которая включает отношение к творчеству, связанной с умением организовывать деятельность других людей, объединять усилия самых различных специалистов и активно взаимодействовать с социальной внешней средой – аудиторией или публикой. Предприниматель – антрепренер, т. е. человек, обладающий особыми качествами для проведения каких-либо массовых предприятий, исполняющий предпринимательскую функцию от случая к случаю – ситуационно или на постоянной основе. Институт антрепренеров был широко распространен в Европе, а в России такие небольшие частные театры просуществовали до 1917 г., преимущественно в провинции [21].

Определение антрепренера долгое время отождествлялось с понятием «предприниматель». В обороте российской науки это слово появилось довольно поздно, даже позже, чем «антрепренер», и оба понятия воспринимались негативно. Вот что отмечает по этому поводу лингвист В. В. Виноградов в своей статье «О новых исследованиях по истории русского литературного языка»: «Слова *предприниматель* нет в словаре 1847 г. Но оно уже помещено в “Толковом словаре” Даля, хотя истолковано здесь чисто морфологически: “предпринявший что-либо”. В журнально-публицистическом языке 50-х гг. XIX в. это слово звучало как неологизм» [22].

И далее автор приводит слова В. Безобразова, сказанные в 1856 г.: «Нам уже не раз случилось употребить выражение *хозяин предприятия* вместо французского *антрепренер* <...> до сих пор употребляют слово *антрепренер*, когда говорят о какой-нибудь заморской затее для общественного увеселения, о театре, о кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чем-то непостоянном, случайном. Но *антрепренер* и не мог у нас получить того народного значения, какое соответствует этому слову на Западе <...> Наконец производное – *предприниматель* кажется нам слишком искусственным, слишком книжным, а книжные экономические названия, не подходящие ни под действительные экономические факты страны, ни под народные понятия, всегда кажутся чем-то чуждым, враждебным науке, которой лучшее, в настоящее время, начало, лучшее убеждение – это необходимость исследования только действительных фактов жизни» [23]. По иронии исторической судьбы в современных условиях молодежное предпринимательство активно развивается в небольших молодежных театрах, музыкальных группах и творческих коллективах, по существу, являясь антрепренерским предпринимательством.

Таким образом, этимологическое, т. е. первоначальное понимание индивидуальной предприимчивости, а вслед за этим и понимание категории «предпринимательство», существенно изменялось в ходе исторического развития, все больше приобретая новые социальные оттенки. Активное внимание к проблеме не случайно, поскольку предпринимательство сегодня – это важнейший социальный институт, который реализует функцию «упорядочивания организованных форм и способов удовлетворения базисных нужд и потребностей людей» [24]. В результате в социуме складывается объемное представление о том, какими многочисленными индивидуальными особенностями должен обладать молодой предприниматель и каким высоким социальным требованиям он должен удовлетворять, чтобы свою предприимчивость реализовать как статусно-профессиональное качество – стать предпринимателем.

Трансформация предприимчивости (личностное качество) в предпринимательство (социальный институт) составляет сложный социальный процесс, в реализации которого есть множество противоречий и трудностей, а также существенная зависимость от характера общественного развития и действий государства в отношении предприимчивых и инициативных людей, особенно молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яикова Л. В. Социологическое осмысление феномена предпринимательства // Изв. Саратовского ун-та. Сер. Социология. Политология. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 58–63.
2. Куделин А. Е. Предпринимательство как общеисторическое творчество общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Нижегород. гос. арх.-строит. ун-т. Н. Новгород, 2006.
3. Развитие молодежного предпринимательства: сегодня и завтра. URL: <file:///C:/Users/123/Desktop/РАБОЧИЕ%20%20202/!!!%20МП%20%20%20> (дата обращения: 12.12.2015).
4. Власов Г. Ю. Развитие молодежного предпринимательства на современном этапе // Российское предпринимательство. 2011. № 10, вып. 2 (194). С. 11–16.
5. Базунова М. Е. Предприимчивость личности как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Уральский гос. ун-т путей сообщения. Екатеринбург, 2007.
6. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4-> (дата обращения: 04.11.2015).
7. Правописание приставок ПРЕ- и ПРИ-. URL: <http://videotutor-rusyaz.ru/uchenikam/teoriya/123-pravopis> (дата обращения: 23.11.2015).
8. Гражданкина О. А., Гражданкин В. А., Киркеева Л. И. Трансформация теоретической компоненты понятия «предприниматель» // Вест. Алтайского гос. аграрного ун-та. 2012. № 3 (89). С. 113–118.
9. Никитова С. Г. Психопатологические критерии организационной культуры // Социология и психология организационной культуры. URL: www.e-college.ru/xbooks/xbook069/book/index (дата обращения: 21.10.2015).
10. Радаев В. В. Четыре способа утверждения авторитета внутри фирмы: некоторые результаты обследования предпринимателей // Социологический журн. 1994. С. 149–157.
11. Радаев В. В. Экономическая социология. Человек в роли предпринимателя. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/radaev_ekonom/03.aspx (дата обращения: 02.11.2015).
12. Гинс Г. К. Предприниматель. М.: Посев, 1992. 224 с.
13. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 20.11.2015).
14. Позняков В. П. Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2012. 522 с.
15. Самарина Е. Л. Этническое предпринимательство латиноамериканцев как стратегия адаптации в современной России: дис. ... канд. социол. наук // СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2014.

16. Строгеецкая Е. В. В поисках модели современного университета // Высш. образование сегодня. 2009. № 3. С. 15–17.
17. Дерюгин П. П., Тарасова О. О., Шилыева А. С. Ценности российской молодежи, ориентированной на предпринимательство и корпоративизм: проблемы методологии и опыт построения методики социологического исследования // Дискурс. 2015. № 1. С. 83–91.
18. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 193 с.
19. Молодежное предпринимательство / Международная конференция по расширению экономических возможностей молодежи–2011. Вашингтон, 7–9 сент. 2011 г.
20. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. 1. Предприниматель и предпринимательство / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 96 с.
21. Антрепренер // Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
22. Виноградов В. В. История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. 323 с.
23. Безобразов В. О промышленных предприятиях // Русский вест. 1856. Т. 2, кн. 2. С. 314–315.
24. Сухарева А. М., Милецкий В. П. Социально-правовые институты в фокусе социологического дискурса // Вест. СПбГУ. Сер. 12. 2014. Вып. 3. С. 186–193.

P. P. Deryugin

Saint Petersburg State University

A. S. Shilyaeva

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

SOCIODYNAMICS OF YOUNG PEOPLE VALUES: FROM ENTERPRISE TO ENTREPRENEURSHIP

Socio-linguistic and socio-dynamic analysis of the concepts of enterprise and entrepreneurship is performed. The significance, scientific and applied aspects of the problem are shown. The main factors contributing to increase of entrepreneurial activity of youth are disclosed as well as transformation stages of enterprise into entrepreneurship.

Enterprise, entrepreneurship, sociolinguistics concepts, socio-dynamics formation of entrepreneurship, approaches to understanding of entrepreneurship in history and sociology, youth entrepreneurship, specificity of Russian understanding of entrepreneurship, differences in understanding of entrepreneurship

УДК 378.1:378.4:167.168

Е. В. Строгеецкая, И. Б. Бетигер

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

НЕЛИНЕЙНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТРАЕКТОРИИ СТУДЕНТОВ КАК ПРИЗНАК УНИВЕРСИТЕТА, НАЦЕЛЕННОГО НА ЛИДЕРСТВО

Тематика статьи задана проблемой поиска путей институционального самосовершенствования. В качестве такого пути предлагается рассматривать формирование в вузе мультиинституциональной среды, отвечающей на вызовы современного эпистемологического поворота, который появляется на фоне новых условий развития и функционирования знания и содержит в себе значительные изменения требований к знаниям и навыкам работы с ними, передаваемым в университетах. Раскрывается содержание термина «мультиинституциональная среда университета», вводится дифференциация между ее реальным и номинальным характером, обосновывается оценка ее реального структурного проявления как конкурентного преимущества современного университета. Вводятся понятия «нелинейная образовательная траектория» и «брокер знаний». Доказывается принципиальное влияние реальной структурно выраженной мультиинституциональной образовательной среды на формирование нелинейных траекторий. Приводятся результаты кейс-анализа восьми ведущих вузов России, выявляющего практики структурной реализации мультиинституциональной образовательной среды.

**Высшее образование, институциональное самосовершенствование,
лидерские модели университетов, мультиинституциональная среда университета,
нелинейные образовательные траектории, брокер знаний**

Для современного периода развития высшей школы характерны неутрачиваемые дискуссии относительно построения новых лидерских моделей университета. Пожалуй, одной из самых известных на сегодняшний день является модель университета мирового класса, отличительная черта которой состоит в способности такого вуза привлечь лучших студентов и преподавателей из разных стран и, как следствие, достичь и сохранить лидирующие позиции мировых рейтингов [1]. Вместе с тем подход к рейтингованию вузов как к стимулу для их развития подвергается критике со стороны многих исследователей высшего образования. Наиболее выраженные претензии к рейтингам связаны с заметной устойчивостью их критериев, что превращает процесс достижения высоких позиций в гонку ради гонки и обеспечивает вузы и организации, работающие в сфере высшего образования (например, издательства), возможностями создания имитационных механизмов роста рейтинговых позиций. Неслучайно в российской университетской среде появились такие расхожие выражения, как «нагнать рейтинг» или «сделать рейтинг». Еще одна претензия к мировым рейтингам появляется вследствие оторванности их показателей от национальных интересов.

На этом фоне весьма перспективной кажется идея флагманского университета, разрабатываемая международным коллективом авторов под руководством Дж. Дугласа [2]. На первый взгляд, призыв к университетам, сосредотачивающим свое внимание на повышении качества образования и научных исследований, осуществлять еще и «третью» миссию – служение обществу, а также направлять свои усилия на институциональное самосовершенствование,

кажется более чем достойным реализации. Однако пока идея флагманского университета столь же привлекательна, сколь и абстрактна. Стоит отметить, что упомянутая предшественница идеи флагмана – модель университета мирового класса – не лишена того же недостатка: она слабо формализована, что представляет существенную проблему для вузов, решивших развиваться по ее пути.

Проблема неопределенности путей развития при заданных целевых ориентирах представляется общемировой. Россия в данном контексте не только не является исключением, но представляет типичный пример. Реформирование высших учебных заведений в России имеет вертикальный нисходящий характер. Чаще всего государство выходит с инициативой появления нового статуса (категории) вузов, получение которого сопряжено с выполнением жестких целевых требований. Так, например, это может быть запуск новых инновационных образовательных программ, интенсификация научных исследований в приоритетных отраслях экономики, высокий индекс цитирования, попадание в различные рейтинги или даже лидерство в них и т. д. Вместе с тем относительная степень свободы и, одновременно, проблема для вузов сохраняется в выборе и проведении самих изменений, в частности структурных.

На что ориентироваться в ответе на вопрос, что и как изменять в вузах на пути достижения лидерства? Чаще всего отправным стимулом для начала преобразований в вузах, помимо их стремления войти в ту или иную лидерскую категорию, признается финансовый дефицит, а ориентиром для изменений в университетах – их нацеленность на расширение возможностей получить разного рода ресурсы, в том числе диверсификацию источников финансирования вуза. Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что деятельность университетов целиком строится вокруг знания, а современность меняет наши представления о его атрибутивных свойствах. Если принять положение о том, что именно свойства знания, принимаемые обществом как атрибутивные, детерминируют институциональные основы устройства университетов [3, с. 142], то изменения первых представляет собой веский повод для трансформации вторых.

В связи с этим вопрос определения направлений и ориентиров преобразований в университетах должен решаться в контексте анализа формирующейся неклассической эпистемологии [4]. Она появляется на фоне новых условий развития и функционирования знания и содержит в себе значительные изменения требований к знаниям и навыкам работы с ними, которые передаются в университетах. Интересно, что при всей новизне условий и требований ресурсы обеспечения последних заложены в исторически сложившихся и апробированных институциональных моделях университета [3, с. 143–146] (см. таблицу).

Условия развития и функционирования современного знания	Изменения требований к знаниям и навыкам, передаваемым университетом	Институциональная модель университета
Знания развиваются кризисно и неравномерно	• Достоверность и логическая обоснованность знаний. • Владение релевантным научным методом	Исследовательская модель
Знание глубоко дифференцировано	• Междисциплинарность. • Критическая межпарадигмальность. • Умение оперировать фрагментами опыта	Либеральная модель
Доступность мировых информационных ресурсов	• Популяризация знаний. • Стандартизация. • Умение ориентироваться в информационных потоках	Массовая модель
Детерминированность социальных сфер рыночными отношениями	• Прагматичность, клиентоориентированность. • Утилитарность. • Умение коммерциализировать знания	Предпринимательская модель

Многовековое развитие знания привело к его чрезвычайной многоликости [4, с. 16]. Парадоксально, но глубокая дифференциация современного научного знания обусловила не столько изоляцию наук друг от друга, сколько необходимость «открыть границы» и функционировать совместно. Все это продиктовало современному университету требование обеспечить студентов опытом междисциплинарных исследований, критического анализа и умением дефрагментировать собственный профессиональный опыт и интегрировать его фрагменты в нечто новое [5]. Ресурсы для удовлетворения этого требования были заложены в принципах либеральной модели устройства университета.

Признание контекстуальности и условности знания [6, с. 228] заметно ужесточает требования к достоверности, логической обоснованности и доказательности знаний, продуцируемых и передаваемых вузами. Подтверждение тому мы можем обнаружить в повышенном внимании к вопросу цитируемости научных работ, что, собственно, и призвано подтвердить их достоверность и научную состоятельность. В этих условиях уровень подготовленности выпускников неразрывно связан с тем, насколько они владеют научным методом, признанным релевантным в том или ином научном сообществе. Требования достоверности знания и владения научным методом – это не что иное, как принципы, сформировавшие некогда исследовательскую модель университетского устройства.

Бурное развитие техники и технологий породило широкую доступность мировых информационных ресурсов. С одной стороны, эта широта порождает массовую потребность ориентироваться в ней, а следовательно, овладеть базовыми технологиями обращения с информацией. С другой стороны, возникает кажущаяся легкость в освоении этих технологий, и здесь у университета появляются косвенные конкуренты. Чтобы привлечь наибольшее число потребителей своих услуг, университет вынужден заниматься популяризацией передаваемых наук. С третьей стороны, чем больше потребителей готовы обратить свой выбор на университет, тем меньше возможностей индивидуализации образовательного процесса у него остается. Требования стандартизации и популяризации обучения, а также обеспечения студентов навыками работы с той или иной информацией лежат в основе массовой модели университетского устройства.

Наконец, детерминированность социальных сфер рыночными отношениями обязывает знание иметь потребительскую ценность, выступать товаром. Это, в свою очередь, предъявляет к университетским знаниям требования прагматичности, клиентоориентированности и утилитарности. Выпускник университета должен овладеть навыками их коммерциализации. Выполнение данных требований эффективнее всего реализует предпринимательский университет.

Таким образом, эпистемологический поворот, а также новые условия функционирования и развития знания ставят современные университеты перед выбором: либо следовать одной из известных институциональных моделей, которая воспроизводит единственный тип знания (либерального, научного, массового или «продаваемого»), и тем самым не претендовать на статус институции, построенной вокруг универсальности знания; либо пытаться удовлетворять всем требованиям, предъявляемым к современному знанию, тем самым обеспечивая его универсальность. Последнее возможно в рамках реализации комплекса всех исторически сложившихся институциональных моделей внутри одного университета. Результатом такой реализации должна стать мультиинституциональная среда вуза.

Эмпирический анализ свидетельствует, что многие лидирующие (например, МИТ) и динамично развивающиеся (например, Университет ИТМО или НИУ ВШЭ) университеты

делают свой стратегический выбор в пользу формирования мультиинституциональной среды. Это заставляет обнаружить в ней средство поддержания организационной жизнеспособности вуза, своего рода конкурентное преимущество, что вполне согласуется с естественными организационными теориями, которые в любом расширении возможностей организации усматривают гарантии ее выживаемости и развития. Однако дает ли мультиинституциональная среда какие-либо преимущества обучающимся?

Для формализации различий профессионально-образовательного опыта, получаемого студентами в рамках однородной институциональной модели университета или в условиях мультиинституциональной среды вуза, введем категорию линейности образовательной траектории. Если исходить из идеи о том, что каждая отдельно взятая историческая модель университета институционализирует определенный тип знания и тем самым вводит ограничения на обучение и работу с другими его типами¹, то проявления этих ограничений можно обнаружить в конфигурировании профессионально-образовательных маршрутов. В силу лимитированной вариативности образовательные траектории такого рода можно назвать линейными, т. е. обеспечивающими студентов однородным эпистемологическим опытом (опытом работы с научным, либеральным, массовым или клиентоориентированным, а часто с еще более суженным – инженерным, гуманитарным, социальным и т. д. – знанием).

Напротив, нелинейная образовательная траектория (НОТ) – это индивидуальный образовательный маршрут обучающегося, конфигурируемый по принципу освоения дифференцированного научно-образовательного опыта в областях функционирования различных институциональных моделей университетского устройства или в зонах их взаимного влияния. Выстраивая свою образовательную траекторию таким образом, обучающийся получает дифференцированный научно-образовательный или эпистемологический опыт, поскольку соприкасается с различными методологиями продуцирования знаний, что увеличивает его профессиональную адаптивность и расширяет интеллектуальные возможности для решения нестандартных задач. Полезность такого опыта подтверждается успешными карьерами выпускников нескольких вузов. По аналогии с термином «культурный брокер» их можно именовать «брокерами знания».

Теоретически функционирование нескольких институциональных моделей внутри одного вуза создает возможность для студентов стать брокером знания уже в период получения первого (или одного) высшего образования. Трудность, а точнее, неопределенность связана с реальными практиками конструирования нелинейных образовательных траекторий. Для их изучения авторы статьи провели анализ кейсов восьми ведущих университетов России (семь из них – это вузы, вошедшие в проект 5–100, один – национальный исследовательский университет), который выявил некоторые закономерности взаимосвязи между методами формирования мультиинституциональной среды в вузе и средствами конструирования нелинейных образовательных траекторий.

Первая группа закономерностей связана с тем, что формирование мультиинституциональной среды может осуществляться на нескольких уровнях: нормативном, структурном, ролевом и социоментальном.

¹ Яркими примерами эпистемологической селективности однородной институциональной среды вуза является модель исследовательского университета, настаивающего на научном знании как единственно приемлемом для передачи в высшем учебном заведении, а также модель предпринимательского университета, ограничивающего работу с фундаментальным знанием в пользу утилитарного.

Главное средство воздействия нормативного уровня на формирование образовательных траекторий – это учебный план, в дизайне которого действительно можно достичь как наличия, так и взаимного влияния различных институциональных моделей. Например, жесткая регламентация учебных планов образовательными стандартами – это дань массовой модели, а присутствие в составе учебного плана вариативной части – это элемент либеральной модели: чем шире и разнообразнее вариативная часть, тем сильнее влияние либеральной модели. Унификация учебных планов также реализует принципы массовой модели, а их дифференциация по образовательным направлениям может указывать на ориентацию подготовки на рынок и/или требования работодателя, то есть соответствовать предпринимательской модели.

Наличие и объем в учебном плане научной составляющей (например, исследовательских семинаров, научных проектов, исследовательских практик) – показатель взаимодействия массовой и исследовательской моделей. Вместе с тем очевидно, что учебные планы, обязанные гарантировать узко направленную профессиональную подготовку и дать основания для общественного признания факта получения той или иной квалификации обучающимся, не столько способствуют формированию индивидуальных образовательных траекторий, тем более нелинейных, сколько формализуют пределы их вариативности, задают их границы.

Действие социоментального уровня институциональной среды вуза на формирование индивидуальных образовательных траекторий студентов связано с интериоризацией ими университетских ценностей. Оно становится заметным тогда, когда обучающиеся самостоятельно и рационально выбирают свои маршруты, руководствуясь при этом воспринятыми ими традиционными базовыми представлениями нескольких институциональных моделей или новыми смешанными ценностями, появившимися в сознании вузовской общности в результате взаимодействия моделей.

Процесс ценностной интериоризации весьма сложен и долгосрочен. Самым результативным его методом является усвоение представлений в ходе неформального общения. Однако, во-первых, студенты склонны к традиционному или целеориентированному, а не к ценностно-рациональному выбору образовательных траекторий, что не позволяет оценить степень влияния усваиваемых базовых представлений. Во-вторых, неформальное общение студентов с преподавателями в российских вузах – малораспространенное явление. Стоит предполагать, что социоментальный уровень, безусловно, окажет свое воздействие на рациональность обучающихся, но его проявлений стоит ожидать в некоторой временной перспективе, например, при построении профессиональной траектории после окончания вуза.

Влияние ролевого уровня на выбор образовательного маршрута студентами заметно выше, чем в предыдущих случаях. Это объясняется тем, что именно с ролями работников вуза студенты соприкасаются в рамках образовательных практик. Часто отношение к роли преподавателя становится ключевым фактором в выборе студента. В этом смысле интерес вызывает тот факт, что сочетание ролей одним преподавателем иногда приводит к меньшей удовлетворенности обучающихся, чем явное проявление какой-либо одной институциональной роли. Например, самым непривлекательным (и даже раздражающим) для студентов оказалось сочетание ролей ученого и предпринимателя. На практике это сочетание редко проявляется в том, что преподаватель приглашает студентов в свои научно-коммерческие проекты, но делает его менее доступным для студентов. Хотя влияние ролевого институционального уровня на формирование образовательных траекторий предполагаемо высоко, измерить его весьма трудно, поскольку для этого, прежде всего, требуется наблюдение.

Наибольший интерес для исследователя представляет структурный уровень не в последнюю очередь потому, что его анализ можно проводить не включенно. Кроме того, он оказывает наибольшее влияние на формирование образовательных траекторий, так как, с одной стороны, научно-образовательная деятельность реализуется в рамках вузовских структур, которые становятся для студентов узнаваемыми маркерами того или иного типа институционального порядка, а с другой стороны, внутривидовое и междисциплинарное взаимодействия происходят на ролевом и социоментальном уровнях.

Вторая группа закономерностей обусловлена тем, что мультиинституциональная среда, сформированная в вузе на структурном уровне, может иметь номинальный, реальный или смешанный характер. В номинальной среде различные институциональные модели структурно изолированы друг от друга. Они реализуются в традиционных профилированных факультетах, кафедрах или лабораториях. Самым ярким примером номинальной среды являются гуманитарные факультеты и кафедры в структуре инженерного вуза. Они обеспечивают студентов опытом работы с либеральным знанием, в своем преподавании базируясь на принципах междисциплинарности и междисциплинарности или, по крайней мере, предлагая широкий выбор различных гуманитарных дисциплин.

Еще одним примером выступают научно-исследовательские институты, входящие в структуру университета, но работающие автономно от других его подразделений. Они могут обеспечивать научный потенциал вуза, но не участвовать в учебном процессе, хотя и привлекать студентов в осуществление своей деятельности. Третьим примером являются малые предприятия, созданные университетом. Номинальность во втором и третьем случае подкрепляется еще и ограниченностью круга преподавателей и студентов, задействованных в деятельности этих структур. Часто это преподаватели и студенты одного факультета, одной кафедры и даже одного направления.

Реальный характер мультиинституциональной среды обусловлен наличием в структуре вуза постоянных или временных подразделений/проектов, которые руководствуются в своем функционировании смешанными принципами разных институциональных моделей. Например, полифункциональные лаборатории или постоянно действующие научные или учебные междисциплинарные семинары. В настоящее время самое широкое распространение приобрели структуры, порожденные взаимным влиянием тех институциональных моделей, которые либо доминировали в истории развития высшей школы России, либо получили острую востребованность сегодня. Это, прежде всего, сочетание исследовательской модели (своего рода идеала для российских университетов) и предпринимательского университета (модель, продиктованная условием дефицита финансирования и стимулами со стороны государства), выраженное в форме научно-инновационных структур.

На практике в устройстве современных университетов чаще всего приходится сталкиваться со смешанной мультиинституциональной средой, сочетающей особенности описанных выше разновидностей.

Третья группа закономерностей обнаруживается при анализе особенностей нелинейных образовательных траекторий, сформированных в номинальной и в реальной мультиинституциональной среде вуза. Проходя обучение или практику в разных, но изолированных друг от друга институциональных сферах (например, прослушивая курсы на гуманитарном факультете и подготавливая курсовую работу в научно-техническом исследовательском центре), студент, безусловно, осваивает разнородный эпистемологический опыт. Но в то же

время, если перед ним не стоит задача использовать полученные знания и навыки совместно для решения какой-либо познавательной или практической задачи, то, скорее всего, они так и останутся фрагментами различных методологий работы со знанием, но не целостной новой эпистемологической матрицей.

Кроме того, средством обеспечения студентов дифференцированным научно-образовательным опытом в номинальной среде выступает учебный план. А он, как было установлено ранее, может иметь дизайн, как выступающий своего рода маршрутной картой, так и полностью лишаящий студентов какого бы то ни было выбора. Обе особенности индивидуальных образовательных траекторий, сформированных в номинальной мультиинституциональной среде, позволяют применить к ним термин «квазинелинейные».

На наш взгляд, формированию подлинных нелинейных образовательных траекторий способствует реальная, структурно выраженная образовательная мультиинституциональная среда университета. Такие качества ей придает соблюдение двух условий. Первое – это наличие в структуре вуза подразделений или проектов, образованных в результате взаимного влияния двух или нескольких институциональных моделей университетского устройства. Второе – возможность получения студентами образовательного, исследовательского или практического опыта в таких подразделениях или проектах.

Чтобы выделить зоны взаимного влияния институциональных моделей в структуре университета, мы обратились к их атрибутам. В центре нашего внимания оказались свойства передаваемого в университете знания, а также ожидаемые качества выпускников (см. рисунок). Оценка распространенности мультиинституциональных структур в современных университетах России стала ключевым результатом представляемого анализа.

Среди мультиинституциональных структур можно обнаружить ряд зарекомендовавших себя, широко распространенных в мировых и российских университетах или теоретически обоснованных организационных конструкций. Взаимовлияние исследовательской и предпринимательской моделей реализуется в хорошо известной форме научно-инновационных структур и проектов, нацеленных на продуцирование и коммерциализацию научного знания. Анализ кейсов ведущих университетов России показал, что это самый распространенный вид мультиинституциональных структур. Наличие таких структур было выявлено во всех восьми вузах в форме технопарков, центров трансфера технологий или инновационных центров разного уровня. Важно отметить, что далеко не все из них вовлекают в свою деятельность студентов. По крайней мере, три университета из восьми в документах, регламентирующих деятельность таких структур, явно упоминают только о возможностях для сотрудников и преподавателей вуза.

Передача максимально широкого знания, свойственного либеральному университету, многочисленной аудитории обучающихся, что характерно для массового образования, часто осуществляется в традиционных практиках факультативов. Они давно стали широко распространенным явлением в вузах России (вместе с тем из восьми рассмотренных университетов только у шести на официальных сайтах была обнаружена информация об открытой записи и вообще о наличии факультативов). Интересной особенностью этих практик является то, что среди них чаще всего имеют место факультативы из блока ГСЭ, а также элективные курсы, связанные с прикладным применением информационных технологий. Гораздо реже встречаются естественно-научные и технические факультативы.

Взаимодействие исследовательской и либеральной моделей проявляется в максимально разностороннем научном анализе той или иной проблемы, что структурно обеспечивается работой междисциплинарных научных групп/проектов. Междисциплинарные структуры не имеют такой широкой распространенности в российских университетах, как предыдущие конструкции и практики, но приобретают в настоящее время целевой характер, поскольку их появление в силу ожидаемой продуктивности, обоснованной в теории и в международном опыте, становится показателем успешности и прогрессивности вуза. Явно междисциплинарные структуры были представлены только в трех вузах из восьми, например, в форме Центров превосходства или научно-образовательных центров, научно-учебных групп. Во всех проанализированных случаях студенты активно вовлекаются в работу этих структур. В остальных вузах междисциплинарные структуры упоминаются в стратегических планах и программах развития.

Особый интерес представляют зоны взаимного влияния институциональных моделей университета, которые менее очевидно выражают признаки их взаимопроникновения и/или реже встречаются на практике. На наш взгляд, для того чтобы обнаружить взаимодействие либеральной и предпринимательской моделей, необходимо концентрироваться не только на свойствах передаваемого знания, но и на ожидаемых качествах выпускников. Поэтому в фокусе внимания при поиске соответствующих мультиинституциональных структур оказались бизнес-инкубаторы. Помимо развития бизнес-идей они способны обеспечить социальное становление группы предпринимателей и формирование сетевых взаимоотношений между ними. Такая функциональная направленность характерна для либерального университета, который видит свою миссию даже не в том, чтобы студенты изучили ту или иную академическую дисциплину, а в их интеллектуальном и социальном

развитии [7, с. 62], формировании определенного круга людей, объединенных стилем мышления и действия. В семи вузах из восьми открыты бизнес-инкубаторы. По своему функциональному назначению, они предполагают возможность обучения, в том числе и студентов, желающих реализовать свои бизнес-идеи.

Особые трудности были связаны с выявлением зон взаимного влияния исследовательской и массовой, а также массовой и предпринимательской моделей. Было выдвинуто предположение, что первое взаимодействие может обеспечиваться вовлечением студентов, заинтересованных тем или иным научным направлением, в популяризацию своей науки посредством преподавания соответствующих дисциплин менее подготовленным учащимся (младшекурсникам или школьникам). Так появилась идея поиска практик обучения студентов/школьников студентами. Такие практики для российских вузов – редкость. Анализ выявил одну программу обучения студентов и две программы для школьников. При этом две последние предполагают участие в качестве обучающихся как студентов, так и преподавателей, а первая ориентирована на вовлечение в обучающую деятельность в качестве преподавателей только студентов.

Для обнаружения признаков взаимодействия предпринимательской и массовой моделей мы исходили из таких их свойств, как ориентированность предпринимательских проектов на ценности целевой аудитории и массовость этой аудитории. Представляется, что наиболее явно сочетание этих свойств реализуется в общественных проектах, разрабатываемых студентами. Проведенный кейс-анализ показал, что общественно значимые проекты, организованные студентами или проведенные с их участием, – это наименее распространенное явление в ведущих вузах России.

В заключение хотелось бы отметить, что в поиске лидерских моделей университетов наиболее новой и привлекательной на сегодняшний день является идея флагманского университета, базовой чертой которого называется стремление к институциональному самосовершенствованию. Поскольку деятельность университетов и их институциональное устройство онтологически связаны с признаваемыми обществом свойствами знания, то, выбирая направления институционального совершенствования, необходимо учитывать вызовы эпистемологического поворота, который состоит в изменении социальных представлений о свойствах знания. Ответом на эти вызовы может стать формирование мультиинституциональной среды университета. Конкурентным преимуществом мультиинституциональную среду вуза делает, в частности, то, что она обеспечивает формирование нелинейных образовательных траекторий, а они, в свою очередь, позволяют студентам стать брокерами знания, потенциально увеличивая их профессиональную адаптивность.

Главная трудность современных университетов, выбирающих мультиинституциональный путь развития, заключается в практическом конструировании нелинейных образовательных траекторий. В статье приводятся результаты кейс-анализа восьми ведущих вузов России, выявляющего практики структурной реализации взаимного влияния институциональных моделей университетского устройства. На основании кейсов можно сделать вывод о том, что университеты России, нацеленные на лидерство, действительно имеют в своей структуре и/или намерены организовать подразделения или проекты, способствующие формированию нелинейных образовательных траекторий студентов. Однако анализ показывает, что вузы используют неполный набор ресурсов межинституционального вза-

имодействия. Кроме того, остаются открытыми вопросы о реальной степени вовлеченности студентов в работу таких структур и о мере влияния нелинейности на дальнейшее конструирование профессионально-образовательных траекторий обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / под ред. Ф. Дж. Альтбаха, Д. Салми. М.: Весь мир, 2012. 403 с.
2. The New Flagship University. Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy / Ed. by J. A. Douglass. Palgrave Macmillan. 2015. 217 p.
3. Строгеецкая Е. В. Динамика институциональной модели университета в условиях социокультурных изменений // Вест. СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 3. С. 142–150.
4. Розов М. А. Философия науки в новом видении / отв. ред. Л. П. Киященко и В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура: коллективная монография. СПб.: Мир, 2009. С. 248–312.
5. Bauman Z. Universities: Old, New and Different // Smith A., Webster F. The Postmodern University? Contested Visions of Higher Education in Society. Buckingham: Open Univ. Press, 1997. P. 78–87.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
7. Розовски Г. Университет. Руководство для владельца. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2015. 328 с.

E. V. Strogetskaia, I. B. Betiger
Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

STUDENTS' NONLINEAR EDUCATIONAL TRAJECTORIES AS A SIGN OF LEADERSHIP-ORIENTED UNIVERSITIES

The subject matter of the article is given by the search of paths towards institutional self-improvement. It is suggested to consider as such a path the formation at HEI of multi-institutional environment responding to challenges of modern epistemological turn which occurs in the background of new conditions of the development and functioning of knowledge and contains in itself considerable requirements changes to knowledge and skills to work with it taught at the universities. The content of the term "multi-institutional environment of the university" is introduced. Differentiation between its real and nominal character is introduced. The validity of the assessment of its structural implementation as a competitive advantage of the modern university is substantiated. The terms of "non-linear educational trajectory" and "knowledge broker" are introduced. A major influence of real structurally marked multi institutional educational environment on the formation of nonlinear trajectories is proved. The article presents the results of the case analysis of 8 leading Russian universities revealing the practice of structural realization of multi institutional educational environment.

Higher education, institutional self-improvement, leadership models of universities, multi-institutional university environment, nonlinear educational paths, knowledge broker

Барина Нина Анатольевна

Ассистент кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 346-29-24. E-mail: nabarinova@etu.ru

Бетигер Ирина Борисовна

Заместитель руководителя службы социологического и психологического сопровождения учебного процесса Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 940-55-84. E-mail: bib1973@yandex.ru

Волков Алексей Владимирович

Д-р филос. наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологи Петрозаводского государственного университета.

Тел.: +7 (909) 568-69-68. E-mail: alexvolkoff@bk.ru

Дерюгин Павел Петрович

Д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (964) 323-61-65. E-mail: ppd1@rambler.ru

Замотин Максим Павлович

Старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 234-25-15. E-mail: jethro79@mail.ru

Косухина Мария Александровна

Канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (931) 201-13-19. E-mail: masha.kossukhina@mail.ru

Котенко Виталий Павлович

Д-р филос. наук, профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 558-03-28.

Марков Борис Васильевич

Д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (812) 274-80-51. E-mail: bmarkov@mail.ru

Михайлов Юрий Иванович

Д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 510-59-03. E-mail: yuim@yandex.ru

Огороднова Анна Михайловна

Аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 983-73-06. E-mail: annaogorodnova@yandex.ru

Пименов Никита Павлович

Аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 404-50-30. E-mail: n.pimenov@bk.ru

Семенов Виктор Павлович

Д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и систем качества Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (812) 346-47-86. E-mail: vps@etu.ru

Соколов Евгений Георгиевич

Д-р филос. наук, профессор кафедры русской философии и культуры института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (812) 544-10-28. E-mail: EGSlov@gmail.com

Строгецкая Елена Витальевна

Канд. полит. наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 301-44-07. E-mail: avs1973@list.ru

Хубулава Григорий Геннадиевич

Канд. филос. наук, ассистент кафедры этики института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Тел.: +7 (911) 178-02-64. E-mail: g.hubulawa@yandex.ru

Швецова Ольга Андреевна

Канд. экон. наук, доцент кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 755-30-56. E-mail: shv_olga@rambler.ru

Шиляева Анна Сергеевна

Аспирантка кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Тел.: +7 (921) 342-22-06. E-mail: ann-shilyaeva@yandex.ru

В редакционный совет журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- файлы на CD-диске (в отдельных случаях по предварительному согласованию с редсоветом допустима передача материалов по электронной почте):
 - рукопись статьи;
 - сведения об авторе(ах);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - рукопись статьи (статья должна быть объемом до 1 п. л. (40 000 знаков, включая пробелы));
 - сведения об авторе(ах);
 - рекомендация кафедры с указанием наименования тематического раздела, в котором предполагается опубликование материала;
 - экспертное заключение о возможности опубликования материала в открытой печати;
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих (не обучающихся) в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Сведения об авторах должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью) автора.
2. Основное место работы.
3. Должность.
4. Ученую степень, ученое звание.
5. Контактный телефон, адрес электронной почты.

Все сведения печатаются в строку (без отступов между абзацами) на русском и английском языках.

Правила оформления текста статьи

Статья должна быть тщательно отредактирована, содержать признаки научной публикации:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее, нижнее и левое 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- основной текст статьи: шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; первая строка с абзачным отступом 0,8 см; междустрочный интервал «Множитель 1,15»; автоматическая расстановка переносов.

На первой странице указывается индекс УДК (в левом верхнем углу; шрифт «Times New Roman» 14 pt; междустрочный интервал одинарный); далее даются инициалы и фамилии авторов, затем основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на русском языке. Инициалы и фамилии авторов, основное место работы, название статьи, аннотация статьи и ключевые слова на английском языке размещаются в конце публикации после библиографического списка.

Перечень авторов разделен запятыми, инициалы перед фамилиями (шрифт «Times New Roman» 12 pt, полужирный; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 20 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Основное место работы набирается строчными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, курсив; выравнивание по левому краю, абзацный отступ слева 0,8 см; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 0 pt, после 8 pt, междустрочный интервал одинарный).

Название статьи набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 15 pt; полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него – 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Аннотация содержит 3–7 строк, характеризующих содержание статьи (шрифт «Times New Roman» 9 pt, курсив; выравнивание по ширине; отступы: слева и справа 0,8 см; интервалы перед абзацем 6 pt, после 0 pt, междустрочный интервал одинарный).

Ключевые слова состоят из 3–10 слов и словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми, в конце их перечисления точка не ставится; шрифт «Times New Roman» 10 pt, полужирный; выравнивание по левому краю; автоматические переносы отключены; интервалы перед абзацем 12 pt, после него 12 pt; междустрочный интервал одинарный).

Далее следует текст статьи.

После основного текста следует библиографический список, который включает:

➤ *заголовок* «Список литературы» набирается прописными буквами (шрифт «Times New Roman» 12 pt, жирный; выравнивание по центру; интервалы: перед абзацем 12 pt, после него 8 pt; междустрочный интервал одинарный);

➤ *библиографическое описание источника* с порядковым номером ссылки на него по тексту, начиная с первого, выполненное по ГОСТ 7.3–2003. Библиографическое описание документа. Введ. 01.07.2004 / Госкомстандарт. М., 2004 (отдельным абзацем; шрифт «Times New Roman» 10 pt; первая строка с абзацным отступом 0,8 см; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Сноски постраничные. Нумерация сносок сквозная в рамках страницы (шрифт «Times New Roman» 10 pt, обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный).

Для создания *формул* используется редактор MathType. Необходимо использовать следующие установки редактора формул. Размеры: «полный» 12 pt, «подстрочный» 10 pt, «под-подстрочный» 8 pt, «символ» 16 pt, «подсимвол» 14 pt; стили: текст, функция, число – шрифт «Times New Roman», вектор-матрица – шрифт «Times New Roman», полужирный; греческий малый, греческий большой, символ – шрифт «Symbol», прямой; переменная – шрифт «Times New Roman», курсив.

При наборе формул без использования редактора формул индексы ставятся размером 10 pt со смещением на 3 pt вверх или вниз (Главная → Шрифт → Дополнительно → Смещение) в зависимости от того, надстрочный или подстрочный индекс. Не использовать Шрифт → Видоизменение → надстрочный/подстрочный. Если у величины есть одновременно и надстрочные, и подстрочные символы, то формула создается только в редакторе MathType.

Формулы, помещенные на отдельной строке, набираются с интервалами: перед формулой 4 pt, после нее 4 pt; междустрочный интервал одинарный.

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (напр.: рис. 1, табл. 3).

Текст в *таблицах* печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами (без знака номера перед ними и без точки на конце, интервал перед 6 pt, после 4 pt; выравнивается по правому краю таблицы и выделяется светлым курсивом). Ширина таблицы не более 16,5 см, интервал после нее 6 pt.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами (CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)) в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. Основные линии на рисунках (границы блоков и соединительные линии на схемах, линии графиков) имеют толщину 1 pt, вспомогательные (линии-выноски, оси, размерные линии) – 0,6 pt. Рисунки не вставлять в рамки или полотно.

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит только его номер (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) и располагается по центру под рисунком (например, *Рис. 1*). Все тексты и обозначения на рисунке даются шрифтом размером 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt с одинарным интервалом; цифровые обозначения на линиях выносок и номер рисунка даются курсивом. Буквенные обозначения фрагментов рисунка (шрифт «Times New Roman», курсив, 10 pt) ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, *a*); интервалы: перед рисунком и после него 6 pt. Ширина рисунка не более 16,5 см.

Перечень основных тематических направлений журнала:

- Философские науки
- Экономика и управление народным хозяйством
- Социологические исследования

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru